
АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ
ОЙКУМENE

Межвузовский сборник научных трудов

В ы п у с к 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1993

В статьях 9-го выпуска сборника дается новая трактовка ряда актуальных проблем древней истории: сущности царской власти на минойском Крите, роли войны в жизни греков эпохи эллинизма. Значительное место уделено истории и археологии Причерноморья, проблеме греко-варварских взаимодействий.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов, специалистов-антиковедов, всех интересующихся историей древности.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *Ю. В. Андреев*; докт. ист. наук *В. Г. Борухович* (отв. редактор); канд. ист. наук *В. И. Кац*; канд. ист. наук *Е. В. Мавлеев*; канд. ист. наук *С. Ю. Монахов*; канд. ист. наук *В. Н. Парфенов* (отв. секретарь); докт. ист. наук *Э. Д. Фролов*.

А 0503010000—259 14—93
176(02)—93

ISSN 0320—961X

© Саратовский
государственный
университет, 1993

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В период подготовки сборника к печати мы узнали о скоропостижной смерти В. И. Исаевой, нашего внимательного и взыскательного рецензента, много лет помогавшего редколлегии в ее работе. Считаем этот выпуск скромной данью светлой памяти нашего друга Валентины Ивановны Исаевой.

Ю. В. АНДРЕЕВ

Мотив интронизации в искусстве минойского Крита

Хотя со времени открытия на Крите первых дворцовых ансамблей прошло уже почти сто лет, мы все еще очень мало знаем о истинном назначении и характере этих своеобразных архитектурных сооружений. Для исчерпывающего ответа на этот вопрос нам не хватает очень многого, и прежде всего ясного представления о масштабах и уровне развития власти критских царей. Как не раз уже было отмечено, минойская монархия, если только она действительно существовала, остается на удивление безликой и аморфной¹. Как бы мы ее себе ни представляли: как свирепую и безжалостную тиранию легендарного царя Миноса или же как справедливую и благодетельную власть кносского «царя-жреца» (priest-King), некогда возникшую в воображении А. Эванса², — обе эти концепции при отсутствии по-настоящему «читабельных» письменных источников пока не удастся «материализовать» также и с помощью имеющихся археологических данных.

Конечно, известные сейчас дворцы-храмы Кносса, Феста и других минойских центров вполне могли в числе прочих своих функций выполнять также и функцию парадных резиденций «священного царя»³ или, может быть, несколько

¹ В целом по проблеме см.: Willetts R. F. The Civilization of Ancient Crete. Berkeley; Los Angeles, 1977. P. 108 f.

² Evans A. The palace of Minos at Knossos. L., 1921. Vol. 1. Passim.

³ Наиболее полную подборку суждений о различных функциональных аспектах критских дворцовых комплексов см. в сборнике: «The Function of the Minoan Palaces» / Eds. Hägg. R. and Marinatos N. Stockholm, 1987. См. также нашу работу «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы». Л., 1989. С. 84 сл.; С. 126 сл.

таких царей, если предположить, что Крит еще не успел стать вполне централизованным государством, хотя вычленение так называемых «жилых покоев» царя и царицы в восточном крыле двора все еще остается скорее общепринятой условностью, чем реальным фактом. Однако ни размеры дворцов, ни импозантность их архитектуры, ни богатство и великолепие внутреннего убранства сами по себе еще не могут служить прямыми подтверждением дошедших до нас в античной мифологической традиции слухов об исключительном могуществе критского Миноса или Миносов⁴. В действительности мы не знаем, кем был главный обитатель даже самого большого Кносского дворца: самодержавным деспотом наподобие египетских фараонов, «конституционным монархом» вроде царей Угарита или Эблы или же просто безвольной и безвластной марионеткой в руках клики придворной знати, как японские императоры эпохи сёгуната. Мы все еще не можем с уверенностью сказать, кому на самом деле принадлежали «царские инсигнии» вроде уникальных образцов парадного оружия, открытых при раскопках дворца в Маллии, кто восседал на гипсовом «троне Миноса» в тронном зале Кносского дворца⁵ и кто был похоронен в так называемой «храмовой усыпальнице» близ Кносса. Но, что особенно важно, до нас не дошло ни одного надежно идентифицированного изображения «царствующей особы». По разным причинам сейчас подверглись критической переоценке практически все те произведения искусства, в которых Эванс и другие ученые его поколения склонны были видеть если не настоящие портреты неведомых нам критских царей, то, по крайней мере, их условно стилизованные и обобщенные изображения⁶. Но что особенно

⁴ По вопросу об исторической достоверности преданий о т. н. «минойской талассократии» см. противоречивые мнения в сборнике докладов «The Minoan Thalassocracy. Myth and Reality» / Eds. Hägg R. and Marinatos N. Stockholm, 1984.

⁵ Некоторые авторы склонны думать, что тронный зал не был местом царских аудиенций или заседаний государственного совета, а служил ритуальным помещением, где происходили эпифании (явления) великой богини (см., например, *Niemeier W.-D. On the Function of the Throne Room in the Palace at Knossos* // *The Function of the Minoan Palaces*. P. 163 f).

⁶ Среди этих произведений наиболее известны так называемый «царь-жрец» — раскрашенный рельеф из Кносса, который некоторыми авторами теперь интерпретируется как изображение кулачного бойца (*Coulomb J. Le Prince aux lis de Knossos reconsidéré* // BCH, 1979. T. 103), профильные портреты «правителя» и «его сына» на оттисках печатей из того же Кносса (*Evans A. The Palace of Minos at Knossos*. L., 1921. Vol. 1. Fig. 2a; P. 272. Fig. 201 A) и так называемый «кубок принца» из Айа Триады с фигурой юного царя (см. о нем ниже).

странно, царскую особу до сих пор не удалось обнаружить там, где она, казалось бы, непременно должна была присутствовать, а именно: в массовых сценах историко-мифологического или, говоря условно, жанрового характера, хорошо представленных в минойской фресковой живописи. Среди множества миниатюрных человеческих фигур, которые мы видим на таких «густонаселенных» фресках, как знаменитый «морской фриз» из Акротири (о-в Фера)⁷, или не менее известные росписи из Кноссского дворца, изображающие толпу зрителей, наблюдающих за какой-то праздничной церемонией или представлением⁸, трудно найти хотя бы одну, которая своим внешним обликом, позой или размерами выделялась бы среди всех прочих настолько, чтобы сойти за изображение лица, наделенного высшей властью.

Конечно, трудно смириться с мыслью, что цари Крита были настолько слабы и ничтожны, что даже их придворные художники совершенно ими не интересовались и не желали запечатлеть для потомства их облик. К тому же сам факт отсутствия их изображений в минойском искусстве может быть истолкован и в прямо противоположном смысле, если предположить, что особа царя почиталась настолько священной, что простые смертные были лишены возможности ее лицезрения даже и в виде дублирующих ее картин или статуй. Эта последняя догадка позволяет понять, почему фигура царя не находит места в произведениях фресковой живописи, украшавших дворцовые залы или парадные покои домов богатых горожан и открытых для публичного обозрения. Она, однако, не исключает возможности появления такого рода фигур в сценах, представленных на вещах, предназначавшихся для сугубо интимного использования либо самим царем, либо лицами из его ближайшего окружения, например, на печатях и сделанных с них слепках или на некоторых образцах культовой утвари.

Одним из таких предметов может считаться стеатитовый сосуд из «царской виллы» в Айа Триаде, известный в науке под условным обозначением «кубок принца» или, в другом варианте, «кубок вождя» (*chieftain cup*). Стенки сосуда украшает рельефная композиция, состоящая из двух, сюжетно, по-видимому, связанных между собой сцен, общий смысл которых по-разному объясняется разными авторами. А. Эванс,

⁷ *Marinatos Sp. Excavations at Thera. T. VI. Athens, 1974. P. 38—44; Marinatos N. Art and Religion in Thera. Athens, 1985. P. 38 f.*

⁸ *Evans A. The Palace of Minos at Knossos. L., 1930. Vol. III. P. 46 f.*

посвятивший этому замечательному произведению классического минойского искусства несколько страниц второго тома своей книги⁹, был убежден, что мужская фигура с длинными волосами и жезлом или, может быть, копьем в повелительно вытянутой вперед руке, которую мы видим на одной из этих сцен (как правило, именно она и воспроизводится на фотографиях и прорисовках кубка), изображает «юного минойского принца», который, стоя перед воротами своей residen-

Рис. 1. «Кубок принца» из Аяа Триаде (первая композиция)

⁹ Evans A. The Palace of Minos at Knossos. L., 1928. Vol. II. P. 11. P. 790 f.

ции (на нее указывает столб или стена из прямоугольных блоков, замыкающая сцену с правой стороны), отдает распоряжения «офицеру своей гвардии» (рис. 1). Почтительно вытянувшийся перед своим повелителем «офицер» держит в одной руке меч, а в другой — загадочный предмет, который Эванс квалифицировал как «очистительное кропило» (*lustral sprinkler*), соответствующее так называемому *aspergillum* римских понтификов¹⁰. В его понимании меч и кропило были на Крите двумя главными атрибутами и символами верховной власти царя-жреца, одновременно светской и духовной. Эту мысль Эванс удачно подкрепил ссылкой на одну из своих находок — цилиндрическую печать из Кносса с изображением женщины, по всей видимости, богини, которая в одной руке держит типично минойский меч в виде рапиры, а в другой, вероятно, тот же самый предмет, что и в левой руке «офицера» на кубке из Аяа Триады, т. е. «кропило», если признать эту идентификацию справедливой (рис. 2). Это совпадение, наверное, нельзя считать случайным. Странное только на первый взгляд присвоение богиней царских регалий, по мысли Эванса, становится вполне объяснимым, если предположить, что она почиталась на Крите как небесная или, может быть, подземная покровительница царя-жреца, а он — как ее вицерегент на земле.

К сожалению, замечательный английский археолог не счел нужным расставить все точки над *i*, и смысл сцены, представленной на сосуде из Аяа Триады, остался нераскрытым. Не получила сколько-нибудь убедительного объяснения также и вторая часть рельефной композиции, находящаяся на другой стороне сосуда и изображающая трех мужчин, облаченных в странные широкие одеяния вроде кавказских бурок (рис. 3). Бегло упомянув об этой сцене в другой главе того же II тома «Дворца Миноса», Эванс предположил в свойственной ему экстравагантной манере, что одеяния эти представляют собой ни что иное, как шкуры африканских слонов, доставленные юными охотниками на Крит и, видимо, преподнесенные в дар царю¹¹.

Несколько более правдоподобное, хотя все же не до конца понятное объяснение получили рельефы кубка из Аяа Триады в статье Дж. Форсдайка «Минос Критский»¹². В его по-

¹⁰ Ibid. P. 792.

¹¹ Ibid. P. 742. Fig. 476.

¹² *Forsdyke J. Minos of Crete // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1952. Vol. XV.*

Рис. 2. Цилиндрическая печать из Кносса

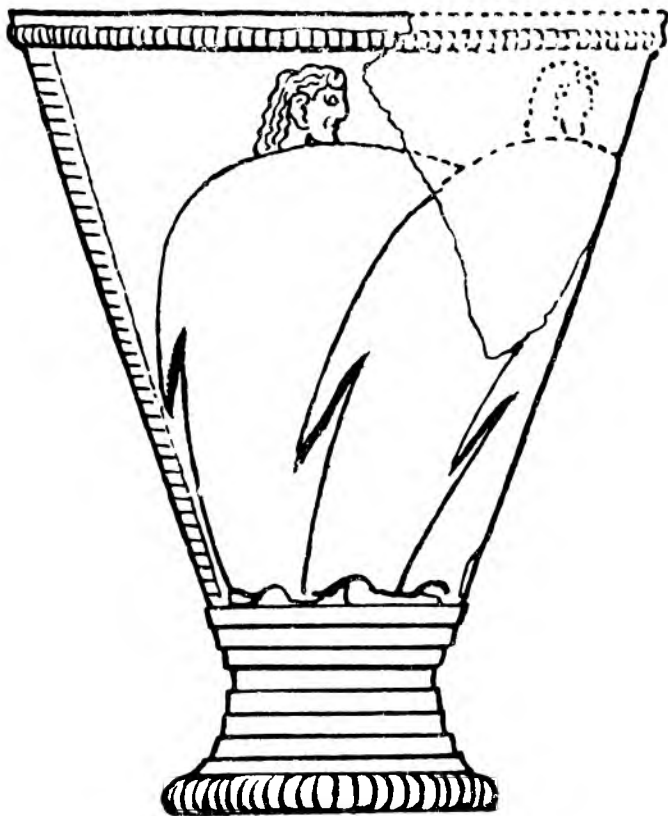

Рис. 3. «Кубок принца» из Айа Триаде (вторая композиция)

нимании, в своей совокупности обе сцены, украшающие кубок, изображают кульминационный момент торжественного жертвоприношения во дворце: слуги преподносят царю только что содранные шкуры жертвенных быков, причитающиеся ему как персоне, то ли воплощающей в себе божество, то ли являющейся его главным представителем на земле. В этой связи Форсдайт напоминает читателю еще о двух важных моментах. Во-первых, сам бык почитался на Крите как священное животное, может быть, даже как воплощение одного из главных божеств минойского пантеона, и поэтому его участие в изображенной на кубке сцене, хотя бы только в виде свежесодранной шкуры, наполняет всю композицию особым мисти-

ческим смыслом. Во-вторых, определенным образом обработанные бычьи шкуры использовались для изготовления больших щитов в виде восьмерки. Щиты эти ценились не только сами по себе как важнейшие части защитного вооружения минойских воинов, но еще и как очень значимые для набожного минойца сакральные символы. В минойском искусстве, особенно в произведениях глиптики и фресковой живописи, они постоянно появляются в сугубо религиозном контексте чередуясь с двойными топорами-лабрисами, так называемыми «рогами посвящения», и другими элементами культового реквизита. Учитывая все это, нетрудно догадаться (и Форсдайт подводит нас именно к этой мысли), что царь в этой сцене выступает одновременно в двух главных своих амплуа: верховного жреца, как правило, выполняющего ключевые роли в общегосударственных религиозных церемониях, и верховного главнокомандующего критской армии, осуществляющего высший надзор за экипировкой своих воинов¹³.

На наш взгляд, Форсдайт ближе, чем кто-нибудь другой из всех, кто когда-либо размышлял над этим загадочным памятником минойского искусства, подошел к разгадке сцены, изображенной на кубке, но все же так и не сумел понять ее подлинное значение. Авторы, так или иначе касавшиеся этого сюжета после него, вели свои поиски уже совсем в ином направлении и, вероятно, именно поэтому так и не добились успеха. Некоторые из предложенных ими решений проблемы поражают своей наивностью. Так, известный греческий археолог Сп. Маринатос предположил, что изготовивший этот маленький пластический шедевр камнерез имел в виду всего-навсего детскую игру в войну. На эту мысль его натолкнули будто бы оторчески свежие лица изображенных на кубке персонажей¹⁴. Более серьезного отношения заслуживает интересная гипотеза, почти одновременно, хотя явно независимо друг от друга выдвинутая двумя исследователями: американцем Кёлем¹⁵ и шведом Зефлундом¹⁶. Оба они приходят к выводу,

¹³ Уже Л. Парибени, впервые опубликовавший «кубок принца» в 1903 г., был убежден, что его рельефы изображают какую-то сцену из военной жизни. Он же высказал предположение, что шкуры, накинутае на плечи юношей, стоящих за спиной «офицера», могли использоваться как щиты (цит. по *Willetts R. F. Cretan Cults and Festivals*. L., 1962. P. 85).

¹⁴ *Marinatos Sp. and Hirmer M. Kreta, Thera und Mykenische Hellas*. München, 1976. S. 144.

¹⁵ *Koehl R. B. The Chieftain Cup and A Minoan Rite of O Passage* // *JHS.*, 1986. Vol. 106.

¹⁶ *Säflund G. The Agoge of the Minoan Youth as Reflected by Palatial*

что сцена, представленная на кубке из Айа Триады, в обеих своих частях изображает церемонию инициации или посвятельный обряд, совершаемый над мальчиками-подростками их предводителем-юношей или молодым мужчиной, старшим и по возрасту и по своему социальному статусу. И Кёль, и Зефлунд в равной мере опираются в своей аргументации на известный пассаж из «Географии» Страбона (X, С. 482—484), повествующий со слов Эфора о воспитании подрастающего поколения у критских дорийцев и о их любовных обычаях. При этом Зефлунд ориентируется в большей степени на первую часть этого рассказа, в которой речь идет преимущественно о жизни мальчиков в так называемых «агелах», тогда как Кёль уделяет гораздо больше внимания второй его части, посвященной курьезному обычаю умыкания мальчиков их уже взрослыми возлюбленными. В соответствии с этим существенно различаются и интерпретации сцены на кубке, предлагаемые каждым из этих авторов в отдельности. В понимании Кёля, создатель кубка хотел изобразить эпизод одаривания похищенного мальчика (так называемый «офицер») его возлюбленным — молодым аристократом (так называемый «принц»). По словам Эфора, после продолжавшегося около двух месяцев сожительства где-нибудь в лесу за городом похититель должен был подарить похищенному воинское одеяние, чашу и быка. Как полагает Кёль, в сцене на кубке такими дарами могут считаться меч и предмет, напоминавший Эвансу кропило, в руках у «офицера», а также шкуры трех, очевидно, уже принесенных в жертву быков, которые несут на своих плечах юноши, изображенные на том же сосуде, но с другой стороны¹⁷. Интерпретация, предложенная Зефлундом, проще и в целом правдоподобнее. В его представлении, две фигуры, противостоящие друг другу в основной сцене, изображают соответственно юношу — предводителя агелы («офицер») и его непосредственного начальника («принц»), отдающего распоряжения относительно только что принятых в агелу неофитов (фигуры, закутанные в бычьи шкуры, в другой части той же композиции).

Хотя в первом прочтении рассуждения Кёля и Зефлунда кажутся довольно убедительными, более внимательное изучение их гипотез показывает, что оба они допускают одну и

Iconography // The Function of the Minoan Palaces / Eds. Hägg R. and Marinatos N. Stockholm, 1987.

¹⁷ Сам кубок, по мнению Кёля, тоже входил в число почетных даров, хотя на рельефе его изображения отсутствуют.

ту же логическую ошибку, интерпретируя рельеф, украшающий «кубок принца», как чисто жанровую сцену, хотя и не лишенную определенного религиозного подтекста, поскольку, как это признают оба исследователя, она изображает обряд инициации. Между тем, жанр в том его виде, в котором он сложился много позже в греческом и римском искусстве, в искусстве минойского Крита едва ли вообще был известен. В определенном смысле сюжеты большинства произведений минойского искусства, в каком бы материале они не были воплощены, могут быть отнесены скорее к разряду исторических или историко-мифологических, чем собственно жанровых, поскольку в центре внимания художника, как правило, находятся события общегосударственного или общенародного масштаба, отнюдь не эпизоды из чьей-то частной жизни. Подобно некоторым другим широко известным шедеврам критских резчиков по камню (так называемая «ваза жнецов», ритон, украшенный сценами тавромахии и кулачного боя) «кубок принца» был найден на территории так называемой «царской виллы» в Айа Триаде, представляющей собой, вне всякого сомнения, такой же административно-ритуальный комплекс, т. е. здание сугубо официального характера, как и дворцы Феста или Кносса, хотя она и отличается от них своей планировкой. Само место находки дает основание предполагать, что мастер, изготовивший кубок, имел в виду нечто более значительное, чем прием новых подростков в компанию «скаутов» или же куртуазную сцену из жизни молодых аристократов¹⁸.

Эту догадку подтверждают, по крайней мере, два важных момента: во-первых, характерная поза «принца» и, во-вторых, предметы, которые держит в обеих руках стоящий перед ним

¹⁸ Сообразно со своим пониманием сцены, изображенной на кубке, Кёль и Зефлунд по-разному оценивают и тот комплекс помещений в юго-западной части виллы, где был найден кубок. В то время как первый готов видеть в нем так называемый «андрейон», т. е. зал для мужских трапез с примыкающими к нему помещениями кухни, «буфетной» и спальни (Koehl R. B. Op. cit. P. 109), второй квалифицирует эти же помещения как «казарму», в которой жили мальчики, принятые в агелы (Säflund G. Op. cit. P. 229). Аргументы, которыми каждый из двух авторов подкрепляет свою особую точку зрения, на наш взгляд, не имеют большой доказательной силы, поскольку «кубок принца» был обнаружен в груде строительного мусора, по всей видимости, рухнувшей вниз со второго этажа при разрушении виллы, и, таким образом, точный археологический «контекст» этой уникальной находки сейчас восстановить невозможно (см.: Halbherr F., Stefani E., Banti L. Haghia Triada nel periodo tardo palaziale // AS Atene. 1977. T. 39. P. 55).

«офицер». По своим наиболее приметным особенностям (повелительно вытянутая вперед правая рука с жезлом или копьем, согнутая в локте левая рука, фронтально развернутое туловище при показанных в профиль голове и ногах, длинные ниспадающие на спину волосы) фигура «принца» довольно точно соответствует определенному иконографическому канону изображения божества или же (в отдельных случаях) человека, по всей видимости, приравненного к божеству. Этот канон хорошо прослеживается в минойской глиптике, в чем мы вскоре сможем убедиться на некоторых конкретных примерах. Что касается двух предметов в руках «офицера», то в данной конкретной ситуации они, как считал уже А. Эванс, а вслед за ним Форсдайт и многие другие авторы, не могут быть ничем иным, кроме как атрибутами царской власти. Несколько замечательных образцов парадного оружия и среди них три бронзовых меча того же типа, который мы видим на «кубке принца», были найдены при раскопках дворца в Маллии¹⁹. Наиболее поздние из них хронологически очень близки к кубку. Странный предмет в левой руке «офицера», принятый Эвансом за «очистительное кропило», в действительности может быть истолкован и по-другому: либо как бич²⁰, либо как крюкообразный жезл²¹. Оба эти символа власти мы видим на портретных изображениях египетских фараонов, начиная уже с эпохи древнего царства²². Странно, что Эванс, всегда настойчиво искавший и находивший в минойской культуре элементы египетского происхождения, не обратил внимания на это сходство. Ведь ссылка на него могла бы стать гораздо более весомым аргументом в поддержку его гипотезы. Крюкообразный царский жезл (так называемый «калмус») был известен также и у хеттов. Как правило, он фигурирует в описаниях различных религиозных обрядов в хеттских священных текстах. На хеттских барельефах царь

¹⁹ Hood S. The Arts in Prehistoric Greece. Harmondsworth, 1978. P. 173 f.

²⁰ Именно так трактует его в своем уже упоминавшемся докладе Г. Зефлунд (Säflund G. Op. cit. P. 228), резонно полагая, что бич был необходим предводителю агелы для поддержания дисциплины среди его подопечных. Он не объясняет, однако, зачем этому юноше или даже мальчику нужен также и меч.

²¹ Кель видит в нем аналог хеттского царского жезла-калмуса (Koehl R. B. Op. cit. P. 106. N. 41). Непонятно, однако, как в этом случае он мог оказаться в числе даров, безусловно считавшихся ванами социального престижа, но все же не столь высокого, как престиж царя.

²² См., напр.: Vandier J. Manuel d'archéologie Egyptienne. T. III. Album. P., 1958. Pl. VIII. 1 (статуя Пепи I из Бруклинского музея); Pl. CVIII. 4—6 (статуя Эхнатона из Каирского музея).

почти неизменно изображается с калмусом в руке²³. Известно, что минойский Крит имел достаточно тесные, хорошо налаженные контакты как с Египтом, так и с царством хеттов, и, следовательно, минойцы могли заимствовать свою религиозную и государственную символику как в той, так и в другой стране. Египетский вариант в данном случае все же кажется более предпочтительным, так как загадочный предмет в левой руке «офицера», пожалуй, больше напоминает эластичный кожаный бич (это сходство, вероятно, и натолкнуло Эванса на мысль о «кропиле»), чем твердый деревянный или металлический жезл. На уже упоминавшейся цилиндрической печати из Кносса с изображением богини, вооруженной мечом и, по всей видимости, тем же самым «квазикропилом», его сходство с бичом уже не вызывает никаких сомнений.

Суммируя все эти наблюдения, мы можем теперь попытаться заново осмыслить всю композицию, украшающую «кубок принца», придерживаясь в основном того направления, которое в свое время было избрано Эвансом и Форсдайком. Это означает, что человек с прямым жезлом в руке все же должен быть признан царем, хотя, конечно, совсем не обязательно видеть в нем самого легендарного Миноса, к чему определенно склонялся Форсдаик²⁴. Человек, застывший перед царем в позе, выражающей беспрекословное повиновение, может в соответствии с этим считаться одним из его приближенных, неким придворным сановником, что дает нам возможность наконец избавиться от явно неуместного здесь «офицера». Но почему в таком случае этот персонаж держит в руках два главных атрибута царской власти: меч и бич, находясь не позади царя, что было бы более или менее понятно (слуга должен нести за своим повелителем принадлежащие ему регалии, либо чтобы просто избавить его от лишней тяжести, либо чтобы освободить его руки для каких-то важных манипуляций), а прямо перед ним? Объяснение, как нам кажется, здесь может быть только одно: в следующий момент сановник должен вручить своему монарху его священные инсигнии, и это будет означать, что именно теперь он становится царем в самом прямом и точном значении этого слова. Иными словами, перед нами — не просто выхваченный наугад эпизод придворной жизни, но сцена вступления на престол нового

²³ Герни О. Р. Хетты. М., 1987. С. 62; Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 101 сл.; *Akurgal E. The art of the Hittites*. L., 1962. P. 112, 114, 119, 127, Fig. 84. 85, 92.

²⁴ *Forsdyke J. Op. cit.* P. 17 f.

царя, т. е. ситуация в полном смысле слова пограничная и, в представлении самих минойцев, наполненная глубоким историческим и вместе с тем религиозно-мистическим содержанием.

В эту логическую схему хорошо вписываются также и бычьи шкуры, изображенные на противоположной стороне кубка. Судя по тому, что группа юношей, несущих эти шкуры на своих плечах, помещена художником на заднем плане, как бы за кулисами этого маленького спектакля, им еще предстоит сыграть некую важную роль в его следующем акте, после вручения царю символов власти. Согласно широко распространенным в древности представлениям, перед вступлением на престол царь должен был прежде всего очиститься от всей накопившейся на нем скверны²⁵.

Между тем в самой церемонии очищения у многих древних народов нередко использовались шкуры жертвенных животных: быков или баранов, как правило, только что содранные²⁶. Человек, нуждающийся в очищении, должен был встать на шкуры босыми ногами или же опять-таки босиком пройти по полу святилища, устланному шкурами. Считалось, что шкуры при этом впитывают в себя скверну, как грязь или влагу. Таково, на наш взгляд, наиболее правдоподобное и рациональное объяснение второй части композиции, украшающей стенки «кубка принца».

К тому же кругу сюжетов, так или иначе связанных с ритуалом интронизации царя-жреца, как нам кажется, могут быть отнесены также и некоторые изображения на критских печатях, хронологически более поздние, чем кубок из Ая Триады, но все же достаточно близкие к нему. Среди этих миниатюр наиболее известна сцена на оттиске печати из Кносса; в центре которой мы видим величественную фигуру богини с жезлом в вытянутой вперед руке, возвышающуюся на вершине горы²⁷ (рис. 4). Вся ее поза и в особенности повелительный жест правой руки близко напоминают фигуру юного царя на кубке, явно следуя тому же иконографическому канону. У подножия горы по обе стороны от богини застыли

²⁵ Соблюдение ритуальной чистоты вообще было одним из главных требований, предъявляемых к царю. См.: например: *Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита (XIV—XIII вв.). М., 1987. С. 27.

²⁶ *Harrison J. H.* Prolegomena to the Study of Greek Religion. N.-Y., 1957. P. 23—29; *Astour M. C.* Hellenosemitica. Leiden, 1967. P. 280 f.

²⁷ *Evans A.* The Palace of Minos at Knossos. L., 1928. Vol. II. P. 808. Fig. 528

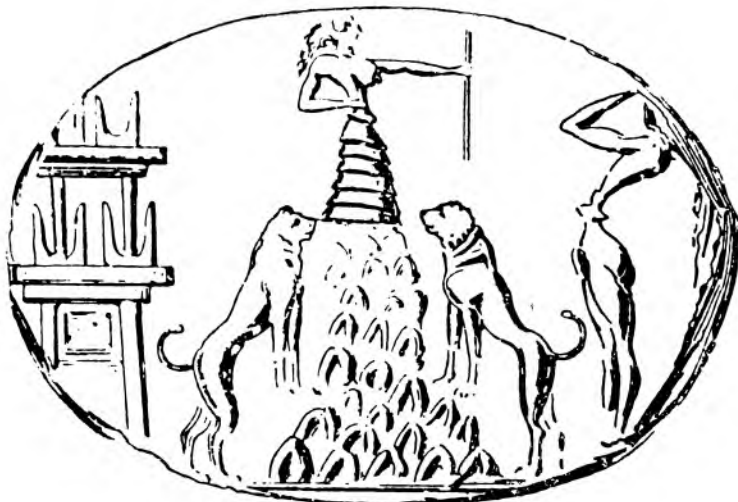

Рис. 4. Оттиск печати из Кносса

в симметричных геральдических позах два поднявшихся на задние лапы льва. Позади нее виднеется украшенная «священными рогами» постройка, вероятно, святилище. Прямо перед богиней резчик поместил напряженно вытянувшуюся в молитвенной позе фигуру мужчины — адоранта. Непосредственное общение с богами всегда оставалось на Крите, как и в других странах Древнего мира, привилегией очень узкого круга лиц, в состав которого, как нетрудно догадаться, должны были входить в первую очередь сам глава государства и члены его семьи. Учитывая это, было бы вполне логично признать стоящего перед богиней человека царем. И более того, мы вправе предположить, что, простирая руку с жезлом над головой царя, богиня не просто принимает его под свою опеку, но и благословляет на царство, возможно, вручая ему при этом свой скипетр как знак верховной власти. В таком понимании эта сцена прямо перекликается со знаменитым пассажем о скипетре Агамемнона из гомеровской «Илиады» (II, 100—108).

В несколько иной, более спокойной и сдержанной манере та же тема трактуется в сцене, изображенной на электроформе из Микен (судя по стилю, явно минойской работы) ²⁸.

²⁸ Tsountas Chr. and Manatt J. The Mycenaean age. L., 1897. P. 51.

Здесь мы видим массивную, даже несколько громоздкую фигуру богини, восседающей на каком-то подобии трона, и перед ней несравненно более субтильную мужскую фигуру с жезлом или, может быть, копьем в правой руке (рис. 5). Судя по выразительным жестам рук, оба персонажа заняты оживленной беседой, что дало Эвансу основание назвать эту сцену «*Sacra conversazione*». Скалистый «задник» за спиной богини может означать, что местом действия здесь также является либо вершина горы, либо пещера. Вся эта ситуация невольно вызывает в памяти другой, также достаточно известный гомеровский пассаж, на этот раз из «Одиссеи» (XIX, 178—179), в котором Минос назван «девятилетним царем, собеседником великого Зевса» (Μίνως εννεετὸς βασιλεὺς Διὸς μευαλοῦ δαριότης). Античные комментаторы Гомера, начиная уже с Платона (Plat. Legg. I, 624B—625A; Strab. XVI, C 762; Diod. V, 78,3; Dion. Hal. Ant. Rom. II, 61), были убеждены в том, что поэт имел в виду происходившие каждые девять лет в Диктейской пещере встречи Миноса с Зевсом, во время которых верховный олимпиец внушал своему сыну идеи его будущих законов. Вполне возможно, что нечто подобное хотел изобразить на своей печати и безвестный минойский ювелир. По всей видимости, во время таких встреч наедине великая

Рис. 5. Сцена на электровом кольце из Микен

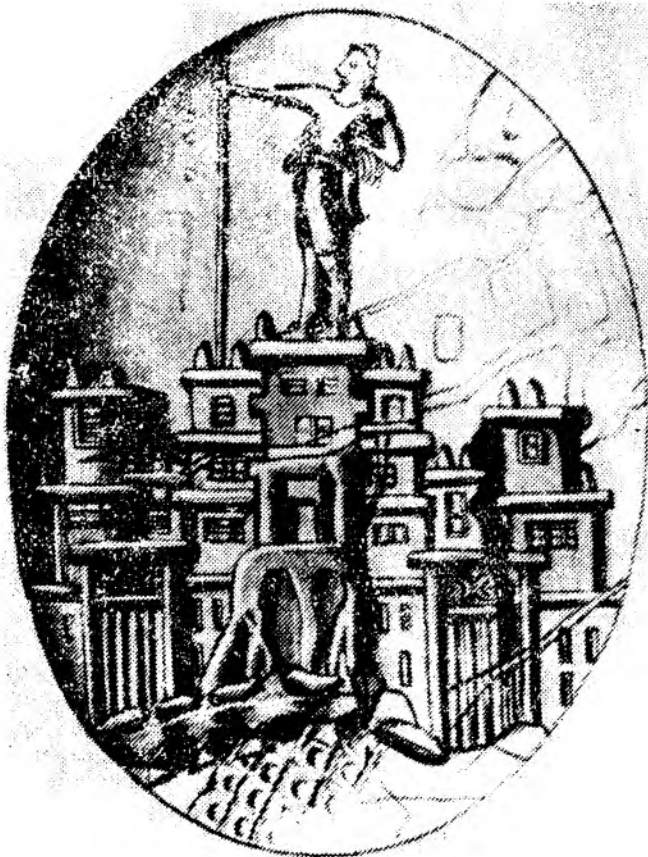

Рис. 6. Оттиск печати из Хани

богиня, позднее уступившая свое место Зевсу, не только давала наставления царю в отношении будущего законодательства, но и возобновляла необходимый для его дальнейшей «работы» запас магической энергии²⁹, который заключался в переходившем из рук в руки царском скипетре. Таким образом, вся процедура интронизации вместе с ее ключевым моментом — вручением божеством царю его священного жезла —

²⁹ Ср. интерпретацию цитированных выше строк «Одиссеи» в «Золотой ветви» Дж. Фрэзера (*Frazer J. The Golden Bough. Vol. III. The Dying God. L., 1907. P. 70*).

могла повторяться через определенные промежутки времени, что, очевидно, считалось гарантией особой устойчивости и долговечности царской власти.

И наконец, еще одно важное звено к этой же цепи взаимосвязанных сюжетов добавляет недавняя сенсационная находка, сделанная в Хании (западный Крит) ³⁰. В 1983 г. здесь среди руин минойского поселения, погибшего в огне пожара в хронологических рамках позднемикенского II периода (вторая половина XV в. до н. э.), был открыт совершенно уникальный слепок с печати ³¹ с изображением города или, может быть, дворца, на кровле которого среди «рогов посвящения» гордо высится монументальная мужская фигура, своей позой и характерным жестом вытянутой вперед руки со сжатым в ней длинным жезлом близко напоминающая, с одной стороны, фигуру юного царя на «кубке принца», с другой же, фигуру богини на оттиске печати из Кносса (рис. 6). Мнения ученых, впервые увидевших этот слепок на 4-м международном симпозиуме при Шведском институте в Афинах в июне 1984 г., сразу же резко разделились. В то время как одни готовы были видеть в изображенной на нем загадочной фигуре царя, другие полагали, что это может быть только божество ³², хотя возможно и компромиссное решение проблемы, если предположить, что сам царь почитался на Крите как земное воплощение верховного мужского божества, консорта великой богини ³³. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что этот Астианакс или «владыка города», как очень точно определил основной смысл этого фантастического образа Ст. Хиллер на упомянутом симпозиуме в Афинах ³⁴, тесно связан с образующим его пьедестал архитектурным ансамблем и, можно даже сказать, составляет вместе с ним единое, нераздельное целое. Поэтому соединяющие их узы носят в

³⁰ *Tzedakis Y. and Hallager E. A Clay-sealing from the Greek-Swedish Excavations at Khania // The Function of the Minoan Palaces / Eds. Hägg R. and Marinatos N. Stockholm, 1987; Das mykenische Hellas, Heimat der Helden Homers. Athen 1988. S. 210 f.*

³¹ Как указывают авторы публикации, сам слепок может быть датирован по сопутствующему ему археологическому материалу позднеминойским IB периодом, т. е. первой половиной XV в. (*Tzedakis Y. and Hallager E. Op. cit. P. 118*).

³² *Ibid. P. 119 f.*

³³ В осторожной форме эта мысль высказывалась уже Эвансом (*Evans A. The Palace of Minos at Knossos. Vol. IV. L., 1935. P. 401*) и в дальнейшем была подхвачена также некоторыми другими авторами (см., напр.: *Willets R. F. Cretan Cults and Festivals. L., 1962. P. 91*).

³⁴ *Tzedakis Y. and Hallager E. Op. cit. P. 120.*

некотором роде амбивалентный характер. Простирая вперед руку с жезлом, «владыка» как бы принимает под свое державное покровительство и опеку лежащий у его ног город, но и сам при этом утверждает в своем праве на высшую власть, что позволяет расценивать всю эту миниатюрную композицию как еще один вариант воплощения мотива интронизации в минойском искусстве. Посредством чрезвычайно смелой художественной гиперболы неведомый нам критский резчик сумел на таком ограниченном пространстве впечатляюще передать всю торжественность момента царского апофеоза. Исполненная грозного сверхчеловеческого величия фигура «владыки города» невольно вызывает в памяти зловещий и трагический образ легендарного Миноса.

В настоящее время слепок из Хании является, пожалуй, единственным произведением критского искусства эпохи бронзы, которое вызывает определенные ассоциации с восходящей к античной мифологической традиции концепцией «минойского империализма». Конечно, было бы и неосторожно и преждевременно пытаться сделать на основании этой пока еще единственной в своем роде находки сколько-нибудь далеко идущие выводы относительно характера царской власти на Крите³⁵. И все же уже и сейчас трудно удержаться от мысли, что наши представления о ней являются результатом известного рода исторической аберрации, вызванной в первую очередь крайней неполнотой имеющейся в нашем распоряжении информации. Вероятно, не все критские цари были ничего не значащими марионетками, послушно выполнявшими прихоти и капризы правящей клики придворных жриц. Возможно, и среди них время от времени появлялись люди, наделенные сильным героическим или тираническим темпераментом, сумевшие проявить себя как доблестные воители или как мудрые законодатели. Недаром главными атрибутами царствующей особы на Крите считались меч воина и бич пастуха.

Однако было бы ошибкой и совсем сбрасывать со счета странную анонимность царской власти как ничего не знача-

³⁵ При взгляде на сцену, изображенную на слепке из Хании, сразу же отчетливо ощущается столь характерное для минойского мировосприятия настроение мистической экзальтации. Общую ирреальность ситуации еще более усиливают как бы висящие в воздухе по обе стороны от фигуры «владыки города» «фантомы»: странный предмет, напоминающий человеческую ногу, слева от него и голова быка справа. Земное могущество царя здесь еще явно не успело отделиться от его главной функции посредника между миром людей и миром богов. В позднейших греческих мифах о Миносе, явно подвергшихся интенсивной рационалистической переработке, удается уловить лишь слабые отголоски этого комплекса представлений.

щую деталь в общей панораме минойской цивилизации. Если справедливо наше первоначальное предположение, и здесь действительно имела место сознательная табуация изображений царской персоны, то уже сам по себе этот факт, несомненно, свидетельствует об осознании минойским обществом огромной сакральной и, следовательно, также социальной значимости личности царя как консорта великой богини или, по меньшей мере, ее верховного жреца и в любом из этих случаев главного посредника между миром богов и миром людей. Стремление как можно более надежно застраховать этого гаранта всенародного процветания и благоденствия от каких бы то ни было вредоносных влияний могло натолкнуть на мысль о необходимости сокрытия его священной особы от праздного любопытства толпы, что и привело, по всей видимости, к изъятию этой темы из репертуара минойских художников-монументалистов. Конечно, в иной этнокультурной среде последовательное развитие исходной идеи всего этого комплекса представлений могло привести к прямо противоположному результату, т. е. к публичной демонстрации царского величия, в том числе и средствами «монументальной пропаганды», как мы наблюдаем это в Египте и в некоторых других странах Древнего Востока. Если на Крите этого не произошло, то причину следует искать в определенной архаичности самого минойского менталитета, в котором, судя по всему, еще продолжали доминировать традиции первобытного коллективизма³⁶, и представление о самоценности конкретной человеческой личности только еще начинало складываться. Признав право на ясно выраженную индивидуальность за одним-единственным человеком, которого они почитали то ли как божество, то ли как персону, особо приближенную к богам, осторожные минойцы тут же постарались скрыть эту аномалию и от самих себя и от всего окружающего мира.

³⁶ Накопленный за последние десятилетия археологический материал позволяет поставить вопрос о хотя бы частичной реабилитации некогда решительно отвергнутого советской наукой «еретического» учения Б. Л. Богаевского о «первобытно-коммунистическом способе производства» на Крит и в Микенах, что означало бы признание определенной «скороспелости» и в то же время «недоразвитости» минойского общества в сравнении с более или менее синхронными с ним обществами Древнего Востока.

Война и понятие справедливости у греков в эпоху эллинизма

Война (Полемос) — отец всех, царь всех:
одних она объявляет богами, других —
людьми, одних творит рабами, других —
свободными.

Гераклит. Фр. 29 (Пер. А. Лебедева)

Когда сильный с оружием охраняет свой
дом, тогда в безопасности его имение;
когда же сильнейший его нападет на него
и победит его, тогда возьмет все оружие
его, на которое он надеялся, и разделит
похищенное у него.

Евангелие от Луки. 11. 21—22.

Война как исторический феномен сложна и многогранна: она имеет политические, социальные, экономические, религиозные и другие стороны. Но во все времена война воспринималась в контексте фундаментальных нравственных ценностей человека, получая положительную или отрицательную оценку. Именно этот аспект применительно к грекам эллинистической эпохи составляет предмет статьи*, ключевыми понятиями которой наряду с Войной являются Сила, Мир и Справедливость.

Война и Сила. Война — это насилие, война — это господство Силы. Глубоко права Симона Вейль, когда центральной темой «Илиады» Гомера называет не войну, а Силу. Сила подчиняет себе человека, перед ней плоть человека сжимается и цепенеет. «Сила есть некий феномен, который превращает в предмет, в «вещь» каждого, кто оказывается в поле ее действия. Того же, кто попадает под удар, она превращает в вещь буквально: был человек, остался труп»¹.

Эллинистическая история полна картин, изображающих смертоносные битвы, гибель людей. Повествуя о сражении при Киноскефалах, Полибий рисует ярость, с которой римляне преследуют убегающих македонян и убивают их, так что

* В статье использованы материалы подготовленной автором книги «Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220—146 годах до н. э.», которая выйдет в свет в Издательстве Саратовского университета.

¹ Вейль С. «Илиада», или поэма о Силе / Пер. А. Суконика // Новый мир. 1990. № 6. С. 250.

полководец Тит Квинкий Фламинин, «вознамерившись пощадить оцепеневших от страха людей», должен был удерживать своих воинов на месте (Polyb. 18.26). Итог битвы в Фессалии страшный: римлян пало до семисот человек, македонян до восьми тысяч и не меньше пяти тысяч было взято в плен! (Polyb. 18. 27.6, cf. Liv. 33.9.8—10.7)². Современник этого события Алкей Мессенский откликнулся на трагедию эпиграммой:

Без похорон и без слез, о прохожий, на этом кургане
Мы, фессалийцы, лежим — три мириады бойцов,—
Пав от меча этолийцев или латинян, которых
Тит за собою привел из Италийской земли.
Тяжко Эмафии горе...

(*Anth. Pal.* 7. 247. 1—5. Пер. Л. Блауменау)

Сила, которая убивает,— примитивная, грубая форма силы. Разнообразна другая сила, которая способна обратить в вещь человека, еще живущего. Человек живет, наделен душой, но он — уже вещь! Рабство — феномен, делающий людей предметами. Война — оружие, с помощью которого Сила и превращает людей в рабов³. И совсем неслучайно война со времен классической античности становится важнейшим источником рабства в Греции⁴. «Немногие, если их ободрить, возвращаются снова к жизни. Другие же, горемыки, не умирая, до конца своих дней остаются вещью. Нет для них вольного пространства, неизведанной дороги. Они больше не способны ни одарять людей от щедрот своего сердца, ни принимать щедроты, предлагаемые другими. Внешне их жизнь не кажется более суровой, чем у других; и необязательно им находиться на низкой общественной ступени, не в этом дело, просто они уже иная порода людей — компромисс между человеком и трупом»⁵.

Как безжалостно Сила давит слабых, так же безжалостно она опьяняет и мутит разум тех, кто ею обладает, или думает, что обладает. Никто не избежит участи когда-нибудь подчиниться Силе⁶.

² Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, 1967. P. 170—172.

³ Ср.: Kuch H. Kriegsgefangenschaft und Sklaverei bei Euripides: Untersuchungen zur «Andromache», zur «Hekabe» und zu den «Troerinnen». 2. Aufl. B., 1978.

⁴ См., например: Павловская А. И. Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э.: Война как источник рабства // ВДИ. 1963. № 3. С. 95—106.

⁵ Вейль С. Указ. соч. С. 252.

⁶ Там же. С. 253.

Глуп человек, — он рушит города,
Он, храмы жжет, священные гробницы,
И вот — опустошитель — гибнет сам.

(*Eur. Troi. 95—97. Пер. С. Шервинского*)

И оказывается, что доблесть, отвага героя определяют его успех и процветание меньше, чем Судьба, которая слепа⁷:

Ты, Фортуна, сильна и переменчива;
Все шокорно твоим произволениям.
Ты недобрых щадишь, добрых не милуешь,
И не можешь ни в чем быть постоянною.
Ты порою до звезд высишь ничтожного,
Смертный рушишь удар на неповинного,
Справедливых томишь тяжкою бедностью,
Недостойных даришь всеми богатствами.

(*Асклепиадий. Фортуна. 1—8. Пер. М. Гаспарова*)

Готовясь к битве, Гектор успокаивает Андромаху, говоря, что избежать Судьбы не дано никому:

Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против Судьбы человек меня не пошлет к Андесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.

(*Нот. II. 6. 486—489. Пер. Н. Гнедича*)

Но чаще Судьба устанавливает справедливость: она карает тех, кто поднял меч, мечом же⁸. Задолго до Евангелия греки знали этот закон, он сформулирован Гомером еще в «Илиаде».

Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!

(*Нот. II. 18. 309. Пер. Н. Гнедича*)

Полибий понимал это как никто другой. Один из главных героев его повествования царь Филипп V наделен огромной силой, потому что опирается он на мощь Македонской державы. Однако часто царь поступает так, как будто вокруг него никого нет⁹. Он движется в среде, не оказывающей ему никакого сопротивления, не обладающей свойством, которое от-

⁷ Ср.: *Kirk G. S. War and the Warrior in the Homeric Poems // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1985. P. 100.*

⁸ Ср.: *Зелинский Ф. Ф. Идея возмездия в античной трагедии и жизни // Русская мысль. 1912. Кн. 11. С. 1—46; Rosenmeyer T. G. Drama // The Legacy of Greece: A New Appraisal / Ed. by M. I. Finley. Oxford; N.-Y., 1984. P. 142—144.*

⁹ Ср.: *Walbank F. W. Philip V of Macedon. P. 260—264.*

личает человеческий мир от мира природы,—способностью порождать между порывом к действию и самим действием маленький интервал, в котором может поместиться мысль. А там, где нет мысли, не может быть места справедливости и благоразумию¹⁰. Не потому ли Филипп так жесток и безрассуден? Он переселяет македонян с женами и детьми из приморских городов в Пеонию, оторвав людей от родного очага и ввергнув всю страну в пучину скорби и смятения (Polyb. 23.10.4—6). Он заключает под стражу детей загубленных им же знатных македонян (23.10.8—11).

И вот Судьба воздает должное Филиппу V за все им содеянное: над царем и всей Македонией разразились ужасные бедствия: «Как будто настало время, когда Судьба решила покарать Филиппа за все бесчинства и злодеяния, совершенные им прежде, ради этого ниспослала на него гневных богинь казни и возмездия за несчастные жертвы; тени загубленных неотступно преследовали его день и ночь до последнего издыхания, и всякий мог убедиться в справедливости изречения, что есть око правды, и нам, смертным, надлежит памятовать о том непрестанно» (Polyb. 23.10.2—3. Пер. Ф. Мищенко).

Полибий изображает Филиппа как героя греческой трагедии: царь, кажется, своими руками разрушает благополучие собственного дома, и помогает ему в этом Судьба¹¹. Как будто сбывается драматическое пророчество о крушении Македонии, сделанное Деметрием Фалерским задолго до этого события (см.: Polyb. 29.21). Династия Филиппа оказалась уничтоженной (Polyb. 23.10—11; cf.: Liv. 40.3.3 sq.) в наказание македонскому царю за его заговор с Антиохом III Сирийским против невинного мальчика — царя Птолемея V Эпифана (ср.: Polyb. 15.20.5—8): Филипп допустил убийство одного из своих сыновей Деметрия, а поражение другого его сына Персея в войне с римлянами привело к спасению Египта (ср.: Polyb. 15.20.5—8; 29.27.11—12)¹². Казалось, «какое-то божество выжидало старости Филиппа, чтобы обрушиться на него своим гневом за содеянные в прежней жизни преступления» (Polyb. 23.10.14. Пер. Ф. Мищенко).

¹⁰ Ср.: Вейль С. Указ. соч. С. 254.

¹¹ Walbank F. W. Φίλιππος τραγωδουμένος: A. Polybian Experiment // JHS. 1938. Vol. 58. P. 55—68.

¹² Ср.: Edson C. F. Perseus and Demetrius // HSCPh. 1935. Vol. 46. P. 191—202; Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone. R., 1953. P. 41—47; Walbank F. W. HCP. Vol. 1. P. 24; *idem*. Polybius. Berkeley. a. o., 1990. P. 39, 62—63.

Полагаясь на мощь оружия, сильные не догадываются, что наступит время, когда последствия их действий падут на них самих. Те, кому судьбой отпущена Сила, гибнут оттого, что слишком полагались на Силу. Кара под именем Немезиды, «грозы для людей земнородных» (Hesiod. Theog. 223), встречается не только в греческом эпосе или трагедии, у Сократа или Платона, мы находим ее и у греческих авторов эллинистической эпохи: идея возмездия известна везде, куда проник эллинизм¹³.

Искусство войны — не что иное как способность вызывать в душах людей перерождение, ведь человек, одержимый Аресом, превращается в вещь, и человеческое слово уже не имеет над ним никакой власти, так же, как и над бездушной материей. В этом смысле завоевание земель и богатств, уничтожение противника — это лишь средство, а не цель войны. Ее настоящая цель — это души воюющих, ее основная задача — превратить человека в камень. И спасти от этого может лишь нечто подобное чуду. Это — справедливость и любовь¹⁴.

Не поддаваться ненависти к врагу и презрению к бедствующему, понимать нищету и нужды человека — вот важнейшие условия справедливости и любви¹⁵. Это свойственно грекам вообще, это мы находим у Полибия.

Когда греческий историк пишет о событиях казалось бы далекой от него войны наемников против пунийцев, его повествование окрашено сочувствием и состраданием к бедствиям «варваров». Он сообщает, например, как один из предводителей восставших в Карфагене наемников, беглый римский раб Спендий жестоко расправился со своими противниками: он приказал вывести за вал карфагенянина Гескона и около семисот его сотоварищей и для начала отсечь им руки. Наемники начали казнь с Гескона, «того самого, которого незадолго перед тем они предпочитали всем карфагенянам, величали своим благодетелем, и которому доверили решение спорного дела. По отсечении рук несчастным отрезали носы и уши; изуверенным перебили голени и заживо еще бросили в какую-то канаву» (Polyb. 1.80.11—13. Пер. Ф. Мищенко). Та намеренная сдержанность, с которой Полибий описывает это ужасное событие, не может все же скрыть сочувствия, с которым историк относится к несчастным.

Так же и греки, видя, что римляне все суровее относятся к

¹³ Ср.: Вейль С. Указ. соч. С. 254.

¹⁴ Там же С. 256—257.

¹⁵ Ср.: Kirk G. S. Op. cit. P. 102.

Евмену, большим сочувствием проникались к пергамскому царю, ведь, как говорит Полибий, по самой природе человек всегда сочувствует обиженному — τῷ θλιβομένῳ τὴν εὐνοίαν προσενεούτων (Polyb. 31.10a). По другому поводу историк высказывает сходную мысль: «...Жалость посторонних людей есть ценный дар для несправедливо обиженных, и потому нередко можно видеть, как с переменою настроения в народе меняется судьба людей, как сами победители раскаиваются и смягчают чрезмерные бедствия побежденных» (Polyb. 38.5.2. Пер. Ф. Мищенко).

Как не вспомнить здесь строки заключительной песни «Илиады», повествующие о встрече победителя и побежденного, Ахиллеса и Приама?

И когда питием и пищей насытили сердце.
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая...

(Нот. II. 24. 628—633. Пер. Н. Гнедича)

Война и мир. Выдающиеся греческие трагики и историки классической эпохи, кажется, едины в понимании той общей для многих греков мысли, что Мир предпочтительнее войны¹⁶. Еврипид, например, в трагедии «Просительницы» говорит об этом вполне определенно:

Свой голос подавая за войну,
Не думает никто, что сам умрет,
Надеется: другой погибнет. Если б
Воображали собственную смерть,
Кидая камешек, тогда от войн
Не гибла бы Эллада. Знают все,
Что хуже и что лучше и насколько
Мир для людей полезнее войны.
Во-первых, мир для муз благоприятен,
Он плачей враг, он друг деторождения,
Он и богатству рад, — а мы, дурные,
Всем жертвуем и подымаем войны,
Чтоб человека в рабство человеку
И город в рабство городу отдать.

(Eur. Suppl. 481—495. Пер. С. Шервинского)

¹⁶ О проблеме войны и мира в античной общественной мысли подробнее см.: Nestle W. Der Friedensgedanke in der antiken Welt. Leipzig. 1938; Dieckhoff M. Krieg und Frieden im griechisch-römischen Altertum. B., 1962.

Мир как противник насилия видится трагику гораздо более полезным, нежели война.

Фукидид также высказывается о предпочтительности мира, хотя особо подчеркивает другой, нравственный аспект этой проблемы: «Во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами, потому что не связаны условиями, лишаящими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни» (Thuc. 3.82.2. Пер. Г. Стратановского).

В уста «варвара» Креза Геродот вкладывает весьма важную для него, грека, мысль о том, что «нет никого столь нерассудительного, чтобы предпочесть войну миру: во время мира сыновья хоронят отцов, во время войны отцы хоронят сыновей. Но так угодно было богам» (Herod. 1.87. Пер. Ф. Мищенко).

Этот вопрос не остался без внимания и в греческой комедии¹⁷. Не случайно, что одно из сочинений Аристофана называется *Εἰρήνη* — «Мир», — оно имело целью высмеять Войну и показать, как и в комедии «Ахарняне», все преимущества Мира¹⁸. Хор обращается к Эйрене:

Ты наш клад, богиня Мира, всех сокровищ ты милей
Для того, кто сеет, жнет,
Сколько вынесли мы бед,
Прежде чем явилась ты!
Ты — спасенье земледельца, блюдо каши из муки!
Все, что зреет на земле,
Гроздь лоз, плоды олив —
Все ликует и поет.

(Aristoph. Pax. 589—600. Пер. С. Анта)

Аристофан пародирует традицию, и поэтому культовая лексика у него перемешана здесь с юмористически-бытовой: мир носит эпитет «дешевого», поскольку эпитет войны — «расчетливая». Как бы автор ни пародировал миф, мифологические основания его комедийного сюжета остаются нетронутыми. Таким образом, главный персонаж Тригей оказыва-

¹⁷ См.: Дератани Н. Ф. Тема мира в комедиях Аристофана // Аристофан: Сб. статей. К 2400-летию со дня рождения Аристофана. М., 1956. С. 41—55; Тимофеева Н. А. Антивоенные комедии Аристофана // Уч. зап. МГПИ. 1958. Каф. зарубежн. лит. Вып. 3. С. 243—253.

¹⁸ Фрейденберг О. М. «Эйрена» Аристофана // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 224.

ется спасителем: ликующий хор земледельцев приветствует его за то, что он приносит на землю Мир, освобождая его (по-гречески «ее») из оков Войны и спуская с неба для благоденствия людей. В гимне, обращенном к Тригею, хор называет его «спасителем всего человеческого рода», «спасителем священного города», и сам герой относится к себе как к спасителю Эллады (Aristoph. Pax. 867, 914, 1035)¹⁹. А ведь

спаситель (σωτήρ) — это прозвище богов (позднее, в эллинистическое время — правителей); они спасают город, и в представлении о спасении вкладывается культовый смысл²⁰.

Война означает смерть мужчин, страдание их близких родственников, опустошную жизнь для остающихся одиноких женщин. Напротив, Мир — это любовь и радость жизни²¹. Мир связан с плодородием, не случайно греки изображали Эйрену в виде женщины, держащей на руках мальчика Плутоса — Богатство (Paus. 1.8.2; 9. 16. 1)²².

По верному наблюдению О. М. Фрейденберг, комедия «Ахарняне» наполнена выпадами против войны и агитацией за мир, но и в этих нападках, и в мирной пропаганде присутствуют категории земледельческо-эсхатологического мифа. Здесь подчеркнут параллелизм мира и войны: Полемос олицетворяется в полководце Ламахе, а Эйрена — в мужском образе Справедливограда (Дикеополя). Со стороны Ламаха видны приготовления к войне, военные снаряжения, военная терминология, вокруг него — люди, желающие воевать со Спартой. А Справедливоград стремится к миру, он готовится к сельским Дионисиям, к празднику вина, к пиру с обильной едой и женщинами. В характеристике Мира здесь выделены черты еды, вина и эротического плодородия²³. В одной из сцен комедии Мир метафорически представлен в виде вина: герою приносят три пробы вина — пятилетней, десятилетней и тридцатилетней выдержки, которые изображают три сорта мира (Aristoph. Achar. 186—200)²⁴. Справедливоград пред-

¹⁹ Там же. С. 225, 227—228.

²⁰ Wenland P. Soter // Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft und die Kunde des Urchristentum. 1904. Bd. 5. S. 347—348; cf.: Dornseiff F. Soter (1) // RE. 2. R. Stuttgart, 1927. Bd. 3. A. 1. Sp. 1211—1221.

²¹ Stark I. Der Wandel des Friedensgedankens bei Aristophanes // Das Altertum. 1985. Bd. 31. Hf. 1. S. 46; cf.: Schottlaender R. Friedenshoffnung in Tragödie und Komödie // Das Altertum. 1962. Bd. 8. S. 195—204.

²² См.: Фрейденберг О. М. Слепец над обрывом // Язык и литература. М., 1932. Т. 8. С. 233 сл.

²³ Ее же. «Эйрена» Аристофана. С. 229.

²⁴ Ср.: Stark I. Op. cit. S. 46.

почитает самый продолжительный мир — тридцатилетний.

Дикеополь одерживает явную победу над своими недалекими согражданами; теперь его превозносят за ум и правильный образ действий, приходят к нему с запоздалым союзом, просят его покровительства. «Справедливоград — владыка мира; за этим миром тщетно приходит к нему земледелец, за миром обращаются к нему перед браком жених и невеста; он один имеет съестные припасы. К нему приходят, его молят, мир — в его руках, и он может его дать, кому пожелает...»²⁵.

Следует обратить внимание также на имя героя, олицетворяющего Эйрену: в образе Дикеополя соединяются два важнейших греческих понятия — Мир и Справедливость.

Таким образом, в греческой мысли классической эпохи преобладало представление о том, что мир предпочтительнее войны²⁶. Это, конечно, не означает, что на практике люди поступали в полном соответствии с таким представлением. Чаше было наоборот.

О невыгодности ведения войны говорит и Полибий (11.4.7), хотя в целом греческий историк исходит, по-видимому, из общего для древних представления о том, что война — это неизбежность, с которой надо считаться. И именно поэтому его интересовали не причины войны вообще, как это было, например, у эпикурейцев (ср.: Lucr. 5.1281—1349), а причины каждой конкретной войны, которую он рассматривал²⁷. Вполне оправданным было бы предположение, что в философской мысли периода эллинизма общий взгляд на проблему соотношения войны и мира коренным образом не изменился²⁸.

Понятие справедливости и война. Существует глубокая связь между тем, как греки понимали войну, и понятием справедливости: эта связь прослеживается не только «в теории» — в политических и философских учениях, — но

²⁵ Фрейдберг О. М. Указ. соч. С. 229—230. О социально-политической трактовке комедий «Мир», «Архарияне» и «Лисистрата» подробнее см.: Stark I. Op. cit. S. 44—48; cf.: Wilamowitz-Moellendorf U. Aristophanes Lysistrate. B., 1928.

²⁶ О взглядах Платона и Аристотеля на эту проблему см., например: Müller R. Hellenen und «Barbaren» in der griechischen Philosophie // Menschenbild und Humanismus der Antike: Studien zur Geschichte der Literatur und Philosophie. Leipzig, 1980. S. 112 u. a.; idem. Krieg und Frieden im antiken Denken // Das Altertum. 1985. Bd. 31. H. 1. S. 31—32.

²⁷ См.: Momigliano A. Some Observations of Causes of War in Ancient Historiography // Studies in Historiography. L., 1966. P. 112—126.

²⁸ Cp.: Müller R. Krieg und Frieden... S. 33—34.

и в практике межгосударственных отношений, в «международном праве», наконец, в общественном мнении греков. Вот почему изучая войну, важно рассмотреть эллинскую концепцию справедливости.

Справедливость (*δικαιοσύνη*) — одна из основополагающих греческих добродетелей. В разные эпохи это понятие занимало важное место в общественной мысли греков и в самой жизни эллинов, побуждая их к деятельности и делая их жизнь подлинной ценностью.

О, справедливая к смертным, для всех — многосчастна, желанна,
С радостью праведным людям всегда воздаешь по заслугам,
О справедливость, всесчитная, с долей счастливой богиня!
Ты непорочную совесть всегда направляешь, как должно,
Чистыми мыслями, ты же при этом разишь беспощадно
Всех, кто с пути уклонился, ты хлещешь бичом преогромным,
Миролюбивая, милая всем, ты любишь веселье.
Чужды тебе мятежи, ты склонна к устойчивой жизни,
Все чрезмерное ты ненавидишь, а равенство любишь,
Цель благородную доблести мудрость в тебе полагает.

(*Нумп. Orph. 63. 1—11. Пер. О. Смыки*)

Этот орфический гимн обращен к Дикайосине — персонифицированной справедливости²⁹. Наряду с ней у греков была *Δίκη* — правосудие, правда.

Зевс же вторую Фемиду блестящую взял себе в жены,
И родила она Ор, — Евномию, Дику, Ирену
(Пышные нивы людей земнородных они охраняют)...

(*Hesiod. Theog. 901—903. Пер. В. Вересаева*)

Важно то, что в представлении греков Эйрена (Мир), будучи противоположностью Полемоса (Войны), являлась и родной сестрой Дике (Правды, Справедливости)³⁰.

В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» Этеокл, собираясь на битву с родным братом Полиником, говорит о нем как о противнике Правды, но парадокс здесь заключается в том, что сам Этеокл берется за оружие, направленное против брата, и тем самым попирает Закон и Правду. В этом глубочайший трагизм ситуации:

²⁹ См.: Waser. *Dikaio-syne* // RE. 1903. Bd. 5. 1. Sp. 564—565.

³⁰ См.: Waser. *Dike* (1) // Ibid. Sp. 574—578; cf.: *Thalheim. Dike* (2) //

Ibid. Sp. 578—580. Об этимологии слов *δίκη* — *δικαίος* — *δικαιοσύνη* подробнее см.: *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. P., 1968. T. 1. P. 283.

Когда

Была бы Правда, Зевса дочь, воистину
Его вожатой, спорить было б не о чем.
Но никогда доселе,— ни едва на свет
Из матерней утробы вышел он, ни в дни,
Как рос и креп мужая, ни когда брадой
Покрылся подбородок,— не бывала с ним
Святая Правда. В разоренье ль родины
Она впервые будет помогать ему?
Иначе Правду звали б ложным именем
Богиню людей, общницу путей кривых.

(*Aeschyl. Sept. 662—671. Пер. Вяч. Иванова*)

В представлении эллинов справедливость прежде всего связана с соблюдением Закона, или, что то же самое, Закон живет посредством справедливости.

Ты матерям помоги, помоги, о город Паллады,
Да не попрут законов общих,—
Ты справедливость блюдешь, несправедливости чуждый,
Ты всем покровитель, кто бы ни был обижен бесчестно!

(*Eur. Suppl. 377—380. Пер. С. Шервинского*)

Понятие справедливости было всесторонне разработано в классическую эпоху Аристотелем и особенно Платоном³¹.

У Платона справедливость неразрывно связана с понятием добродетели — *αρετή* (ср.: *Plat. Prot. 323a—327b*); она — одна из добродетелей, наряду с *σοφία* (мудростью), *αὔδρια* (мужеством) и *σωφροσύνη*. Поскольку последнее из указанных качеств возможно только тогда, когда разум правильно сдерживает желания, то *σωφροσύνη* и *δικαιοσύνη* отчасти переходят друг в друга³². В диалоге «Государство» свои взгляды на понятие справедливости Платон вкладывает в уста учителя — Сократа. Хотя справедливость прекрасна сама по себе, все же ее природу легче распознать, если рассматривать ее не в отдельном человеке, а в полисе. Поскольку идеальный полис Платона *ex hypothesi* совершенен, в нем и есть четыре отмеченные выше добродетели: архонты — носители мудрости, стражи обладают мужеством, народ наделен благоразу-

³¹ Ср.: *Vlaston G. The Theory of Social Justice in the Polis in Plato's Republic // Interpretations of Plato / Ed. by H. F. North. Leiden, 1977. P. 1—40.*

³² Ср.: *Виндельбанд В. История древней философии / Пер. под ред. А. И. Введенского. СПб., 1893. С. 175.*

нием, сдержанностью, послушанием (σωφροσύνη), справедливость же принадлежит всему государству и призвана охранять права всякого гражданина, правильно разделять выполняемые каждым из трех сословий обязанности³³. Такое понятие справедливости применимо к отдельному человеку. По словам Платонова Сократа, индивидуальная душа состоит из трех частей, аналогичных трем элементам полиса: разум, чувство и вождение. Задача справедливости, коротко говоря, состоит в том, чтобы обеспечивать преобладание разума над другими частями души³⁴. Платон называет справедливость «совершенной добродетелью» (Plat. Leg. 9.630c), для него она, прежде всего, — внутренний лад души (Rep. 4.443c—444a; 9.591e—592b).

Аристотель в «Политике» подходит к рассмотрению справедливости иначе: для него δικαιοσύνη — это равенство: «справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных» (Arist. Pol. 3.1280a12. Пер. С. Жебелева). Вопрос состоит в том, как определить это равенство. Философ исследует прежде всего гражданскую справедливость (Arist. Magn. Moral. I.1194b9) и, отвергая «олигархическое, аристократическое и демократическое» понимание критерия справедливости, видит его в добрых поступках. Полития Аристотеля более справедлива, чем альтернативные ей государственные устройства потому, что ее граждане, которые извлекают выгоду из распределения благ и почестей, — это люди высшей добродетели, жизнь которых приведена в согласие с правильной целью этого государства³⁵.

Таким образом, у Аристотеля «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (Arist. Pol. I.1253a 37. Пер. С. Жебелева).

Как ни разнятся взгляды Платона и Аристотеля в понимании справедливости, все же есть нечто важное, что их объединяет: оба они — «поборники справедливости» (iustitiae

³³ Winton R. I., Garnsey P. Political Theory // The Legacy of Greece: A New Appraisal / Ed. by M. I. Finley. Oxford; N.-Y., 1984. P. 45—46; Виндельбанд В. Указ. соч. С. 176—177.

³⁴ Winton R. I., Garnsey P. Op. cit. P. 46; cf.: Williams B. The Analogy of City and Soul in Plato's Republic // Phronesis. 1973. Suppl. Vol. 1. P. 196—206.

³⁵ См.: Winton R. I., Garnsey P. Op. cit. P. 55.

patronos), по выражению Цицерона (Cic. De rep. 3.9=Lact. Inst. 5.14.5). Далее Цицерон устами одного из участников своего диалога «О государстве» говорит, что «большинство философов, а особенно Платон и Аристотель, высказало о справедливости (de iustitia) многое, превознося ее как истину и доблесть (virtutem), достойную высшей хвалы, так как она воздаст каждому свое и сохраняет равенство между всеми (aequitum in omnibus). И между тем, как другие доблести как бы безмолвны и замкнуты в себе, справедливость — единственная доблесть, не замкнутая в себе и не скрытая, но обнаруживающаяся вся целиком и склонная к хорошим поступкам ради того, чтобы приносить возможно большую пользу» (Cic. De rep. 3.10=Lact. Epit. 50 (55). 5—6. Пер. В. Горенштейна).

В эллинистическую эпоху в этом же роде о справедливости высказывались стоики³⁶. В политической теории Стои появляется понятие οἰκωσις — слово, которое трудно перевести на современные языки и которое приблизительно означает «приспособление», «приноравливание»³⁷. Это понятие имело политическое значение, но только лишь в «классической» Стое. Позднее из него стоики выводили понятие δίκαιοσύνη которое, по всей вероятности, рассматривалось ими как один из аспектов добродетели отдельного человека³⁸.

В картине стоического мудреца стоики выразили свой главный идеал — бесстрашие, защищенность от внешних влияний жизни, в нем нет и смирения, мудрец не знает человеческой слабости, ему понятно лишь человеческое величие, грань, отделяющая мудреца от остальных людей, была, казалось, непреодолимой³⁹. И все же стоицизм развил свою практическую этику, учащую всякого стремящегося к совершенству человека, в чем его καθήκον — нравственный долг⁴⁰, при этом понятию справедливости уделялось особое внимание. В неко-

³⁶ См.: Capelle W. Griechische Ethik und römische Imperialismus // Klio. 1932. Bd. 25. S. 91 f.

³⁷ Подробнее см.: Pembroke S. G. Oikeiosis // Problems in Stoicism / Ed. by A. A. Long. L., 1971. Ch. 6. О политической теории ранней Стои см.: Baldry H. C. Zeno's Ideal State // JHS 1959. Vol. 79. P. 3—15.

³⁸ Stoicorum veterum fragmenta / Ed. H. von Arnim. Stuttgart, 1964. Vol. 3. Frg. 264.

³⁹ Edelstein L. The Meaning of Stoicism. Cambridge (Mass.), 1966; cf.: Baldry H. C. Op. cit. P. 6; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 5. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 131.

⁴⁰ Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М., 1915. С. 230.

торых фрагментах сочинений Хрисиппа встречаются понятия «естественной справедливости» и «естественного закона». В одном из сохранившихся фрагментов⁴¹ он утверждает, что справедливость (το δίκαιον здесь, по-видимому, соответствует δίκαιοσύνη, хотя и несет в себе оттенок соотносительности с правом)⁴² и закон существуют по природе, а не по договору⁴³.

Так же считает и Панецкий, идеи которого передает Цицерон: «А если человек пожелает следовать справедливости (iustitiam), не будучи при этом сведущ в божественном праве (divini iuris), то он примет законы своего племени (gentis suae leges), словно они являются истинным правом (verum ius), законы, которые при всех обстоятельствах придумала не справедливость, а выгода (utilitas)... Но в какой мере нельзя расходиться со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов, нанося обиды законным путем и всегда желая чужого и захватывая его, завладел всем миром» (Cic. De rep. 3.20 = Lact. Inst. 6.9.2—4. Пер. В. Горенштейна)⁴⁴.

В понимании справедливости Полибий во многом следует традиционному подходу, начало которому в философии положили Платон и Аристотель. Рассматривая различные формы государственного устройства, он считает, что не всякое едино-властие может быть названо βασιλεία, но лишь такое, в котором управляемые подчиняются власти по доброй воле, в котором скорее властвует рассудок (κυβερνομενην), чем страх и сила (φοβῶ καὶ βία). Также и аристократией, как считает Полибий, следует называть не любое правление меньшинства, но лишь такое, при котором по выбору правят справедливейшие (δίκαιοτατοι) и рассудительнейшие (φρονιμωτατοι) мужи (Polyb. 6.4.2—3). Это вполне традиционное различие (см.: Plat. Rep. 3.414a; Arist. Pol. 2. 1272a 22 sqq; ср.: Herod. 3.81)⁴⁵, важнейшими критериями которого являются справедливость и рассудительность.

⁴¹ Stoicorum veterum fragmenta. Vol. 3. Frg. 308.

⁴² Chantraine P. Op. cit. P. 283.

⁴³ Ср.: Winton R. I., Garnsey P. Op. cit. P. 58; Watson G. The Natural Law and Stoicism // Problems in Stoicism. Ch. 10.

⁴⁴ Ср.: Schmekel A. Die Philosophie der mittleren Stoa in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. B., 1892. S. 55—56; Capelle W. Op. cit. S. 91—92.

⁴⁵ Ср.: Walbank F. W. HCP. Vol. 1. P. 642.

Если при единовластии (μοναρχία) меру власти правителя представляла сила (ισχύς), то при басилее люди впервые получают понятия красоты (καλόν) и справедливости (δικαίου), а также противоположные им понятия (Polyb. 6.5.9—10).

Полибий обращается к вопросу о зарождении этих понятий, он рассуждает: «...Допустим, что кто-нибудь получил бы от другого поддержку и помощь в беде и вместо благодарности вздумал когда-либо вредить своему благодетелю; подобный человек, понятно, должен возбуждать недовольство и раздражение в свидетелях, как потому, что они огорчаются за ближнего, так и потому, что ставят себя в подобное положение. Отсюда у каждого рождается понятие долга (τοῦ καθήκοντος), его силы и значения, что и составляет начало и конец (ἀρχὴ καὶ τέλος) справедливости — δικαιοσύνη» (Polyb. 6.6.6—7. Пер. Ф. Мищенко)⁴⁶. Человек же, помогающий каждому в беде, испытывающий опасности за других, достоин благоволения и участия от народа, а поступающий противоположным образом — презрения и хулы (Polyb. 6.6.8).

По мнению Полибия, правитель, стоящий во главе сообщества и имеющий верховную власть, должен воздавать каждому по заслугам — διαμετρίκος... τὸν κατ' ἀσίστην ἑκάστοις (Polyb. 6.6.10; cf.: 5.90.8). Такое понимание справедливости присуще стоикам⁴⁷, хотя «воздаяние каждому по заслугам» как принцип справедливости встречается в греческой мысли гораздо раньше (ср., напр., цитированный выше Орфический гимн (Hymn. Orph. 63.2). Аристотель связывает το δίκαιον «с распределением почестей, имущества и всего прочего, что может быть поделено между согражданами определенного государственного устройства (именно среди них одному возможно иметь в сравнении с другим несправедливую и справедливую долю» (Arist. Eth. Nic. 5.1130b31 sq. Пер. Н. Брагинской). Но для философа это лишь одна форма справедливости⁴⁸.

⁴⁶ О различных толкованиях и переводе этого пассажа см.: Wilamowitz — Moellendorff *U. von. Griechisches Lesebuch*. B., 1902. Bd. 2. 1. S. 120; Heinemann *I. Posedonius' metaphysisches Schriften*. Breslau, 1921. Bd. 1. S. 21.2; Walbank *F. W. HCP*. Vol. 1. P. 654.

⁴⁷ Ср.: *Stoicorum veterum fragmenta*. Vol. 3. Frg. 262.

⁴⁸ Walbank *F. W. HCP*. Vol. 1. P. 654—655.

Вполне определенно Полибий противопоставляет здесь страсти (*θυμος*) и силе (*ισχυς*) — основанную на разуме (*λογισμος*) справедливость (Polyb. 6.6.12).

Таким образом, в эллинистическую эпоху мы находим такое понимание справедливости, которое восходит к традиции: Платон — Аристотель — Стоя. Но было и другое видение справедливости, берущее свое начало, по-видимому, у софистов ⁴⁹.

Один из персонажей Платонова «Государства» — Главкон в полемике с Сократом приводит аргументы, позволяющие судить о взглядах софистов на справедливость: «Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее — плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому когда люди отвели и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они... нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых — вот каково происхождение и сущность справедливости» (Plat. Rep. 2.358e—359a. Пер. А. Егунова). Справедливость, которая лежит посредине между указанными крайностями, отмечает далее Главкон, ценна не сама по себе, как благо, а потому, что люди выбрали ее из-за своей неспособности чинить несправедливости (Plat. Rep. 2.359b).

Аналогичный подход к проблеме у эпикурейцев. Смысл их понимания справедливости заключен в максиме, которую приводит Диоген Лаэртский: «Справедливость не существует сама по себе, это — договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается» (Diog. Laert. 10.150 № 33. Пер. М. Гаспарова). Иными словами, справедливость относительна и преходяща (ср.: Diog. Laert. 10.150. № 36). Равным образом и «несправедливость не есть зло сама по себе; это — страх от подозрения, что человек не останется скрытым от тех, кто карает за такие его действия» (Ibid. № 34. Пер. М. Гаспарова). И хотя нельзя признать, что у сторонников учения Эпикура было всестороннее, исчерпывающее

⁴⁹ Ср.: Capelle W. Op. cit. S. 89.

объяснение справедливости⁵⁰, все же их подход вполне ясен:

δίκαιοσυνή уступает перед натиском Силы.

В отрицании всякого, данного по природе закона скептик эллинистического времени Карнеад, кажется, сходится во взглядах с софистами⁵¹. Подобные воззрения высказывает Фил — один из участников Цицеронова диалога «О государстве»: «...Право, которое мы исследуем, есть нечто, относящееся к гражданственности, но отнюдь не к природе. Ибо, если бы оно относилось к природе, — то — подобно горячему и холодному, подобно горькому и сладкому — справедливое и несправедливое (*iusta et iniusta*) были бы одинаковыми для всех людей — *eadem omnibus*» (Cic. De rep. 3.13. Пер. В. Горенштейна). Излагая учение скептиков, Диоген Лаэртский

говорит о том же самом: «От природы (φύσει) не существует ни добра, ни зла. Если бы от природы существовали добро и зло, они были бы добром и злом для всех, как снег холоден для всех...» (Diog. Laert. 9.101. Пер. М. Гаспарова).

Карнеад утверждает, что и право (*ius*) — относительно: люди установили права в соответствии с выгодой (*utilitas*), иными словами, права зависят от обычаев, и часто изменялись людьми в зависимости от обстоятельств, «но естественного права (*ius naturale*) не существует». Все люди, как и животные, руководствуясь природой, стремятся к пользе для себя, поэтому вообще не существует и справедливости (*iustitia*). Но если и есть справедливость — это величайшая глупость (*stultitia*), поскольку она вредит себе, предоставляя выгоды другим (Karn. Frg. 150⁵² = Cic. De rep. 3.21). Философ приводит такие аргументы: «Всем народам, процветающим благодаря своему могуществу, в том числе и самим римлянам, чья власть простирается над всем миром, — если только они пожелают быть справедливыми, то есть возратить чужое, — придется вернуться в свои хижины и влачить жизнь в бедности и нищете» (Ibidem. Пер. В. Горенштейна). И если справедливость рождена не природой, не доброй волей, а слабостью (Cic. De rep. 3.23), то вполне логичной оказывается возможность противопоставить справедливости — Силу.

По мысли Карнеада следовало, что справедливый и поряд-

⁵⁰ Winton R. I., Garnsey P. Op. cit. P. 59—60.

⁵¹ Ср.: Capelle W. Op. cit. S. 90. Об этических взглядах Карнеада подробнее см.: Croissant J. La morale de Carneade // Revue Internationale de Philosophie. 1939. Vol. 1. P. 545—570.

⁵² Wisniewski B. Karneades: Fragmente. Text und Kommentar. Wrocław u. a., 1970.

дочный человек — глуп (*stultum esse*), благоразумный — плох (*malum*), но он все же допускал существование людей, которые довольствовались своей бедной долей (Карн. Frg. 151 = Cic. De rep. 3.29). Никто не может быть справедливым, не подвергая своей жизни при этом опасности. Таким образом, «разделив справедливость на две части и назвав одну из них гражданской (*civitem esse*), а другую естественной (*naturalem*). Карнеад уничтожил обе, так как гражданская, правда, представляет собой благоразумие (*sapientia*), но справедливостью не является (*iustitia non sit*); естественная же справедливостью, правда, является, но не является благоразумием — *non sit sapientia*» (Cic. De rep. 3.31. Пер. В. Горенштейна)⁵³.

Приведенные выше рассуждения, конечно, не доказывают, что Карнеад — человек, по свидетельству древних, «необычайного дарования и остроты ума» — искренне считал, что справедливость заслуживает осуждения (Карн. Frg. 149 = Cic. De rep. 3.11), и в самом деле верил в те аргументы, которые он выдвигал в полемике с «поборниками справедливости»⁵⁴. Но само существование такой аргументации и такого подхода к понятию справедливости в эллинистическое время весьма показательны.

Итак, в греческой мысли эпохи эллинизма проявились два различных понимания справедливости, что не могло не отразиться на восприятии насилия и войны.

Вне всякого сомнения, справедливой греки рассматривали всякую войну в защиту отечества. Так, в «Троянках» Еврипида противопоставляется гибель ахейцев и смерть жителей Трои:

На берегах крутых Скамандра пали
Не ради рубежей родной земли,
Но ради Трои. Их сразил Арей,—
Детей им не увидеть, пленой
Жена не обернет их: на чужбине
Лежат в земле...

О гнусном лучше умолчать, пусть муза
Мне не внушает о срамном вещать...
Троянцы ж умирали — славный жребий! —
За родину. Кто пал в сражение, тех
Хоть мертвыми друзья в их дом вносили,
Землей отцов их покрывался прах,
Обряжен теми, чей то долг последний.

(Eur. Troi. 374—379, 384—390. Пер. С. Шервинского)

⁵³ Ср.: *ibid.* S. 124—126.

⁵⁴ Ср.: *Arnim H. Carneades* (1) // RE. 1919. Bd. 10. 2. Sp. 1978—1981.

И далее очень кратко великий трагик формулирует важную для каждого грека мысль:

Разумный должен избегать войны,
Но коль пришлось, за родину умири:
Постыдной и прекрасной смерть бывает.

(*Ibid.* 400—402. Пер. С. Шервинского)

Идея о том, что война сама по себе есть уже нарушение правопорядка, была известна для греческого мировоззрения эпохи эллинизма. Например, у Диодора Сицилийского есть пассаж, явно заимствованный из текста Полибиевой «Истории», который свидетельствует об этом: *πας γὰρ πόλεμος ἐκ βεβήκως τὰ νόμιμα καὶ δίκαια τῶν ἀνθρώπων* (Diod. 30.18.2). Но такое понимание войны никогда не господствовало в теории и практике межгосударственных отношений. Многие были убеждены в том, что у войны были свои правовые правила, основные принципы ведения войны, которые со временем на основе традиций и договоров все более развивались в общепризнанное военное «право»⁵⁵.

В качестве примеров общих правил войны Диодор указывает требования не прерывать перемирия, не убивать глашатая, а врага, который сдается, щадить (Diod. 30.18.2).

Беспорядочное ведение войны греки стремились преодолеть благодаря принципу справедливой войны, который в первую очередь предполагает справедливую причину. Особой выразительности понятие справедливой войны было достигнуто лишь в период средней Стои⁵⁶, однако концепцию справедливой войны можно обнаружить в эпоху эллинизма несколько раньше. И в этом смысле богатый материал дает «Всеобщая история» Полибия.

Цитируя не дошедшее до нас сочинение перипатетика Деметрия Фалерского (вторая половина IV в. до н. э.), Полибий пишет: «...Если народы причину войны считают законною, то тем большее значение получают победы и тем малозначительнее становятся поражения; последствия получают обратные,

⁵⁵ Klose P. *Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280—168 v. Chr.: Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts*. München, 1972. S. 148—149.

⁵⁶ Capelle W. *Op. cit.* S. 86f.; Hampl F. «Staatsethik» und frühes Rom // HZ. 1957. Bd. 184. S. 249—271; Dahlheim W. *Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im 3. und 2. Jahrhundert v. Chr.* München, 1968. S. 179—180.

когда причину войны признают бесчестной или незаконной» (Polyb. 36.2.3. Пер. Ф. Мищенко).

Несправедливая война, то есть прежде всего война агрессивная, не одобрялась — об этом свидетельствует один из пассажей Полибия. В письме, которое Филипп V направил этолианам в 220 г. до н. э. незадолго до начала союзнической войны, в частности, говорится: «Если же этолиане воображали, что обиженные защищаться не будут на том основании, что те грабили и разоряли всех их без союзного решения, а в случае отказа будут почитаться виновниками войны (νομισθησεσθαι τόντους καταρχεῖν του πολέμου) сами защищаются, то они непомерно наивны» (Polyb. 4.26.1. Пер: Ф. Мищенко). При этом союзническая война называлась «справедливой» — πόλεμος ἀρχὴν εἰληφει δίκαια (Polyb. 4.26.1).

Эллинистические правители и греческие полисы стремились к тому, чтобы война, которую они намеревались начать, считалась «справедливой». Об этом свидетельствует, в частности, попытка Антиоха III оправдать свою завоевательную войну против Птолемея IV в ходе переговоров сирийского царя с птолемеевскими послами в Селевкии в 219/218 г. до н. э. Царь пытался доказать, будто нет ничего преступного в том, что он нанес поражение Птолемею и занял некоторые территории в Келесирии. «Никакой несправедливости (ἀδίκηματι) не видел он в этом поступке, поскольку он взял себе то, что принадлежало ему по праву» (Polyb. 5.67.5). И далее сирийский правитель в доказательство ссылается на факты истории (Polyb. 5.67. 6—10)⁵⁷.

Справедливым должно быть ведение войны и ее последствия⁵⁸: «задача войны состоит не в гибели и уничтожении виноватых, а в улучшении и исправлении ошибок» (Polyb. 5.11.5).

Объявление войны. Война должна была иметь ἀρχὴν δίκαια не только по существу, но и формально, то есть в соответствии с принципом справедливости она должна была

⁵⁷ Cp.: *Schmitt H. H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Großen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 167—169; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J.-C.). 2e éd. Nancy, 1982. T. 2. P. 29—31; *Klose P.* Op. cit. S. 149—150.

⁵⁸ Cp.: *Ducrey P.* Aspects juridiques de la victoire et du traitement des vaincus // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P. 231—243.

быть объявлена. У Цицерона мы находим идею, которая, несомненно, восходит к Панецию: «Справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили» (Cic. De off. 1.11.36. Пер. В. Горенштейна). Греки, действительно, имели обыкновение объявлять войну.

Греческая история классического периода и даже эпохи архаики дает много примеров того, как этот принцип соблюдался, а также и отдельные случаи нарушения такого обычая. В уста перса Мардония Геродот, например, вкладывает мысль о том, что, объявив друг другу войну, греки выбирают подходящую местность, сходятся там и ведут бой (Herod. 7.9.2).

Обычно войну объявлял глашатай — *κρυῖς*. Так коринфяне, подготовив корабли и дождавшись прибытия своих союзников, то есть приготовившись к военным действиям, выслали вперед глашатая (*πρόλεμψαντες κρυῖα*), чтобы объявить войну (*πόλεμον προερούντα*) керкирянам (Thuc. 1.29.1).

Глашатай мог предъявлять какие-то требования враждебной стороне, и в случае их невыполнения он имел полномочия объявить войну. Так произошло, когда лакедемоняне решили вторично отозвать в Спарту царя Павсания: эфоры отправили к нему глашатая с приказанием, чтобы Павсаний следовал за ним, а в случае неповиновения царя глашатай от имени спартиатов провозглашал (*προαγορεύειν*) ему войну (*πόλεμον αὐτῷ*). Таким образом, Павсаний второй раз возвратился в Спарту. (Thuc. 1.131.1—2).

Плутарх приводит утверждение Аристотеля о том, что эфоры, принимая власть в Спарте, прежде всего объявляли войну (*χαραγυῆλαιν πόλεμον*) илотам, чтобы придать безжалостности благообразный вид (Plut. Pyrrh. 28.7).

Однако о нарушении этого принципа говорит Геродот: эгиняне в ответ на просьбу фивян начали военные действия против афинян без предупреждения с помощью глашатая (Herod. 5.81.2). Лакедемоняне не послали глашатая, чтобы объявить мессенянам войну (*προερούντα Μεσσηνίοις πόλεμον*), и не отказались от дружбы (*οὐτε προαλεῖλαμενοι τὴν φιλίαν*) с ними (Paus. 4.5.8). Контекст этих и других подобных им случаев начала войны без ее объявления свидетельствует о том, что это были именно нарушения.

В эллинистический период этот греческий обычай в целом сохраняется. Так, в 220/219 г. до н. э., не дожидаясь союзного собрания, Скопас, исполнявший в то время обязанности союзного стратега этолийцев, объявил войну (πολεμον εἰσηγεῖται) одновременно мессенянам, эпиротам, ахеянам, акарнанам и македонянам (Polyb. 4.5.9—10). В том же году на собрании в Коринфе после рассмотрения жалоб на этолийский союз все члены эллинского союзного совета единодушно решили объявить войну (εκφέρειν... τοῦ πολεμον) этолийцам (Polyb. 4.25.5). Так началась союзническая война.

Афиняне накануне второй римско-македонской войны, получив письмо от Аттала Пергамского, в котором тот призывал их к войне с Филиппом, а также выслушав родосских послов, которые говорили в том же духе, постановили объявить войну Филиппу — *εκφέρειν τῷ Φιλίππῳ τὸν πολεμον* (Polyb. 16.26.8).

Перед началом Антиоховой войны в беотийском городе Делий произошел любопытный эпизод. Как сообщает Тит Ливий, римские воины чувствовали себя здесь в полной безопасности потому, что находились в святилище и священной роще, а также потому, что война все еще не была объявлена (*pundum... indicto bello*). И воины потеряли бдительность: одна их часть осматривала храм Аполлона и рощу, другая — бродила без оружия на морском побережье, но большая их часть занималась поиском дров и фуража. Как видно, именно знание греческих обычаев притупило бдительность римлян, и они за это заплатились: полководец сирийского царя Антиоха Менипп напал на них, перебил (*eos cecidit*) и около 50 воинов взял в плен. И хотя для Тита Фламиния и других римлян это был в высшей степени неприятный инцидент, он в значительной мере увеличивал их право объявить войну Антиоху (Liv. 35.51).

Нарушителем обычая был когда-то и царь Пирр. Уже после провала его италийской авантюры он вторгся в Лаконию под предлогом освобождения греческих городов, покоренных Антигоном. Спартанские послы обвинили его в том, что он начал военные действия, не объявив войны (*μη καταγγεῖλας πολεμον*). На это Пирр не без демагогии ответил: «Никогда мы не слышали, чтобы вы, спартанцы, открывали кому-нибудь свои намерения» (Plut. Pyrrh. 26.23. Пер. С. Ошерова).

Полибий обвиняет этолян в том, что «они непрерывно гра-

били Элладу, без объявления войны (πολεμὸν ἀνελαγγέλτους) на многих нападали — φεροντες πολλοις» (Polyb. 4.16.4; cf.: 4.6.11) ⁵⁹. Античного автора в столь несправедливом поведении этолян возмущает также то, что они «не утомляли своих обвинителей оправдания, но еще и издевались над каждым, кто вздумал бы привлечь их к ответственности за обиды прошлые или даже замышляемые» (Polyb. 4.16.4. Пер. Ф. Мищенко). Отсюда ясно, что в эллинистический период начало войны было тесным образом связано с официальным объявлением войны ⁶⁰.

Еще один пример упоминания слова ἀνελαγγέλτος — «не-объявленный» дает надпись первой половины II в. до н. э. ⁶¹. Это декрет города Аполлонии на Понте в честь Гегесагора, который пришел на помощь аполлонийцам в войне с Мессембрией. В надписи говорится о том, что жители Мессембрии начали войну против Аполлонии без объявления — πολεμὸν ἀνελαγγέλτων. Вряд ли этот упрек был бы возможен, если бы объявление войны не было общепризнанной нормой военного права того времени ⁶². Об этом же свидетельствует упрек Полибия своим современникам в том, что они отошли от обычая «древних» (οἱ ἀρχαῖοι) объявлять войну — τοὺς πολεμοὺς προύλεγον (Polyb. 13.3.5).

Для греков был характерен еще один тип объявления войны (по-видимому, имевший место только в античности) — открытое объявление права на добычу в отношении чужого народа. Например, Ксенофонт сообщает о том, что спартаец Этеоник, появившись на Эгиине, с согласия эфоров разрешил всем желающим совершать грабежи (ἐφίησι λῆζεσθαι) в Аттике (Xen. Hell. 5.1.1.) ⁶³.

⁵⁹ Это происходило накануне союзнической войны в 220/219 г. до н. э. Об историческом контексте см.: Walbank F. W. Macedonia and the Greek Leagues // САН. Cambridge, 1984. Vol. 7. I. P. 474—476.

⁶⁰ Ср.: Klose P. Op. cit. S. 150—151.

⁶¹ Bengtson H. Bemerkungen zu einer Ehreninschrift der Stadt Apollonia am Pontos // Historia, 1963. Bd. 12. S. 96—97; cf.: idem. Kleine Schriften zur Alte Geschichte. München, 1974. S. 389—397.

⁶² Klose P. Op. cit. S. 151.

⁶³ О правовом аспекте отношения к военной добыче — рабам, движимому имуществу, военнопленным — в классический период подробнее см.: Kahrstedt U. Laphyron // RE. 1924. Bd. 11. I. Sp. 770—771; Ducrey P. Op. cit. P. 232 sq.

В 220/219 г. до н. э. ахеяне на очередном собрании (εἰς τὴν καθήκουσαν συνόδον) утвердили постановление союзников в Коринфе об объявлении войны этолийцам (Polyb. 4.25) и посредством глашатая объявили о намерении идти за добычей на этолян — то лафуров ἐλεγκροῦσαν κατὰ τῶν Αἰτωλῶν (Polyb. 4.26.7). Примерно в то же время, со своей стороны, лакедемоняне объявили через глашатая дозволение идти за добычей (ἐλεγκροῦσαν το λαφύρον) на ахеян. А этолийский посол Махат с сотоварищами смогли, применяя те же доводы, какие они представили в Спарте, склонить элеян на войну с ахейцами (Polyb. 4.36.6). Ясно, что и в том и в другом случае объявлена война⁶⁴. И прав У. Каршtedт, утверждая, что технический термин лафуров для таких дел в конце III в. до н. э. означал фактически войну⁶⁵.

В то же время этот термин нельзя связывать с тем, что Ахейская конфедерация, будучи членом Эллинского союза, в своей внешней политике была ограничена и в этой грабительской междоусобице формально видела не реальную войну, а мнимую. Ведь такие члены этого союза, созданного Антигоном Досоном, как Акарнания и Эпир считали происходящее именно войной: акарнаны утвердили решение союзников и пошли войной на этолян (Polyb. 4.30.2), а эпироты также приняли постановление союзников, но решили начать войну только тогда, когда с Этолией будет воевать Филипп V (Polyb. 4.30.6)⁶⁶.

Этолия как государство, предоставлявшее своим гражданам право на грабеж в ходе войны и в мирное время, отличалась от других греческих государств. В самом деле, в 197 г. до н. э. на переговорах Тита Квинкция Фламинина и его союзников с Филиппом V в Никее, македонский царь, обращаясь к этолийцу Александру, сказал: «Много раз я и прочие эллины обращались к вам через послов с требованием отменить закон, дающий вам право громоздить добычу на добычу, а вы отвечали, что из Этолии скорее будет изъята Этолия, чем этот закон» (Polyb. 18.4.8. Пер. Ф. Мищенко). Как римлянин Тит не понял, что это означает. И тогда Филипп пояснил, что у этолян есть обычай (εθος) грабить не

⁶⁴ Walbank F. W. HCP. Vol. 1. P. 474.

⁶⁵ Kahrstedt U. Op. cit. Sp. 772.

⁶⁶ Cp.: ibid. Sp. 772—773.

только народы, с которыми они ведут войну, и их землю, но и под видом помощи обеим враждующим сторонам, ведущим войну между собой, грабить земли обеих (Polyb. 18.5.1—2). Но это вовсе не означает, что Этолия была уникальным государством в осуществлении права на добычу. Частное право на грабеж и репрессалии было общим для греков⁶⁷.

В эллинистической практике межгосударственных отношений едва ли делалось различие между войной и репрессалиями, а именно о последних должна идти речь, когда осуществлялось «право на добычу». Но полностью идентичными, по тогдашним понятиям, война и репрессалии не были. Репрессалиями угрожали или их применяли тогда, когда противоречия были не столь значительными, чтобы необходимой и целесообразной оказалась настоящая война, и они считались «не вполне военным мероприятием»⁶⁸.

Именно об этом сообщает Полибий. В 219 г. до н. э. по просьбе кносян к острову Крит прибыли родосские корабли под руководством Полемокла, жители же критских Элевтерн стали подозревать, что Полемокл с сотоварищами в угоду кносянам убил одного из их сограждан Тимарха. По этой причине элевтерняне вначале позволили брать добычу (ρυσία κατήγγελλον) у родосцев, а затем объявили им войну — πολέμον ἐξήνευξαν (Polyb. 4.53.1—2).

Это же можно предположить у Полибия, когда он сообщает о конфликте между ахейцами и беотийцами в 187 г. до н. э.: со вступлением в должность союзного военачальника (беотарха) Беотии Алкеты ахейский стратег Филопемен позволил всякому желающему «идти за добычей на беотян, что послужило началом упорной вражды между двумя народами» (Polyb. 22.4.13—14). У одной из сторон была уведена часть стада; «последовавшая из-за этого схватка начинала собою и открывала военные действия между неприятелями, а не распрю мирного свойства» (Polyb. 22.4.15). Однако война все же не вспыхнула, как можно понять из слов Полибия. А затем «мегаряне приостановили насильственные действия своим вмешательством в распрю двух народов» (22.4.17. Пер. Ф. Мищенко).

Об этом же свидетельствует сообщение Полибия о конфликте между Делосом и Афинами в 160/159 году до н. э.

⁶⁷ Walbank F. W. HCP. Vol. I. P. 474; cf.: Kahrstedt U. Op. cit. Sp. 772.

⁶⁸ Klose P. Op. cit. S. 152.

(Polyb. 32.7.4). Все это напоминает ситуацию, сложившуюся еще при Фукидиде. Тогда афинский гарнизон, расположенный в Пилосе на Пелопоннесе, захватил у лакедемонян большую добычу (πολὴν λαίαν). В ответ лакедемоняне начали военные действия, не расторгая мирного договора, и объявили, что всякий из них, кто пожелает того, может грабить (ληΐεσθαι) афинян (Thuc. 5.115.2).

Однако с репрессалий обычно начиналась война. Это дает П. Клозе основание в объявлении репрессалий видеть объявление войны. В объявлении же «права на добычу» виделось официальное начало враждебных действий и, тем самым, — как и в современном международном праве — немедленное начало войны (Polyb. 4.36.3) ⁶⁹.

Ясно, что ρῦσια καταγγέλλειν отличается от объявления войны (πολέμων ἐκφέρειν) и представляет собой лишь стадию в развитии напряженности между двумя государствами, которая в конечном счете может завершиться войной. С другой стороны, ρῦσια καταγγέλλειν, очевидно, отличается от το λαφύρον ἐπιχειρῦν ⁷⁰.

По-видимому, началу какой-либо важной войны у греков предшествовали попытки мирного решения конфликта путем возмещения убытков или с помощью какого-то иного урегулирования ⁷¹. Часто это делалось в форме так называемого «ультиматума с условным объявлением войны» ⁷². Так, Арат Сикионский отправил посольство к этолянам, чтобы сообщить им о принятом на ахейском собрании решении относительно Мессении (см.: Polyb. 4.9.5), побудить их уйти из мессенской области и не касаться земли ахейян, в противном случае послы угрожали поступить как с неприятелем с каждым из этолян, кто ступит на ахейскую землю (Polyb. 4.9.7) ⁷³.

Со своей стороны, этоляне на очередном собрании решили жить в мире (ἀγειν εὐψήφισαντο τὴν εἰρήνην) с ахейянами, если

⁶⁹ Klose P. Op. cit. S. 152.

⁷⁰ Walbank F. W. HCP. Vol. 1. P. 474.

⁷¹ Подробнее об этом см.: Кащеев В. И. Посредничество и арбитраж во взаимоотношениях эллинистических государств и Рима // Из истории античного общества. Нижн. Новгород, 1991. С. 39—42, 46.

⁷² Klose P. Op. cit. S. 153.

⁷³ Walbank F. W. HCP. Vol. 1. P. 457.

они откажутся от союза с мессенянами, в противном случае — πολεμεῖν — воевать! (Polyb. 4.15.8—9) ⁷⁴.

Филипп V письмом (которое можно рассматривать как ультиматум) извещал этолян, что они на собрании еще могут уладить спор устными объяснениями, если сумеют представить веские оправдания в ответ на жалобы их оппонентов (Polyb. 4.26.3).

Как предположил П. Клозе, такое условное объявление войны, вероятно, содержалось и в объявлении репрессалий, а в случае объявления «права на добычу» не исключено, что противника знакомили с решением о начале войны; очевидно, и здесь этому предшествовал ультиматум ⁷⁵. К сожалению, некоторые аспекты этой проблемы не совсем ясны, например, то, как эллинистические правители объявляли войну, в частности, в египетско-сирийских войнах.

Итоги. В практике межгосударственных отношений эпохи эллинизма традиционные эллинские нормы нередко попирались. Полибий сетует на то, что высоконравственные правила ведения войны, присущие древним (οἱ ἀρχαῖοι), — а они, несомненно, соответствуют принципу справедливости — во многом утрачены его современниками (Polyb. 13.3). Иной раз пропаганда способна была, используя удобный предлог, представить любую войну как справедливую. К тому же со времени кризиса греческих полисов появляется и особая концепция справедливости (софисты — эпикурейцы — Карнеад), делающая ставку на выгоду, насилие, Силу. Поэтому не случайно то, что у греков в эллинистическую эпоху, как никогда прежде, творилось множество беззаконий и несправедливостей. Полибий с горечью отмечает, что в его время «коварство господствует повсюду, и есть люди, полагающие, что оно необходимо в государственной деятельности» (Polyb. 13.3.1. Пер. Ф. Мищенко). Древний историк с сожалением пишет о том, что среди его современников мстительность и ожесточение воюющих превосходит всякую меру (Polyb. 22.6.3; 23.15. etc.).

Однако насколько успешна в политике ставка на насилие, показала история: ведь не случайно же эллинистические правители, опиравшиеся на Силу, уступили мощи римских легионеров и сами (не с помощью ли Немезиды?) оказались побежденными. А столь победоносные римляне, завоевавшие

⁷⁴ Ср.: *idem*. Philip V of Macedon. P. 27; *idem*. HCP. Vol. I. P. 463.

⁷⁵ *Klose P. Op. cit.* S. 153.

Элладу, принесшие множество жертв на алтарь своему бо-
жеству — Силе, оказались покоренными «силой» эллинистиче-
ского Духа, того самого, который жил во множестве поколе-
ний греков со времени бессмертных творений Гомера до эпохи
Нового Завета.

И Я умолю Отца, и даст вам
другого Утешителя, да пребудет с вами
вовек, Духа истины, Которого мир
не может принять, потому что не видит
Его и не знает Его; а вы знаете Его,
ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

(Евангелие от Иоанна. 14. 16—17)

О. Ю. КЛИМОВ

Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма

Отмечая характерные черты полиса классического време-
ни, исследователи выделяют совпадение гражданского кол-
лектива и военной организации, при котором каждый граж-
данин являлся в своем полисе военнообязанным, проходил
традиционную военную подготовку и нес в течение определен-
ного времени военную службу, а также призывался в ополче-
ние в случае необходимости. Полис обладал собственными
военными силами, состоявшими, как правило, из граждан,
вступал в военные конфликты, заключал мир. Однако, если
все перечисленные черты могут рассматриваться как очевид-
ные для классического полиса¹, то в отношении эллинистиче-
ского времени ситуация представляется специалистам не вполне
ясной. Поэтому в литературе можно встретить разные
точки зрения по этому поводу; многие авторитетные иссле-
дователи истории и институтов эллинизма (П. Левек, У. Тарн,
Ж. Лафортж, М. Грант) не высказались определенно, либо
просто не коснулись этого вопроса².

¹ *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис
полиса. М., 1975. С. 266 сл.; *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке
проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 6; *его же:* Древнегреческий полис // Ан-
тичная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 24—26, 36;
Ehrenberg V. The Greek State. L., 1969. P. 80.

² *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949; *Левек П.*
Эллинистический мир. М., 1989. С. 87—29, 50—53; *Laqqorque O.*
L'Orient et la Grèce jusqu'à la conquête romaine. P., 1977. P. 240 suiv.;
Grant M. From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. N.-Y., 1982.
P. 93.

Проблема, которой посвящена статья, имеет два принципиально важных аспекта: во-первых, обладали ли города Малой Азии в эпоху эллинизма военной организацией; во-вторых, какую позицию в этом отношении занимала царская власть, считали ли цари возможным использовать военные силы городов или отвергали такую возможность? Изложение материала приходится предварять замечанием о том, что, к сожалению, информация часто носит фрагментарный характер.

Известно, что в эллинистическом мире в целом и в таком важном его регионе, как Малая Азия, полисы по своему формальному и фактическому положению составляли ряд категорий. Среди них выделяются прежде всего так называемые свободные полисы, к числу которых относились Родос, Византий, Кизик, Гераклея, Приена, Синопа, Халкедон и многие другие. Некоторые из названных городов, впрочем, в отдельные моменты эллинистической истории входили в состав территориальных государств (как, например, Милет). В сфере внешнеполитических сношений свободные полисы были вынуждены ориентироваться на монархии и все более активно включавшийся в греческие дела Рим. Однако они имели свои вооруженные силы и самостоятельно вели военные действия. Суверенитет данной группы городов был реальным фактом политической жизни, с чем должны были считаться цари, римские политики и другие полисы региона.

Вторую отдельную категорию городов составляли те, которые были построены царями или перестроены и расширены из старых поселений. В отношении военной организации полисов Малой Азии, к сожалению, материалов нет, но имеются весьма ценные результаты исследований по другим регионам эллинистического мира, которые не дают однозначного понимания проблемы. По мнению Э. Бикермана, построенные Селевкидами на Востоке города имели бесспорное военное значение вследствие наличия недоступных для варварского войска укреплений и размещенных в полисах царских гарнизонов. Что касается военной службы граждан, то «право собственности (вернее, квазисобственности) горожан не было обременено никакими обязанностями военного характера», а «связь между наделением земельными участками и обязанностью колонистов оказывать военную помощь царю была у Селевкидов лишь косвенной»³.

³ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 82 сл.

Наблюдения Г. А. Кошеленко по материалам городов Дура-Эвропос и Сузы (Селевкия на Эвлее) показали, что созданные династией Селевкидов полисы являлись коллективными условными собственниками предоставленной им из государственного (царского) фонда земли, за пользование которой жители городов обязаны были служить в царской армии⁴. Видимо, аналогичным было положение и в Малой Азии при Селевкидах и Атталидах. Обе династии основали большое число новых городов, а также осуществили перестройку и переименование многих старых местных поселений или храмовых общин. Многие из новых городов вырастали на месте и на основе военных поселений, поэтому можно предположить, что граждане их сохранили обязанность поддерживать династию военной силой. Впрочем, недостаток информации не позволяет продвинуться далее в решении этого вопроса.

Наконец, третью, особую группу составили зависимые от царей города. Как правило, явными признаками подчиненного положения являлись уплата налогов в царскую казну, размещение в городах гарнизонов или назначение специального должностного лица — эпистата или градоначальника (*ο ἐπίτης πόλεως*), а также вмешательство монархов или представителей их администрации в городские дела и необходимость для населения полисов выполнять царские предписания и указания, излагаемые через послов или посредством писем. Нередко полисы данной категории освобождались от налогов, от постоя войск, что, безусловно, снижало тяжесть зависимости, но вовсе не избавляло от нее. По мнению А. Х. М. Джонса, цари, мало доверяя зависимым городам, никогда не призывали из них на военную службу, хотя привлекали воинов из союзных городов. Близкую к названной точку зрения выражал также Г. Аалдерс⁵. Вместе с тем, некоторые источники позволяют усомниться в справедливости этого мнения. Поэтому М. И. Ростовцев, Г. Гриффит, Э. Хансен, Р. Макшейн, Л. П. Маринович — на материалах Пергамского царства, Э. Бикерман — на материалах государства Селевкидов, а

⁴ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 228, 231 сл., 289.

⁵ Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 112; Aalders G. City-State and World-power in hellenistic political thought // Proceedings of the VII-th Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies. Budapest, 1984. Vol. I. P. 294. Not. 8.

В. Эренберг — на основании данных о государственных институтах разных царств — допускали возможность использования царями отрядов зависимых полисов⁶.

Из эпиграфических источников известно, что к военным походам привлекались граждане столицы Пергамского царства при Аттале I — в конце III в. до н. э. Четыре надписи из города Лилея в Фокиде с текстом декрета⁷, принятого в годы Первой Македонской войны, по наиболее вероятной датировке — в 209—208 гг. до н. э., сообщают о том, что царь Пергама Аттал I разместил в городе для его защиты своих воинов, и содержат перечисление их имен. Солдаты составляли 6 подразделений (ἑξαμοῖαι), из которых в два входили наемники, в три — мисийцы, а в одно — граждане Пергама. Специалисты давно обратили внимание на то, что в общей массе воинов граждане столицы царства составляли значительную долю — 17%⁸. По весьма вероятному предположению Г. Т. Гриффита, роль граждан города Пергама в составе царской армии в тех ее подразделениях, которые воевали не за морем, а на территории Малой Азии, была еще более высокой⁹.

Значительный интерес в связи с этим представляет еще один документ — договор Аттала I с жителями города Малла, который находился на острове Крит¹⁰. Договор датируется временем около 200 г. до н. э., включает обязательства Аттала I направить в Маллу 300 воинов с командиром. Царь обязан обеспечить транспорт, жалование (видимо, на время дороги) и все то, что необходимо в пути (Стк. 18—19). Установлены размеры оплаты воинов: в день каждый из них должен получать по одной эгинской драхме, а командиры — по

⁶ Ср.: *Свенцицкая И. С.* Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2; *Маринович Л. П.* О некоторых особенностях армии Пергамского государства // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1. С. 156—162; *Бикерман Э.* Указ. соч. С. 69 сл.; *Rostovtzeff M.* Pergamum // САН. 1930. Vol. 8. P. 596; *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambr., 1935. P. 171 f.; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca; L., 1947. P. 209; *McShane R.* The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 110. Not. 60; *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 220, 224.

⁷ Fouilles de Delphes. T. III. Epigraphie. Fasc. IV. Livr. 2. Inscriptions de la Terrasse du Temple. P., 1954. No. 132—135.

⁸ *Маринович Л. П.* Указ. соч. С. 158; *Griffith G. T.* Op. cit. P. 171 f.; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. 2. S. 207.

⁹ *Griffith G. T.* Op. cit. P. 172.

¹⁰ *Allen R. E.* The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 209 f. (Nr. 3 A, B).

две драхмы, на питание — по одному аттическому хойнику хлеба (Стк. 21—24). Деньгами и хлебом солдат по договору должны обеспечивать маллийцы. В документе оговорено, что во время военных действий, когда воины находились на вражеской территории, пропитание себе они должны были обеспечивать сами (Стк. 24—25). Особое внимание вызывает в данном договоре то обстоятельство, что он не содержит условий относительно вооружения посылаемых воинов, их социального статуса и других, как это делалось в подобных документах. При этом тщательно оговорены условия службы солдат. По предположению Л. П. Маринович¹¹, в данном договоре речь идет именно о воинах из граждан города Пергама, а не о наемниках.

В связи с рассмотренным материалом наполняется реальным содержанием следующий сообщаемый Аппианом факт: описывая в «Сирийских делах» осаду города Пергама сирийской армией во время войны Рима с Антиохом III, историк указывает, что Диофан, стратег ахейцев, прибывших на помощь Пергаму, убеждал осажденных жителей столицы царства устроить вылазку против врага, но они, приветствуя победы ахейцев, вместе с тем так и не отважились принять участие в войне (App. Syr. 26)¹². Ситуация в данном случае интересна тем, что, по мнению Диофана, участие жителей столицы в войне выглядело совершенно естественным и даже необходимым.

Отдельные разрозненные сведения имеются также о сохранении военных ополчений в других городах Пергамского царства. Полибий сообщает о том, что в 218 г. до н. э., когда отряды галатов стали осаждать город Илион и разорять его окрестности, на помощь горожанам пришли их соседи — жители Александрии в Трояде, сформировавшие отряд в четыре тысячи человек. Оба города в данный момент были подвластны Атталу I (Polyb. V. 78. 6; III. 3—4). Надпись II в. до н. э. из города Скеписса в Трояде, который после Апамейского мира 188 г. до н. э. подчинялся Атталидам, содержит перечень предоставленных народным собранием полиса льгот жрецу

¹¹ Маринович Л. П. Указ. соч. С. 158—160.

¹² Полибий, повествуя о нападении Филиппа V на Пергам, писал о

том, что *οι το Περγαμον παραφυλάττοντες* легко отражали противника (Polyb. XVI. 1. 3). Ф. Г. Мищенко считал, что в данном случае речь идет о действиях столичного гарнизона. В связи с рассмотренными данными можно предположить, что имелось в виду также и гражданское население, взявшееся за оружие.

Диониса, среди которых указано освобождение от военной службы¹³. Страбон сообщает, что поднявший в 133 г. до н.э. восстание Аристоник был разбит жителями Эфеса в морском сражении (XIV. 1. 38). Эфес по условиям Апамейского мира находился во власти Атталидов, но город, судя по словам Страбона, имел боевые корабли, а его граждане за 55 лет владычества пергамских царей не утратили военного опыта. Продолжая рассказ о восстании Аристоники, Страбон пишет: «Тотчас города послали против него большие силы» (Ibidem). Факт решительного вмешательства горожан в военный конфликт дает история борьбы вифинского царя Прусия II с сыном Никомедом в 149 г. до н. э. Царь заперся в Никомерии, но жители города, «предав его, открыли ворота» и определили тем самым исход войны (App. Mithr. 7). Даже события более позднего времени — периода I Митридатовой войны — свидетельствуют о наличии военной подготовки граждан многих полисов Малой Азии. Жители Лаодикии на реке Лик сопротивлялись Митридату VI, но, получив обещание неприкосновенности, выдали ему римского полководца Квинта Оппия, не убоившись находившихся при том наемников (App. Mithr. 20; см. также: 23, 61).

К сожалению, мы почти не имеем информации о том, привлекали ли цари Пергама граждан подвластных им городов, кроме столицы, к службе в составе своих военных сил. Известно, что остров Андрос посылал в Малую Азию собственных граждан для участия в войне¹⁴.

Данных об использовании ополчений полисов Малой Азии и других регионов эллинистического мира Селевкидами имеется немного. Э. Бикерман допускал возможность сохранения в эллинских и эллинизированных городах местного ополчения и приводит ряд подтверждающих это фактов. Деметрий II должен был силой разоружить жителей Антиохии (Diod. XXXIII. 3. 2). Известно о войне между жителями Апамен и Лариссы (Athen. 176b). В некоторых случаях отряды ополчений полисов привлекались в составе армии Селевкидов к военным действиям. Граждане Антиохии участвовали в войне Антиоха VII с Парфией (Diod. XXXIV—XXXV. 17). При Деметрии II городские ополчения также входили в состав царского войска. При Селевке I в армию для одного из походов были призваны граждане Милета¹⁵. В дополнение к приве-

¹³ Taşlıkioglu Z., Frisch P., New Inscriptions from Troad // ZPE. 1975. Bd. 17. Hft. 2. P. 106. Nr. 2. Lin 3—4.

¹⁴ Rostovzeff M. Op. cit. P. 596.

¹⁵ Бикерман Э. Указ. соч. С. 69 сл.

денным Э. Бикерманом фактам укажем еще некоторые. Ахей, родственник Антиоха III, воюя в Малой Азии, потребовал от жителей города Сиде оказать военную помощь Аспенду (Polyb. V. 73. 4). Полибий также сообщает о том, что во время войны Антиоха III с Римом жители Фокеи отказались поддерживать сирийского царя, как, впрочем, и римлян (XXI. 6. 4—5). Хотя из этого рассказа неясно, в чем могло выразиться участие граждан в войне, наиболее вероятно, что предполагалось непосредственное включение их в боевые действия. В той же ситуации некоторые греческие полисы, в том числе и Малой Азии, выделили свои корабли в состав римской эскадры (Liv. XXXVII. 11, 13, 14; 12. 5; 14. 2; 16. 1—2; 22. 2).

О наличии в городе собственных военных сил и реальной возможности вести войну свидетельствует договор Антиоха III с Лисимахией — городом на полуострове Херсонесе Фракийском. Лисимахия приняла по договору на себя обязательство сражаться в качестве союзника на стороне монарха¹⁶. По словам Аппиана, в годы Первой войны Рима с Митридатом VI Эвпатором Сулла приказал Лукуллу «...тайно переправиться в Александрию и Сирию и собрать у царей, обладающих флотом приморских городов, корабли» (Mithr. 33. Пер. С. П. Кондратьева).

Весьма показательна ситуация, связанная с городом Милетом. В III—II вв. до н. э. он оказывался под властью Лисимаха, Птолемеев, Селевкидов, восстанавливал самостоятельность, сохраняя при этом собственные военные силы, должностных лиц, ведавших обороной и охраной границ, пограничную службу, систему небольших крепостей на территории хоры (см., например: Syll.³ 633)¹⁷.

Добавим к сказанному, что города Малой Азии и островов, вошедшие в состав эллинистических государств, сохраняли свои укрепления — стены, башни, ворота. Их имели, например, Сест (Strab. XIII. 1. 22), Сарды (Polyb. XXI. 16,1), Корик (Strab. XIV. 4. 1), Пергам, Андрос (Liv. XXXI. 45), Милет и многие другие полисы.

Каждый гражданин классического полиса, являвшийся воином, в детские и юношеские годы проходил курс специального гражданского воспитания и получал общую физическую и военную подготовку. Этой последней цели должен был слу-

¹⁶ Taşlikioğlu Z., Frisch P. Op. cit. P. 102. Lin. 35—37. См. также: Bickerman E. La cité grecque dans les monarchies hellénistiques // RPh. 1939. T. 65. P. 349.

¹⁷ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. Vol. 2. P. 669.

жить, в частности, институт эфебов и юношей как особых возрастных объединений. В связи с этим возникает вопрос: имела ли практика воспитания эфебов и юношей в подвластных царям городах Малой Азии военный характер? По данному поводу мнения специалистов также расходятся. Если М. И. Ростовцев отмечал большую роль гимнасиев в Пергаме и других подвластных Атталидам городах в организации военной подготовки детей, эфебов и юношей, то М. Грант, по существу, отрицал военное значение воспитания и подготовки в эллинистический период¹⁸. Некоторой двойственностью отличался взгляд Г. Е. Жураковского: упоминая о военной подготовке эфебов в Афинах, Пергаме и других городах, он вместе с тем настойчиво проводил мысль о снижении или вообще упразднении военной функции эфебии¹⁹.

В надписях Пергама и других городов Малой Азии возрастные объединения эфебов и юношей упоминаются часто. В столице царства Атталидов для юношей и эфебов были построены специальные гимнасии; эти объединения активно участвовали в отправлении культов разных божеств и царей (OGIS. 332. Стк. 35—36; 764). В одной из надписей города времени Аттала III говорится о наградах эфебам и юношам за состязания в беге и с оружием (OGIS. 764. Стк. 25, 30, 34—35). В других документах Пергама упомянуты соревнования с оружием эфебов и мужчин²⁰. Таким образом, можно полагать, что, во всяком случае, элементы военной подготовки в эллинистическом Пергаме сохранялись.

Надпись из города Сеста на полуострове Херсонес Фракийский, представляющая собой почетный декрет города в честь Менаса (OGIS. 339), рассказывает о том, что дважды избравшийся гимнасиархом Менас устраивал для эфебов и юношей состязания по бегу, стрельбе из лука, метанию дротиков, а также проводил показательные бои в тяжелом вооружении (οπλομαχίαι). Дети и юноши проходили военную подготовку, хотя город находился в это время под властью Атталидов.

В Теосе во II в. до н. э. дети и эфебы обучались стрельбе

¹⁸ *Idem*. Pergamum. P. 596 f.; Grant M. Op. cit. P. 135.

¹⁹ Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1963. С. 279 сл., 282. Надписи Афин III—I вв. до н. э. вполне определенно свидетельствуют о сохранении военной организации полиса, военного обучения эфебов, о проведении состязаний по стрельбе из лука, метанию дротиков, фехтованию (Syll.³ 667; 711 B; 717; 957; 962).

²⁰ AM. 1904. Bd. XXIX. S. 152. Nr. 1. L. 24—25, 29, 38; AM. 1908. Bd. XXX—III. S. 382. Nr. 3. L. 8; AM 1910. Bd. XXXV. S. 410. Nr. 13. L. 15, 17, 20.

из лука, метанию дротиков и фехтованию (Syll.³ 578. Стк. 25—27, 37—38). Город, подобно Сесту, находился до 188 г. до н. э. под владычеством Селевкидов, затем вошел в состав государства Пергам. Две надписи из города Траллы — одна IV—III вв. до н. э., вторая II—I вв. до н. э. (Syll.³ 1060; 1062) — сообщают о проводившихся в полисе состязаниях в беге, стрельбе из лука, метании дротиков. Примечательно, что за несколько столетий ситуация с военной подготовкой граждан полиса не изменилась, хотя он также принадлежал поочередно Селевкидам и Атталидам²¹.

Что касается свободных полисов, в частности, островных, то в эллинистическое время граждане по-прежнему проходили курс военизированного воспитания, устраивали состязания по военно-прикладным, как мы определяем их сейчас, видам спорта — панкратию, бегу, пятиборью, борьбе, кулачному бою (Syll.³ 714 — Эретрия; 958 — Коресс; 1061 — Самос; 1065, 1066 — Кос; 959 — Хиос). Интересно, что даже установление власти Рима на Востоке не внесло в этом отношении перемен.

Весь рассмотренный материал позволяет полагать, что державная власть в эллинистическую эпоху не стремилась разоружить гражданские общины, а вполне терпимо воспринимала сохранение в полисах своего гражданского ополчения, оружия, укреплений, традиции физической и военной подготовки граждан и даже в некоторых случаях использовала полисные военные силы в собственных интересах. Подобная практика, видимо, была хорошо известна в эллинистическую эпоху и едва ли составляла особенность Пергамского государства.

Разумеется, при этом необходимо подчеркнуть, что в военной области основную роль играли именно царские армии, состоявшие в значительной степени из наемников и представителей местного восточного населения. Как видно, зависимость полиса от короны и влияние последней на жизнь гражданских общин не выражались в деспотических, откровенно насильственных формах, а приобретали характер достаточно сложного диалога, в котором в большей или меньшей степени сочетались принцип силы, дипломатия, взаимная заинтересованность сторон и иные факторы.

²¹ О статусе Теоса, Тралл и других городов региона см.: *Cadrinali G.* Il regno di Pergamo. R., 1905. P. 101; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1—2. P. 108 f., 122—130, 958 f. etc.; *Allen R. E.*, Op. cit. P. 133—135.

Можно также заключить, что в малоазийском регионе в развитии полисной системы наблюдается прямая связь и преемственность между классическим и эллинистическим временем. Полис сохранил свои принципиальные черты, в том числе и собственную военную организацию, в основном совпадающую с гражданским коллективом. Этот вывод относится и к полисам, зависимым от царской власти.

II. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

И. В. БРУЯНО

Северо-Западное Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья

Начало колонизации Северного Причерноморья хронологически тесно смыкается с заключительной фазой киммерийского периода раннего железного века. И хотя киммерийский вопрос — проблема более чем самостоятельная, для дальнейшего изложения необходимо хотя бы кратко остановиться на верхней дате киммерийских древностей. *Terminus ante quem* последним служит основание первой греческой колонии на Березани в середине VII в. до н. э.¹ Видимо, такая жесткая хронологическая последовательность этих двух культурных феноменов вряд ли имела место в действительности. Верхняя дата киммерийского этапа теряется где-то в пределах первой половины VII в., вероятнее всего, ближе к рубежу VIII—VII веков. Последний тезис сам по себе не нов². Обосновать его в сжатой форме можно следующим образом: 1) хронологическое совмещение черноморовской и новочеркасской групп³ снимает проблему выделения для последней «персонального» временного промежутка, обозначенного в свое время А. И. Тереножкиным 750—650 гг.⁴; 2) новые даты раннескифских

¹ В дальнейшем все даты приведены в рамках дохристианской эры.

² См.: *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА. С. 130; *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К., 1990. С. 5.

³ *Дубовская О. Р.* К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1. С. 67.

⁴ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. К., 1976. С. 208.

памятников, по которым около 650 г. они появляются уже в бассейне среднего Днестра⁵; 3) можно предполагать, что исход киммерийцев и пришествие скифов, судя по Геродоту, разделяла некоторая временная лакуна⁶; 4) отсутствие смешанных киммерийско-греческих комплексов, с одной стороны, и появление ионийского импорта в степных и лесостепных комплексах второй половины VII в., а может быть даже раньше, с другой⁷. Итак, время около 700 г., скорее всего, можно считать финальным этапом для киммерийских памятников, в том числе и для рассматриваемого региона.

Поскольку первая греческая апойкия в Поднестровье — Никоний — возникает около середины VI в., мы получаем временной разрыв приблизительно в 150 лет между киммерийской эпохой и греческой колонизацией, о котором археологические материалы дают чрезвычайно скудную информацию. Исключая случайные находки (Рис. 1), мы располагаем единственным раннескифским погребением у с. Огородное (Городнее; Рис. 1—5)⁸. Причем, если обратиться к смежным районам, то и здесь скифские комплексы VII — первой половины VI вв. исчерпываются погребением у с. Старые Кукошты на Среднем Пруте⁹. Датировки этих двух комплексов сейчас, согласно новой хронологической схеме¹⁰ могут быть несколько понижены: Огородное — начало VI в., Ст. Кукошты — конец VII, либо рубеж VII—VI веков.

Ненамного лучше обстоит дело с фракийскими древностями. И если в VII в., особенно в первой его половине, в лесостепной Молдове масса памятников шолдэнештской группы¹¹, то в степной зоне (Буджак) лишь на крайнем западе у переправы через Дунай отмечены 2 местонахождения этого периода

⁵ Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. К., 1990. С. 30.

⁶ Her. IV. 11.

⁷ Шрамко Б. А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 73; его же. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987. С. 125.

⁸ Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП. 1970. № 6. С. 151—152, 155.

⁹ Дергачев В. А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. 1979. № 3. С. 239—241.

¹⁰ Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17—36.

¹¹ Демченко Т. И., Левицкий О. Г. К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии // АИМУМ. Кишинев, 1990. С. 111—120.

(Орловка и Новосельское II; Рис. 1 — 1, 2)¹². Оба отмеченных района Молдовы и Подунавья являются наиболее вероятными источниками появления некоторых типов лепной керамики в Нижнем Побужье и, в частности, на Березани.

Следует упомянуть еще об одном. При довоенных раскопках позднетрипольского поселения у с. Усатово была собрана небольшая коллекция лепной керамики (Рис. 1 — 16), аналоги которой без труда можно обнаружить на памятниках правобережной лесостепи раннескифского времени¹³. Напрашивается вывод о периодическом проникновении населения из этих районов в степную зону, причем, судя по отсутствию в Усатово архаического импорта, можно предположить, что это местонахождение, вероятно, существовало еще до, либо в самом начале эпохи колонизации, т. е., не позднее VII века¹⁴. О проникновении каких-то элементов, или даже отдельных групп населения из лесостепи предскифского и раннескифского времени на юг и юго-запад может свидетельствовать также чернолесская керамика поселения Кременчук¹⁵, отдельные фрагменты кухонной посуды из Орловки¹⁶, некоторые сосуды и Бырсешт¹⁷ (Рис. 1 — 1, 17; 2 — 8).

Имеющиеся для VII — первой половины VI вв. археологические данные позволяют обрисовать ситуацию следующим образом. Несмотря на крайнюю малочисленность раннескифских комплексов, их культурная атрибуция сомнений не вызывает. Следовательно, можно предположить появление в Северо-Западном Причерноморье первой, небольшой по численности (военно-миграционной) волны кочевников около

¹² Головкин И. Д., Бондарь Р. Д., Загинало А. Г. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области // КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1965. С. 70—74; Брусяко И. В., Гизер С. Н. Фракийская керамика из раскопок городища Новосельское-II на Нижнем Дунае // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса; Запорожье, 1990. С. 113—121.

¹³ Раскопки М. Ф. Болтенко, Е. Ф. Лагодовской. Материалы не изданы, хранятся в фондах ОАМ АН УССР.

¹⁴ Брусяко И. В. Скифская керамика античных поселений Нижнего Поднепровья VI—V вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. Ч. I. С. 28—30.

¹⁵ Яровая Е. Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области // МАСП. 1957. № 1. С. 55—62.

¹⁶ Раскопки Р. Д. Бондарь. Материалы не изданы, хранятся в фондах ОАМ АН УССР.

¹⁷ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 92. Рис. 30 — 7.

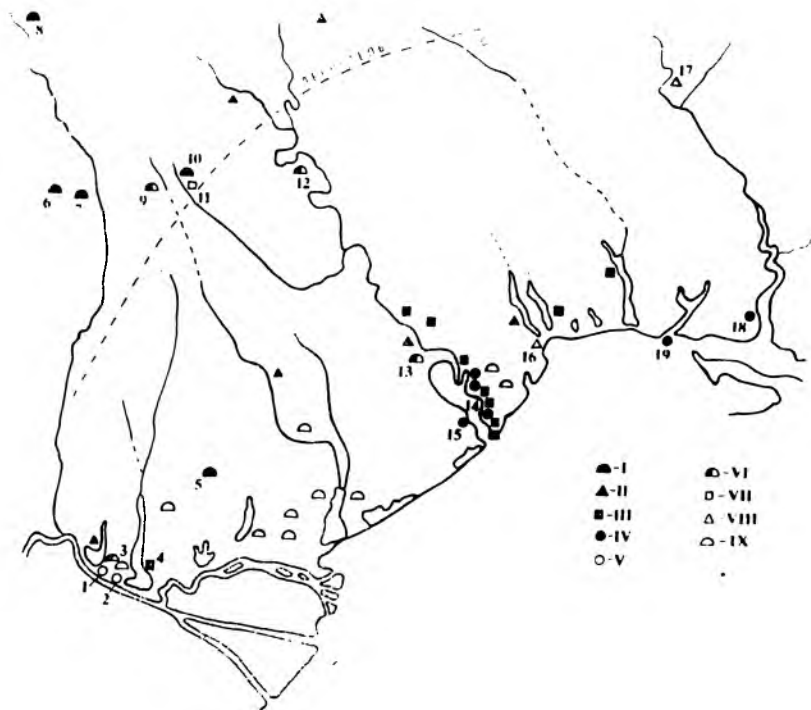

Рис. 1. Археологическая карта Северо-Западного Причерноморья VI—V вв. до Р. Х.

I — скифские погребения VI—V вв.; II — отдельные находки скифских вещей; III — пункты находок архаической керамики; IV — античные местонахождения; V — многослойные фракийские памятники; VI — погребения «смешанного» типа, со скифофракийскими элементами в погребальном обряде; VII — фракийский могильник; VIII — степные местонахождения с предскифской и раннескифской керамикой; IX — скифские погребения середины — второй половины V в.; 1 — Орловка; 2 — Новосельское; 3 — Чауш (курган № 6); 4 — Ново-Некрасовка; 5 — Огородное; 6 — Васлуй; 7 — Хуши; 8 — Старые Куконешты; 9 — Пыржолтены; 10 — Суручены; 11 — Данчен; 12 — Коржево; 13 — Олонешты; 14 — Никоний; 15 — Тира; 16 — Усатово; 17 — Кременчук; 18 — Ольвия; 19 — Березань

600 года¹⁸. Путь их проникновения в западный ареал степного коридора на самом деле не совсем ясен. Если считать появление здесь скифов результатом миграции, то, видимо, нужно учитывать ряд основных критериев, детерминирующих этот процесс. Одним из них, по В. С. Титову, является территориальный¹⁹. В этом случае наиболее вероятным выглядит продвижение скифов в придунайские степи с севера, из районов Среднего Днестра и Прута, где наиболее ранние их комплексы (Ленковцы, Круглик) датируются серединой — второй половиной VII века²⁰. Последовательно двигаясь вниз по течению Прута, скифы достигли Нижнего Дуная, где инерционная сила этой волны иссякла. Маркирующими точками этого продвижения могли быть погребения у Ст. Куконешт и Огородного. Пока этот путь выглядит предпочтительнее того, который предполагает миграцию первой (для нашего региона) волны кочевников с востока на запад по степному коридору вплоть до низовьев Дуная, поскольку скифские памятники VII и большей части VI в. на юге Северо-Западного Причерноморья пока не известны.

Исключительный интерес для этого периода представляют два фракийских многослойных памятника на левом берегу Дуная, прикрывавшие район переправы, так называемый «дунайский замок» (Орловка и Новосельское; Рис. 1 — 1, 2). Транскультурный характер этого феномена уже отмечался в литературе²¹. Нас в данном случае интересуют эти памятники в связи с открытыми в последние годы новыми поселениями

¹⁸ Практически одновременно первый восточный импульс отмечается в Карпато-Дунайском бассейне в области Семиграды (См.: *Nestor J. Der Stand der vorgeschichtsforschung in Rumänien // BRGK. 1932. T. 22. S. 144; Crisan I. H. Once more about the Scythian problem in Transilvania // Dacia. 1965. T. IX. P. 144*) и группе Фериджиле (*Vulpe A. Zur Chronologie der Feridgile-Gruppe // Dacia. 1977. T. XXI. S. 92*). В предлагаемой С. С. Бессоновой и С. А. Скорым схеме ритмичного проникновения скифов в Северное Причерноморье и правобережную лесостепь эта дата соответствует второй волне (*Скорый С. А. Курган Переп'ятиха. К., 1990. С. 92*).

¹⁹ *Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М., 1982. С. 92.*

²⁰ *Смирнова Г. И. Указ. соч. С. 30.*

²¹ *Брумяко И. В., Карпов В. А., Петренко В. Г. О ритме палеогеографических изменений и смене культурных групп в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. Тез. докл. Рени. 1989. С. 5—7; Добролюбовский А. О. Кочевники на юго-западе СССР в X—XVIII веках (историко-археологическое исследование): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1989. С. 12, 18.*

истрийской хоры архаического времени²². Наряду с известными ранее (Александрия и Тариверде) они могут свидетельствовать о заполнении демографической лакуны в Добрудже, по крайней мере, начиная с VI века. И хотя в Орловке и Новосельском раннего греческого импорта пока не найдено²³, все же считаю возможным включить эти два памятника в область расселения фракийских племен северо-восточной Добруджи, составлявших географическое окружение («оболочку») архаической Истрии. Этому не противоречит наличие среди материалов Новосельского значительной группы керамики позднегальштатского (VII—VI вв.) облика²⁴. «Дунайский замок», по всей вероятности, служил достаточно надежным заслоном против пока еще крайне немногочисленных и появлявшихся в Подунавье нерегулярно скифских отрядов. Такое положение сохранялось вплоть до скифской экспедиции Дария.

В 60-х гг. на Среднем Днестре исследовалось поселение у с. Иванэ-Пустэ, где были встречены находки греческого импорта VI—V веков. К настоящему времени подобного же рода античная продукция, судя по опубликованным данным, зафиксирована еще на двух поселениях этого же района²⁵. Начальный этап их существования Г. И. Смирнова датирует второй половиной VII века²⁶.

Еще со времени раскопок Т. Сулимирского в Западной Подолии исследователи занимались поисками источника поступления в эти районы импортных вещей. В 60—70-е гг. считалось, что появление ионийской керамики на Среднем Днестре, равно как и в более восточных районах лесостепи Побужья и Поднепровья, было результатом торговой активности греческих колонистов нижнебугского района. Между тем, еще в начале 60-х гг. А. И. Фурманская²⁷, а в начале 70-х И. Б.

²² *Alexandrescu P. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit* // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.: Материалы IV Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо; Вани, 1985). Тбилиси, 1987. С. 284—285.

²³ Отмечены материалы более позднего времени, в т. ч. фрагменты клеймённой тары, чернолаковой керамики, не выходящие за рамки IV века.

²⁴ Бруйко И. В., Гизер С. Н. Указ. соч.

²⁵ Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.) // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 56—57; Ганина О. Д. Поселения раннеосифской доби поблизу с. Залісся // Археологія. 1984. № 47. С. 68—79.

²⁶ Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы... С. 31.

²⁷ Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 42—43.

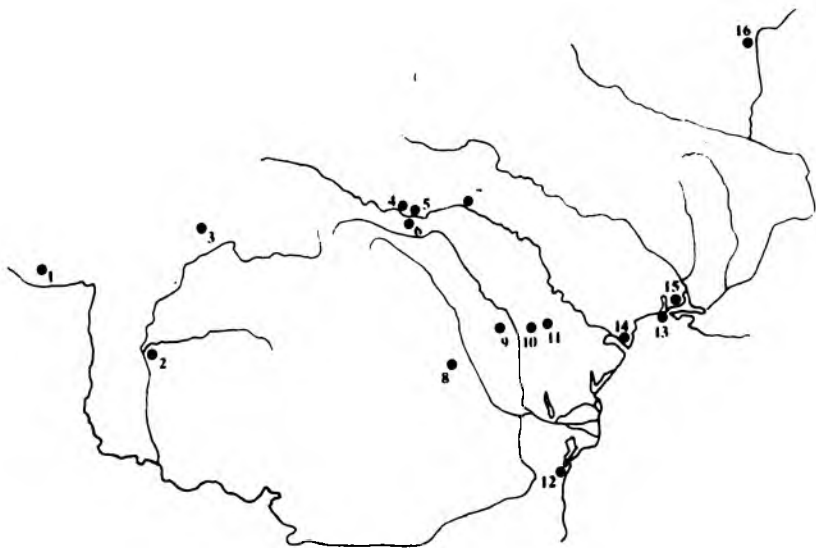

Рис. 2. Упоминаемые в статье памятники Северо-Западного Причерноморья и Карпатского бассейна VII—V вв. до Р. Х.

1 — Хотин; 2 — Сентеш-Векерзуг; 3 — Кошице; 4 — Ивань-Пустэ; 5 — Залесье; 6 — Долиняны; 7 — Непоротово; 8 — Бырсешти; 9 — Куртени; 10 — Пыржолтены; 11 — Данчени; 12 — Истрия; 13 — Березань; 14 — Никоний; 15 — Ольвия; 16 — Бельское городище

Брашинский²⁸ не исключали возможности, при которой поступление импорта на Средний Днестр могло происходить через греческие центры нижнего течения Тираса (Фурманская), или Истрию (Брашинский), что в общем-то, с географической точки зрения представляется более логичным²⁹. Тем не менее, «нижнебугский» вариант остается популярным до настоящего времени. Его сторонники ссылаются на позднее основание Никония и Тиры, а также на их незначитель-

²⁸ Брашинський І. Б. Шляхи проникнення грецьких виробів на територію сучасної Західної України та сусідніх областей у скіфський час // ВІЖ. 1972. № 2. С. 109—112.

²⁹ И. Б. Брашинский полагал, что греческие купцы могли использовать для этого течение Днестра, а также, посредством Дуная, Прутско-Сиретскую гидросеть. Считая Истрию одним из наиболее вероятных центров-экспортеров он, вместе с тем, не исключал из этого числа и Ольвию. В то же время, точку зрения А. И. Фурманской И. Б. Брашинский считал необоснованной (Брашинський І. Б. Вказ. праця. С. 111).

ный торгово-экономический потенциал в эпоху архаики³⁰. Можно, конечно, заметить, что и Ольвия с Березанью вряд ли в VI (не говоря уже о VII в.) были в состоянии охватить своей торговой деятельностью едва ли не всю территорию нынешней Украины. Однако более важным представляется следующее. На фоне ионийского импорта вначале как-то не акцентировалось внимание на такой группе материала, как сероглиняная гончарная керамика. После пересмотра в конце 60-х гг. версии Т. Сулимирского о ее кельтском происхождении³¹ и передатировки соответствующих памятников Западной Подолии, наряду с новыми находками из курганов и поселений, было высказано предположение о возможном появлении здесь серой керамики посредством греческих центров левого Понта³² и, в первую очередь, видимо, Истрии. Вопрос об источнике поступления сероглиняной гончарной керамики в Днестровско-Карпатскую область в VII—VI вв. вполне оформился как самостоятельная проблема. Поэтому ограничусь констатацией некоторых ключевых моментов. Прежде всего, ситуация осложняется почти полным отсутствием работ по хронологии сероглиняной посуды греческих центров³³. Тем более обречены на неудачу попытки датировать эту продукцию по комплексам лесостепных поселений, разве что исходя из суммарной датировки самого памятника, а она, как правило, охватывает значительный отрезок времени — примерно 150 лет. Отдельные комплексы, содержащие кружальную посуду (Круглик), по датам практически совпадают с начальным этапом существования Истрии, что вызывает известную неуверенность при попытках напрямую связать появление сероглиняной керамики в Прикарпатье, а возможно, также на Венгерской равнине и в Трансильвании с торговой активностью этого античного центра. С другой стороны, отстаивая местное производство этой керамики, следует признать факт знакомства туземного населения с гончарным кругом, по крайней мере, с середины VII в., о чем опять-таки свидетель-

³⁰ Самойлова Т. Л. Тира в VI—I вв. до н. э. К., 1988. С. 41; Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н. э. К., 1990. С. 53.

³¹ Смирнова Г. И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 14—27.

³² Ее же. Культурно-исторические процессы... С. 25.

³³ Исследования П. Александреску (*Alexandrescu P. Les modes grecs de la ceramique Thrace tournee // Dacia. 1977. T. XXI. P. 113—137*) и в какой-то степени М. Кожа (*Coja M. La ceramique grise l'Istria a l'Epoque Grecque // Dacia. 1968. T. XII. P. 305—329*) — едва ли не единственные в своем роде.

ствуют датировки памятников типа Круглик. Более четкой становится картина со второй половины VI века. Прежде всего, появляются комплексы с сероглиняной кружальной керамикой к северу и северо-западу от понтийского побережья, в южной лесостепи (Данчены, Пыржолтены)³⁴, а также в Запрутской Молдове (Куртени, Бырсешти)³⁵. Считая находки из лесостепной Молдовы импортом, можно связать их появление здесь с началом колонизации эллинами Нижнего Поднестровья и с основанием Никония в середине VI в. (Рис. 2). Позднеархаические комплексы низовьев Днестра дают весьма разнообразный и достаточно представительный набор рассматриваемой группы керамики. Аналогичная картина наблюдается и в Истрии, а также на поселениях ее округи в северо-восточной Добрудже. Сравнительный анализ никонийской и истрийской серий, выполненный П. Дюпоном, показал их практически полную идентичность³⁶. Это, в общем-то, неудивительно, учитывая отстаиваемое в последнее время большинством исследователей мнение о Никонии как апойки Истрии. Химико-петрографическое сопоставление «эллинского» и «варварского» наборов сероглиняной посуды — дело будущего. Однако территориальный фактор, равно как и типологическое сходство (Рис. 3) позволяют думать, что с VI в. (для районов к северу от Дуная) и со второй его половины (для Пруто-Днестровского междуречья) эта продукция проникала вглубь материка посредством греческих центров — Истрии и Никонии. Несмотря на наличие идентичных форм в Побужье, этот район вряд ли может рассматриваться как источник поступления серой керамики в Днестровско-Прутское междуречье и на Средний Днестр. И главным образом из-за полного или почти полного ее отсутствия на памятниках эпохи скифской архаики бассейнов Днепра и Буга, районов, которые обычно считаются сферами коммерческих интересов эллинов Нижнего Побужья³⁷.

Таким образом, в вопросе о распространении сероглиняной гончарной керамики в Днестровско-Карпатских землях точка

³⁴ Лапушнян В. Л. Ранние фракийцы X — начала IV вв. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979. С. 91. Рис. 30 — 7; С. 19. Рис. 4 — 12.

³⁵ Ionomi C. Decouvertes recentes dans l'établissement hallstattien tardif de Curteni (dep. de Vaslui // Dacia. 1979. T. XXIII. P. 79—91; Мелюкова А. И. Указ. соч., С. 92. Рис. 30 — 2.

³⁶ Вслед за С. Б. Охотниковым ссылаюсь на устное сообщение П. Дюпона (См.: Охотников С. Б. Указ. соч. С. 66).

³⁷ На это обстоятельство мое внимание обратила Г. И. Смирнова.

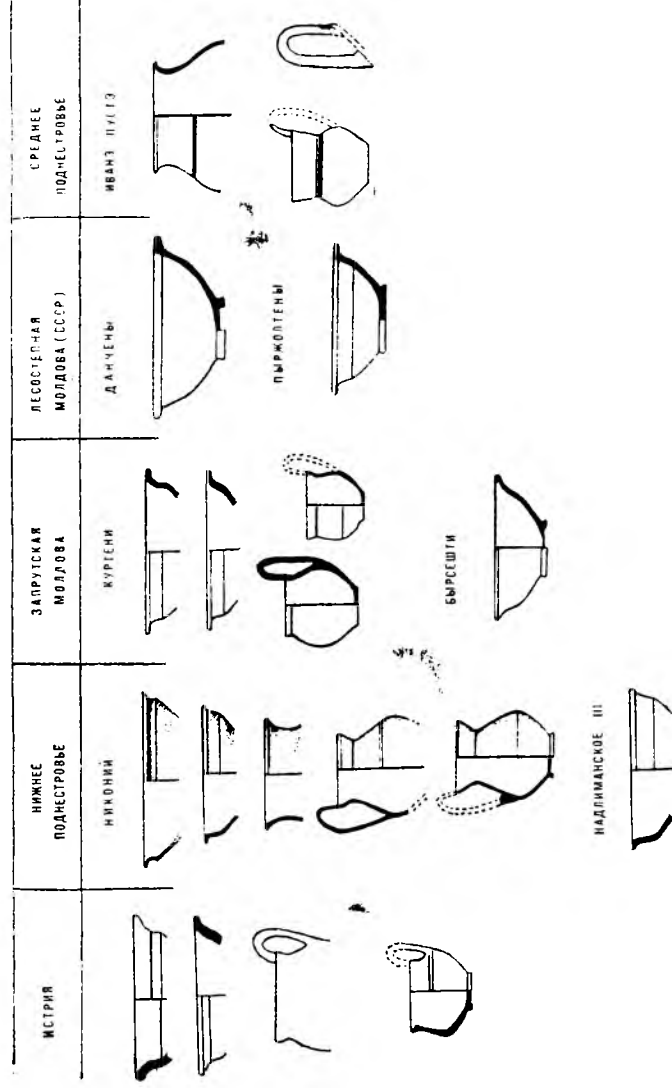

Рис. 3. Сравнительная таблица некоторых типов сероглиняной гончарной керамики (масштаб разный). Рисунки сосудов приведены по публикациям: П. Александреску (Истрия), А. И. Мелюковой (Надлиманское-III и Бырсешти), К. Иконому (Курчени), В. Л. Лапушняна (Данчены и Пыржолтены), О. Д. Ганиной (Иванэ-Пустэ)

зрения И. Б. Брашинского — А. И. Фурманской представляется наиболее обоснованной. При этом, видимо, нет смысла отдавать предпочтение какому-либо одному из указанных греческих центров-экспортеров, поскольку каждый из них в свое время имел и внешнеторговую ориентацию, предопределенную в значительной мере факторами географического порядка. Не исключено, что вывод Никония Истрией, если считать это положение доказанным, как раз и преследовал цели расширения области торговой экспансии, по крайней мере, в начальной стадии взаимоотношений апойкии и метрополии. Понятно, что торговые контакты, реконструируемые здесь, должны были носить двусторонний характер. Материальным выражением обратной направленности может служить наличие на нижнеднестровских поселениях эпохи поздней архаики определенной группы вещей среднеднестровского происхождения. Яркие образцы такого рода продукции, на мой взгляд, пока немногочисленны. Исключая лепную керамику, о которой см. ниже, в первую очередь отметим уникальную для античных памятников Северного Причерноморья и Крыма находку глиняной пинтадеры (Рис. 4—3). Она была обнаружена в Никонии в слое первой половины — середины V века. Районы концентрации этих изделий в раннем железном веке очерчиваются в границах Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна³⁸. При этом отмечается большое сходство глиняных печатей из этих двух областей и, вместе с тем, полное отсутствие подобных предметов в Северном Причерноморье³⁹. Пинтадеры в большом количестве (около сотни экземпляров)

³⁸ О функциональном назначении этих предметов споры ведутся очень давно. Указывается, со ссылкой на Геродота (Her. V. 6), на возможное применение пинтадер при татуировке, или раскраске, последнее представляется более точным, частей тела, окраске тканей и, даже маркировке домашнего скота (Dušek M. Die Thraker im Karpatenbecken. Amsterdam, 1978. S. 147).

³⁹ Chochorowski J. Rola sigynow Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // PA. 1987. Vol. 34. P. 206. Без каких-либо ссылок об отдельных, «скудных», находках пинтадер в Северном Причерноморье пишет М. Душек (Dušek M. Op. cit. S. 147). Недоразумением можно считать упоминание (со ссылкой на работу А. И. Мелюковой) о находках глиняных пинтадер на фракийских памятниках лесостепной Молдовы IX—VIII вв. в разделе «Археологии Венгрии» (Археология Венгрии (конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.). М., 1986. С. 185). В указанном районе глиняные печати отмечены лишь на гетских памятниках IV—III вв. (Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 69. Рис. 19—7).

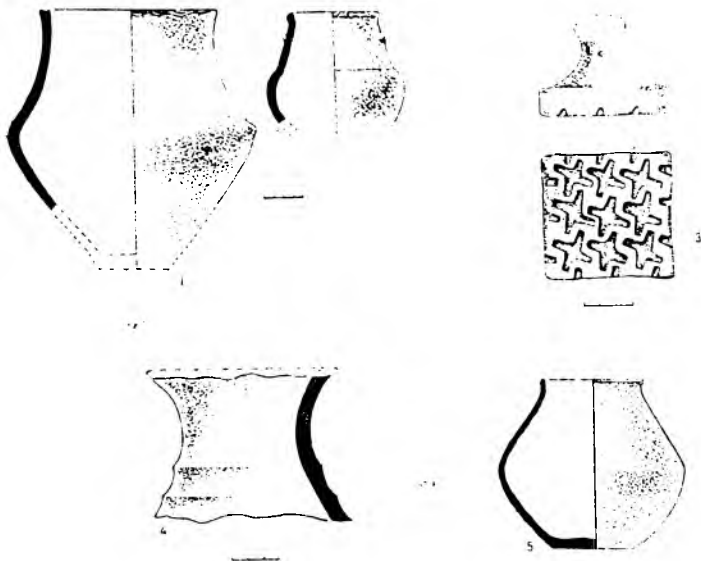

Рис. 4. Пинтадера и некоторые типы лепной керамики из Никония

известны в группе Сентеш-Векерзуг⁴⁰, где они датируются преимущественно V в., в позднегалльштатском могильнике Хотин (Рис. 2 — 1, 2)⁴¹ и т. д. Фрагмент пинтадеры с орнаментальной композицией, аналогичной никонийскому экземпляру, происходит из Восточной Словакии (район Кошице) и датируется также V веком⁴².

Наличие обоюдных контактов между тирасскими колониями и туземным населением на самом раннем этапе неизбежно ставит вопрос о присутствии варваров в среде греческих колонистов и характере их взаимоотношений. Решить эту проблему можно, вычленив из всей суммы артефактов те, которые в той или иной степени соотносятся с материальной культурой варварского окружения⁴³. В настоящее время в Нижнем Поднестровье полностью отсутствуют памятники

⁴⁰ Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa; Krakow, 1985. S. 81.

⁴¹ Dušek M. Op. cit. S. 194. Taf. III.

⁴² Miroššayova E. Problematika osídlenia Východného Slovenska v dobe Halštatskej // SA. 1987. T. XXXV. N. 1. P. 146, 154. Pl. III, 1.

⁴³ Имеется в виду как ближнее (непосредственное) окружение, так и дальнее.

лапидарной эпиграфики VI—V веков. Невелик банк данных и по ономастике, судя по граффито с именами владельцев⁴⁴. Среди прочих материалов наиболее информативной в этом плане является лепная керамика, благодаря утвердившемуся мнению о ней как о достаточно надежном индикаторе присутствия варварского населения.

В 60—70-е гг. на ряде архаических поселений были выделены две группы лепной керамики, которые по типологическим признакам были соотнесены со скифским и фракийским этническими массивами. Появление первой связывалось с началом процесса седентаризации среди кочевников, а второй — с вовлечением в колонизационный процесс фракийцев-земледельцев истрийской хоры. Подтверждалось это следующим образом. Лепная керамика скифского облика из нижнеднестровских памятников была по сути идентична комплексу лепной керамики из скифских степных памятников конца V—IV веков. Источник поступления фракийской керамики определялся по наиболее близкой области расселения носителей этой культуры. Поскольку раннегетские памятники в Пруто-Днестровском междуречье еще не были выявлены, то в качестве «исходной» области, откуда шло проникновение фракийцев в низовья Тираса, рассматривалась северо-восточная Добруджа. Считалось при этом, что они появились в Поднестровье вместе с греками уже в качестве устойчивого элемента этнической структуры истрийского полиса. Все это подкреплялось признанием Никония апойкией Истрии⁴⁵. В 70-х гг. в лесостепной Молдове было открыто несколько ранних гетских памятников⁴⁶, в связи с чем география фракийской керамики VI—V вв. существенно расширилась. Сейчас этот район, наряду с северо-восточной Добруджей, рассматривается как область, откуда фракийское население могло проникнуть в Нижнее Поднестровье уже на самом раннем этапе его колонизации.

Ряд соображений по поводу формирования комплекса лепной керамики Поднестровья архаического времени мне уже приходилось высказывать⁴⁷. Прежде всего это касается культурной увязки «скифской» лепной посуды. Выше отме-

⁴⁴ И. Д. Головки опубликовано 24 граффито, из которых лишь 9 могут быть отнесены к VI—V вв. (по датировкам фрагментов керамики). Все они, как впрочем и остальные, более поздние содержат исключительно греческие имена (*Головки И. Д. Эпиграфические находки // МАСП. 1966. № 5. С. 77—88*).

⁴⁵ *Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. С. 162.*

⁴⁶ *Лапушнян В. Л. Указ. соч. С. 19—20, 88.*

⁴⁷ *Бруйко И. В. Скифская керамика античных поселений... С. 28—30.*

чалось крайне малое число раннескифских памятников в степных районах, прилегающих к Нижнему Поднестровью. И хотя около 500 г. их количество несколько возросло (см. ниже), тем не менее численность и картографирование таких памятников с одной стороны, и достаточно высокий удельный вес лепной керамики скифского типа на архаических поселениях с другой, не позволяют говорить о присутствии элементов степной культуры в среде колонистов. Кратко о некоторых других аргументах в поддержку этой точки зрения. Во-первых, явление седентаризации, которым объясняют наличие «скифской» лепной керамики на античных памятниках Северного Причерноморья в таком масштабе в раннескифское время, представляется маловероятным по ряду соображений социально-экономического порядка. Вспомним, что подобная керамика в VI—V вв. распространяется вплоть до Истрии и ее окружи. Во-вторых, собственно раннескифских погребений с лепной керамикой в степи практически нет. Захоронения ранних кочевников, как правило, содержат керамику тех оседлых групп (культур), в среду которых внедрились или по соседству с которыми обитали номады⁴⁸. Таким образом, надо признать, что типологическое сопоставление ранней лепной керамики греческих городов и поселений с синхронной кочевнической невозможно, так как последней в чистом виде попросту не существует. Говорить о сложившемся комплексе степной керамики можно не ранее конца V в., когда она начинается в массовом количестве фиксироваться в подкурган-ных захоронениях и на степных поселениях, появляющихся в это же время⁴⁹. Вероятно, лепная керамика в скифских погребениях может служить одним из индикаторов начала оседания кочевников на землю. В-третьих, типологическое

⁴⁸ К примеру, для Краснознаменской группы — это керамика кобанской культуры, правобережной лесостепной — жаботинская, Венгерской и Трансильванской — фракийская, в киммерийских погребениях степной зоны присутствует столовая керамика групп фракийского гальштата (Сахарна-Солончены и Басараби-Шолдэнешты) и позднего Чернолесья.

Тезис о непрерывной линии развития комплекса лепной керамики Причерноморья от эпохи поздней бронзы к античности нуждается в серьезном замечании, а именно: он справедлив, видимо, только для лесостепной области, тогда как в степи не представляется возможным заполнить период приблизительно в 300 лет, с IX до VII вв.

⁴⁹ Экстраполяция типологии скифской лепной керамики конца V—IV вв. на керамику второй половины VII — начала V вв., вероятно, не вполне правомерна. Нельзя забывать, что несмотря на увеличение числа скифских погребений в Северо-Западном Причерноморье с середины V в. (Рис. 1), лепная керамика в них по-прежнему вплоть до конца столетия является, скорее, исключением.

сходство «скифской» лепной керамики греческих поселений Нижнего Поднестровья с лепной керамикой среднестровской и правобережной лесостепи, наличие здесь греческого импорта, в том числе и некоторых типов сероглиняной гончарной посуды, может рассматриваться как свидетельство проникновения в приморскую зону населения лесостепи (Усатово). Лепная керамика т. н. скифского типа из архаических памятников Нижнего Днестра отражает присутствие на них представителей земледельческого населения правобережной лесостепи. Возможно, это — группа памятников типа Иванэ-Пустэ, Залесье, Долиняны. Подкрепить последний тезис конкретными примерами пока довольно трудно, поскольку сходство кухонной посуды всей лесостепной полосы к западу от Днестра, на первый взгляд, едва ли не абсолютное. Столовая же керамика практически не представлена в материалах Никония и сельских поселений. Тем не менее некоторые типы сосудов, происходящие из Никония, с большей вероятностью могут быть сопоставлены с оригинальными формами лепной керамики именно северо-западного происхождения (Рис. 4 — 1, 2, 4, 5). Диагностичным в этом плане кажется обломок горла небольшой лощеной корчаги с горизонтальными валиками-канеллюрами (Рис. 4 — 4). Сосуды такого типа отмечены на поселении Иванэ-Пустэ⁵⁰, в кургане № 3 у с. Долиняны⁵¹, кургане у с. Лоевцы⁵², могильнике шолдэнештской группы Селиште⁵³. Своеобразна форма биконического горшка с наибольшим диаметром тулова в нижней трети его высоты и едва намеченным венчиком (Рис. 4 — 5). Этот тип довольно широко представлен среди материалов куштановицкой группы, наследуя при этом более ранние традиции лужицкого керамического комплекса⁵⁴.

Что касается распространения фракийской керамики, то проникновение какой-то части фракийского населения в VI—V вв. в зону колонизации Нижнего Днестра из районов Пруто-Днестровского междуречья пока плохо согласуется с единичными памятниками лесостепной Молдовы этого периода. Это

⁵⁰ Ганіна О. Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археологія, 1965. Т. XIX. С. 114. Рис. 5—7.

⁵¹ Смирнова Г. И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 36. Рис. 6.

⁵² Крушельницька Л. І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ, 1985. С. 121. Рис. 39 — 6.

⁵³ Лапушняк В. Л. Указ. соч. С. 82. Рис. 25 — 13.

⁵⁴ Попович І. І. Курган куштановицької культури в с. Невийське на Закарпатті // Археологія. 1985. № 50. С. 54. Рис. 5 — 13, 20; 6 — 8; С. 58.

не означает, однако, что такой вариант совершенно неприемлем⁵⁵, равно как нельзя исключить и появление фракийцев в нижнем течении Тираса из районов Подунавья, причем, это могло происходить независимо от переселения сюда части истрийских греков. Выдвинувшись на левый берег Нижнего Дуная еще в эпоху среднего гальштата, фракийские поселения (Орловка, Новосельское)⁵⁶ находились на расстоянии 3—4-х дней пешего пути от низовьев Днестра.

Таким образом, на первом этапе существования эллинских населенных пунктов в Нижнем Поднестровье можно отметить присутствие здесь двух групп туземного населения: скифского лесостепного и фракийского. Столь тесный симбиоз представителей разноэтничных групп помимо сходных интересов в сфере экономики, вероятно, можно объяснить еще и длительным соседством их исконных территорий в среднем и верхнем течении Днестра. Особенно оживленным было взаимодействие двух культурно-исторических областей в предскифскую эпоху⁵⁷. Предполагается даже глубокая фракийская экспансия на восток и северо-восток, что в значительной степени повлияло на формирование культуры позднего Чернолесья⁵⁸.

Обратимся теперь к хронологии начала колонизации Нижнего Поднестровья. Выше неоднократно упоминалась дата основания Никония — середина VI века. Она, однако, не является общепринятой. Мнения по этому поводу разнятся в пределах 30—40 лет. Высокую дату основания города активно обосновывает С. Б. Охотников. Он считает, что *terminus post quem* для этого дает скифский поход Дария, поскольку, находясь в зоне боевых действий, Никоний должен был подвергнуться нападению персов, а это в свою очередь должно было бы фиксироваться археологически. Так как этого нет, то, следовательно, Никоний был основан после скифо-персидского конфликта⁵⁹. Думается, это весьма шаткий аргу-

⁵⁵ В литературе неоднократно встречаются упоминания о находках архаического импорта на ряде гетских городищ IV века. Однако пока эти материалы не опубликованы (См.: *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987. С. 15, 92, 102).

⁵⁶ В этом же районе разведками зафиксировано поселение у с. Новонекрасовка, где были найдены обломки хиосских пухлогорлых амфор (*Шаглій М. Н., Черняков І. Т.* Археологічні розвідки 1964 р. в пониззі Дунаю // *Археологія*. 1965. Т. XIX. С. 217).

⁵⁷ *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы... С. 32—34.

⁵⁸ *Березанська С. С.* Деякі підсумки вивчення епохи неоліту-бронзи на території України // *Археологія*. 1987. № 57. С. 32.

⁵⁹ *Охотников С. Б.* Указ. соч. С. 69.

мент. Ход военных действий в изложении Геродота сам по себе содержит много неясного, что, кстати, нашло отражение в обширной литературе, посвященной этой проблеме. Одним из наиболее полемичных является вопрос о протяженности маршрута персидского войска в пределах Северного Причерноморья. В противоположность традиционному «длинному», существует вариант «короткого» маршрута, который был предложен Р. Хеннингом еще в 50-е годы⁶⁰. Если принять точку зрения Р. Хеннинга, то становится очевидным, что Никоний, как впрочем и Ольвия с ее округой, оставался за пределами района боевых действий. И наоборот, если следовать логике рассуждений С. Б. Охотникова и других сторонников «длинного» маршрута, то тогда нужно объяснить причину миролюбивого отношения Дария к городам и поселениям Нижнего Побужья. И это — при катастрофической, если верить Геродоту, нехватке продовольствия и фуража в персидской армии. Вероятно, говоря о дате основания Никония, есть больше оснований опираться на археологические данные, которые, кроме весьма представительной выборки керамики середины — второй половины VI в., дают целый ряд комплексов этого времени⁶¹.

Значительные разногласия вызывает и вопрос о времени основания Тиры. В определенной степени они обусловлены плохой сохранностью объекта, а также невозможностью вести исследования на широкой площади. В результате, с одной стороны, считается бесспорным основание Тиры Милетом, т. е. до 90-х гг. V в., а с другой, мы не имеем реально не только позднеархаических, но и раннеклассических слоев (хотя материалы конца VI—V вв. хорошо известны). Большинство исследователей все же считает, что город был основан в конце VI века. Кроме уже известных аргументов, в поддержку этого мнения можно привести еще один. На ближней и дальней перифериях Тиры до настоящего времени не обнаружено ни одного поселения позднеархаического периода. На мой взгляд, это может означать следующее. Тира, ее население, не смогла собственными силами осуществить начальную «маркировку» района будущей хоры. Вероятно, это в значительной степени зависело от новых партий переселенцев, которые должны были на раннем этапе существования апойкии поступать из метрополии более или менее регулярно. Учи-

⁶⁰ Хеннинг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 1. С. 196—197.

⁶¹ Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. К., 1989. С. 22.

тивая относительно небольшие по численности первые партии колонистов, отправлявшиеся из метрополии, можно предположить, что вскоре после выхода Милетом Тиры связь между ними была прервана. В противном случае демографическая изоляция города, особенно на фоне десятка сельских поселений левого берега, малопонятна. «Отказ» от Тиры можно объяснить лишь известными событиями в Ионии 90-х гг. V в., повлекшими за собой разгром Милета персами. Дата основания Тиры, таким образом, должна быть предельно близкой к указанным событиям, т. е. где-то не ранее последнего десятилетия VI века.

Попытки объяснить диспропорцию в размежевании архаических поселений правого и левого берега Тираса неким политическим или экономическим давлением (соперничеством), которое оказывал на Тиру Никоний, по меньшей мере, неубедительны. Речь идет не о соседстве крупных центров материковой Греции, насчитывавших каждый не одно столетие собственной истории и имевших разветвленную внутреннюю структуру, устоявшиеся торгово-экономические связи, свои вооруженные силы и т. д. Перед нами первые попытки небольших, этнически более или менее однородных групп переселенцев закрепиться на новом, совершенно необжитом месте и сформировать первичные структуры (ядро) будущего хозяйственно-экономического района. В таких условиях экономическое, а тем более политическое соперничество кажется нереальным.

Что касается нижней даты архаических поселений левого бережья нынешнего Днестровского лимана, то нам кажется, что развертывание сельской округи Никонисом⁶² в последариевское время трудно предполагать хотя бы по причине уже реально надвигавшейся, пусть даже потенциальной, угрозы со стороны кочевников, которые, несомненно, появлялись в период скифо-персидской войны вблизи греческих населенных пунктов Нижнего Поднестровья. Во всяком случае, появление нового участника исторического действия, участника далеко не безобидного даже на первый взгляд, могло породить состояние неопределенности, при котором соображения безопасности взяли верх над стремлением начать широкое хозяйственно-

⁶² В данном случае понятия «дальней» и «ближней» округи суть вещи одного порядка. Главным является возникновение ядра экономического района (Никоний), с последующей передачей ему метрополией локальных регламентирующих функций. Решительно нельзя согласиться с точкой зрения, предполагающей стихийный характер начальной стадии формирования хоры (См.: Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 95).

экономическое освоение региона. Учитывая время основания Никония, дату возникновения сельских поселений левобережья можно максимально углубить в последнюю четверть VI века.

Приблизительно с конца VI в. отмечено некоторое увеличение скифских погребений в регионе (Рис. 1). Судя по датам, они могут быть синхронизированы со скифо-персидским конфликтом. Очевидно, это можно считать второй волной скифского проникновения в западные районы степной полосы, волной также пока еще весьма незначительной. В это же время скифы проходят в запрутскую Молдову (Васлуй, Хуши; Рис. 1 — 6, 7)⁶³ и, вероятно, в Добруджу. Поход Дария, разрушив на какое-то время монолитность фракийского массива в Добрудже и спровоцировав горизонтальные перемещения в скифской среде, открылномадам дорогу на Балканы. Именно к началу 90-х гг. V в. относится их знаменитый рейд вдоль западнопонтийского побережья к Херсонесу Фракийскому. Очевидно, вскоре после этого по нижнему течению Дуная стабилизируется западная граница Причерноморской Скифии, соответственно скифское влияние распространяется на весь степной регион. Все это, разумеется, не могло не сказаться на судьбах греческих центров Побужья и Поднестровья. Кризис второй четверти V в., его причины и ход подробно освещались в литературе⁶⁴. Ситуация в Поднестровье по археологическим данным практически полностью повторяет нижнебугскую. Прекращается жизнь на сельских поселениях левого берега, в Никонии с западной стороны сооружается оборонительная стена. В первой половине V в. в близлежащих степных районах появляется небольшая группа погребений со смешанными чертами в погребальном обряде: трупосожжение (полное или частичное) со скифо-фракийским инвентарем (Рис. 1 — 3, 9, 12, 13); а приблизительно с середины V в. начинает быстро увеличиваться число типично скифских степных погребений на территории вплоть до Дуная (Рис. 1). Совершенно правы те исследователи, которые разделяют точку зрения Ю. Г. Виноградова и П. О. Карышковского о том,

⁶³ Palade V., Ciusă N. Noi descoperiri scitice în județul Vaslui // SCIV. 1972. T. 23. N. 2. P. 285—292; Palade V. Un mormint scitic la Rediu-Vaslui // SCIVA. 1976. T. 27. N. 4. P. 549—555.

⁶⁴ В данном случае мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые видят истоки этого кризиса в изменении внешнеполитической обстановки (См.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 85—86, 104; Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 149—150).

что Никоний, впрочем, как и Ольвия, попадают под скифский протекторат⁶⁵. Подтверждение этому мы находим в выпуске Никонием литых монет с именем Скила. Рассмотрев их иконографию в контексте общесторической ситуации в материковой Греции и Причерноморье, П. О. Карышковский пришел к выводу, что этот выпуск мог начаться в первой четверти V в., но не ранее 490 года⁶⁶. Это является *terminus ante quem* для скифского протектората над Никонием. Дальнейший ход событий в Северо-Западном Причерноморье лежит за рамками данной работы. В ней хотелось затронуть главным образом вопросы ранней хронологии и попытаться на основании имеющегося материала последовательно обозначить основные этапы становления тех политических структур, которые определили историческое своеобразие региона на протяжении тысячелетия античной эпохи.

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского

Одной из особенностей освоения греками берегов Керченского пролива является хорошо известный факт многочисленности здесь весьма крупных поселений, которые обычно именуются городами. Античная традиция сохранила названия приблизительно тридцати боспорских населенных пунктов¹. Однако столь же хорошо известно и то, что письменные источники сообщают об основании лишь пяти греческих апоек в восточном Крыму и на Таманском полуострове. Это милетская колония Пантикапей (Strabo. VII. 4. 4; Plin. NH. IV. 26), милетские же Феодосия (Arr. P. Pont. 30; Anonym. P. Pont. 77) и Кепы (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. VI. 18), колония ионийского города Теоса Фанагория (Arr. Byth. fr. 55; Ps.-Scymn. 886 sg.) и Гермонасса, основанная либо ионийцами (Dionys. Per. 52), либо эолянами, выходцами из Митилены на Лесбосе (Arr. Byth. fr. 55). В принципе, можно предположить, что число апоек было большим, и среди городов, названия

⁶⁵ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 90—109; Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. Ч. I. С. 68.

⁶⁶ Карышковский П. О. Указ. соч. С. 66—68.

¹ См.: Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 61; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л.; М., 1949. С. 27 сл.; Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. В., 1971. S. 32 f.

которых известны по свидетельствам древних авторов, имеются и колонии. Отсутствие информации об их основании вряд ли можно рассматривать как решающий аргумент, ибо с течением времени она вполне могла быть утеряна. К подобной трактовке склонялся Д. П. Каллистов, усматривавший в небольших боспорских поселениях своего рода деградировавшие апойкии, некогда независимые полисы².

Более строго стремился следовать источникам С. А. Жебелев. Он считал полисами лишь те центры, сведения об основании которых сохранились в письменной традиции, а именно — Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу и Кепы³. Правда, и этот исследователь, в определенной степени противореча самому себе, писал, что некоторые города теряли полисный статус, и приводил в качестве примера Мирмекий, об основании которого нам ничего не известно, а другие, наоборот — приобретали, что, по его мнению, произошло с Нимфеем⁴. Все остальные населенные пункты, как полагал С. А. Жебелев, были основаны в V в. до н. э., уже после образования Боспорского государства. Это была так называемая внутренняя колонизация, проводимая по инициативе и под руководством центральной власти в Пантикапее⁵. В подтверждение данного тезиса можно привести некоторые сообщения древних авторов, свидетельствующие о том, что отдельные населенные пункты в рассматриваемом районе действительно были выведены сравнительно поздно. Прежде всего, это Танаис (Strabo. XI. 2, 3), Киммерик (Ps.-Scymn. 896 sq) и Синдская Гавань (Ps.-Symn. 888 sq.). Показательно в этом отношении наименование Пантикапея и Фанагории метрополиями (обычно переводят «столицами») боспорских городов (Strabo. XI. 2, 10; VII. 4). Наконец, одним из доводов в пользу своей концепции С. А. Жебелев считал то соображение, что Милет, которому принадлежала ведущая роль в колонизации Северного Причерноморья, не мог вывести одновременно такое большое количество апойкий; для этого у него просто не хватило бы людских ресурсов⁶. Но эту, безус-

² Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 78.

³ Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства // СП. С. 69.

⁴ Жебелев С. А. Боспорские этюды. I. Образование Боспорского царства // СП. С. 162.

⁵ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства // СП. С. 122; *его же*. Боспорские этюды. I. Образование ... С. 159.

⁶ Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства... С. 69. Пр. 4.

ловно, здравую мысль, по всей видимости, следует относить не только к Милету, но и к Пантикапею,—особых оснований для утверждения о том, что он мог провести такую одновременную акцию у нас нет. К тому же, когда в результате развернувшихся археологических раскопок с полной очевидностью было выяснено, что большая часть боспорских городов, на которые ссылался С. А. Жебелев, была основана гораздо раньше, чем ему представлялось, то и его гипотеза о вторичной колонизации отпала сама собой, хотя, по нашему мнению, она содержала немалое рациональное зерно⁷.

Остальные исследователи трактуют этот самый сложный и важнейший для понимания боспорской специфики вопрос, по большей мере, чисто умозрительно. В. Д. Блаватский считал, что полисами являлись Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Киммерик, Фанагория и Гермонасса, но в подтверждение своей точки зрения он не привел решительно никаких данных⁸. Столь же априорно подошел к этому вопросу И. Г. Шургая, который, впрочем, попытался ввести элемент классификации и считал, что для Боспора можно говорить о более значительных полисах: Пантикапее, Фанагории, Феодосии и мелких: Тиритаке, Мирмекии, Нимфее, Китее и др.⁹ Ф. В. Шелов-Коведяев не выражает никаких сомнений в том, что все упоминающиеся в письменных источниках населенные пункты были колониями, а значит — полисами¹⁰. Близок к такому пониманию и Ю. Г. Виноградов, хотя он не считает возможным именовать некоторые малые города европейского и азиатского Боспора полисами, предполагая их возникновение в результате вторичной колонизации¹¹. А. А. Масленников также считает, что не все боспорские города были полисами¹², но это верное, на наш взгляд, мнение опять же нуждается в конкретизации.

⁷ Ср.: Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 18.

⁸ Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 11.

⁹ Шургая И. Г. Динамика исторического развития боспорских городов // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 38.

¹⁰ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 51, 55.

¹¹ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 369 сл.

¹² Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981. С. 103. Пр. 104.

Как видим, вопрос о греческих колониях на Боспоре или, другими словами, о полисах, существовавших здесь до образования единого государства, нельзя считать решенным. В настоящее время в научной литературе прочное место заняло стихийно сложившееся разделение боспорских городов на столицы: Пантикапей, Фанагория и так называемые малые города: Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Кепы, Илурат, Порфмий и др. Если в первой части оно, в принципе, оправдано, то в части «малых городов» необходимо ввести значительные коррективы. Для обоснования данной дефиниции не приведено ни формально-типологических признаков, ни свидетельств письменных источников, ни каких-либо иных соображений. Так, малыми городами именуются Кепы, колония Милета, и Порфмий, выступающий в сообщениях античных авторов как деревня (Анопум. Р. Pont. 69, 76, 117). Понятно, что этим термином, в особенности при рассмотрении процесса колонизации, можно пользоваться как сугубо условным.

Чтобы выйти за рамки предельно общих, априорных построений по проблеме апойкий (полисов) на Боспоре, необходимо рассмотреть круг имеющих источники, которые могут быть использованы при определении полисного статуса того или иного центра. Прежде всего, это данные письменных источников. Среди них, по понятным причинам, первостепенное значение имеют сведения о выведении колоний.

Немалый интерес для решения поставленного вопроса представляют материалы эпиграфики. Как известно, Боспор не богат эпиграфическими документами, особенно такими, которые могли бы пролить свет на проблему политического устройства боспорских городов до образования единого государства. Тем не менее, попытаемся использовать надписи, в которых содержатся этниканы, а точнее демотиканы боспорских горожан. Напомним, что вопрос о боспорских этниканах был предметом дискуссии между К. М. Колобовой и В. Ф. Гайдукевичем. К. М. Колобова рассматривала их как свидетельства сохранения при Спартокидах гражданской общины и автономии¹³. В. Ф. Гайдукевич полагал, что в условиях Боспорского государства полисная система потеряла скольконибудь реальное значение, а этниканы упоминались лишь по традиции¹⁴. Как видим, различия во взглядах весьма суще-

¹³ *Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 52.

¹⁴ *Гайдукевич В. Ф.* История античных государств Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. I. М.; Л., 1955. С. 117.

ственны, но для нашей работы они не имеют особого значения. Отражают ли демотиконы реально существующую полисную систему или же только систему, имевшую место ранее, в любом случае они несут столь необходимую для нас историческую информацию.

Принципиальное значение для определения полисного статуса имеет монетная чеканка. Материалы монетных чеканов боспорских городов в этом отношении изучены сравнительно неплохо.

Отметим, что для решения поставленной проблемы могут быть использованы и другие, прежде всего, археологические данные. Площадь городищ, мощность культурных напластований, развитие ремесла, наличие храмов и иных общественных зданий, даже относительное богатство вещевого материала — все эти факты имеют немалое значение для вычленения наиболее важных центров. Но в настоящее время их можно использовать лишь в ограниченной степени. Археологических данных о ранних боспорских городах пока еще очень мало, публикаций еще меньше, к тому же различные памятники исследованы отнюдь не в равной степени. Поэтому в наших построениях мы будем базироваться на трех обозначенных выше группах источников: свидетельствах древних авторов, эпиграфических материалах и нумизматике, используя данные археологии лишь для конкретизации тех или иных положений.

Сразу оговоримся, что логично будет ожидать отрицательного результата для какого-нибудь центра в отношении той или иной группы источников. Само по себе отсутствие свидетельств письменных источников об основании колонии или отсутствие монетного чекана еще не свидетельствует о том, что данный центр не был полисом. Здесь необходимо рассмотрение всех имеющихся источников в их совокупности.

Еще раз напомним, что античные авторы сохранили информацию о выведении в восточный Крым и на Тамань пяти апойкий: Феодосии, Пантикапея, Фанагории, Гермонассы и Кеп.

Эпиграфические материалы. Пантикапей дает более половины боспорских надписей — 867 из 1316, учтенных в «Корпусе боспорских надписей», но лишь немногие из них имеют интерес в плане решения поставленных вопросов. Во-первых, это надпись, посвященная Левкону I аркадиянами, где он именуется пантикапейцем (КБН. 37), и, во-вторых, — надпись римского времени из Гермонассы, где содержится тот же демотикон (КБН. 1048). Упоминаются пантикапейцы и в

надписях Греции (МИС. № 14, 21). Любопытно, что в эпиграфических документах отсутствует демотикон второй боспорской столицы — Фанагории, хотя в письменных источниках он засвидетельствован. Аппиан упоминает Кастора фанагорийца, одного из вождей восстания против Митридата (App. Mithr. 7, 108).

Демотикон «феодосиец» известен по надгробию первой половины IV в. до н. э. из Керчи (КБН. 231). Здесь же найдена надпись I в. до н. э. с демотиконом «гермонасит» (КБН. 495) и надгробие некоего Феомомпа кепита (КБН. 188). Наконец, отметим утерянную ныне боспорскую надпись, в которой упоминался Сосипатр нимфеец (IOSPE. 201), а также данный демотикон из сводки Б. Н. Гракова (МИС. № 58).

Итак, список боспорских демотиконов образуют те же самые пять центров, которые названы выше: Пантикапей, Феодосия, Гермонасса, Кепы и Фанагория, к ним добавляется шестой — Нимфей. Демотиконов «мирмекиец», «порфмиец» и т. д. не зафиксировано, и это положение представляется отнюдь не случайным.

Нумизматические материалы. Как известно, первым из греческих колоний на Боспоре монету начал чеканить Пантикапей¹⁵. Затем на протяжении V в. до н. э. появляются монетные чеканы Феодосии, Нимфея, Фанагории, а также монеты с надписью АПОЛ, монеты с изображением муравья и монеты синдов; три последние вызывают острые дискуссии.

Прежде всего, монеты с надписью АПОЛ различными исследователями относились к чекану Аполлонии, города неизвестного на Боспоре по письменным источникам, а также — Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Фанагории и частного боспорского монетария¹⁶. Можно признать, что интерпретация их в этом направлении зашла в тупик, поэтому абсолютно оправданной представляется попытка В. А. Анохина связать монеты с чеканом храма Аполлона¹⁷, равно как и гипотеза Ю. Г. Виноградова, предположившего, что монеты с надписью АПОЛ чеканились не одним городом, а союзом боспорских городов, объединившихся вокруг храма Аполлона в Пантикапее¹⁸. Кто из названных исследователей прав, и являются

¹⁵ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956. С. 14.

¹⁶ См.: Дюков Ю. Л. О монетах с изображением львиной головы и надписью АПОЛ // ВДИ. 1975. № 4. С. 71.

¹⁷ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. К., 1986. С. 25.

¹⁸ См.: Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре

ли монеты с надписью АПОА, соответственно, храмовыми или союзными, покажет время. Но в одном очень важном для нас аспекте их гипотезы сходятся: отнесение рассматриваемых монет к городскому чекану маловероятно.

До сих пор нет определенности и относительно атрибуции монет с изображением муравья. Предположение о том, что их следует считать мирмекийскими, высказанное более ста лет

назад, широко бытует и сейчас¹⁹. Муравей (μυρμηξ), изображенный на лицевой стороне, в этом случае рассматривается как говорящая эмблема города. Правда, уже С. А. Жебелев обратил внимание на то, что «муравей» — это одно из воз-

можных значений слова μυρμηξ²⁰. Среди других значений выделим одно — «риф» или «скала в море». Живописные скалы, расположенные недалеко от берега по соседству с городищем, прекрасно видны и в настоящее время. Так что вполне допустимо связать название города не с «муравьем», а с этой отличительной топографической особенностью, и понимать Мирмекий как место у скал или рифов. Следовательно, основываясь исключительно на названии города, относить монеты с изображением муравья к мирмекийскому чекану нельзя. К такому выводу пришел В. Ф. Гайдукевич²¹, хотя ранее он придерживался иного мнения²². В пользу этой точки зрения можно привести и такой веский аргумент, как легенды монет. Ни на одной из них название Мирмекия не засвидетельствовано. Надписи ΠΑΝ и ΑΠΟΛ, известные на монетах с изображением муравья, заставляют рассматривать их как самый мелкий номинал пантикапейского чекана²³. Отнесение этих монет к чеканке Мирмекия или для Мирмекия другими монетными дворами следует признать ошибочным²⁴.

Весьма дискуссионной остается трактовка монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ. В последние годы наметилась тенденция к

в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 47. Пр. 95.

¹⁹ Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 29; Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 61.

²⁰ Жебелев С. А. Откуда ведет свое происхождение название Мирмекий // МИА. 1941. № 4. С. 149 сл.

²¹ Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959. С. 6—7. Пр. 13; Gajdukevič V. F. Op. cit. S. 179. Anm. 33; ср.: Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и исследования Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С. 173.

²² Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 166.

²³ Анохин В. А. Указ. соч. С. 10.

²⁴ Там же. С. 27.

пересмотру широко распространенной гипотезы об их чеканке по заказу царей племени синдов. Немалое число сторонников приобрела концепция, в соответствии с которой эти монеты приписываются к чекану Горгииппи (Синдской Гавани), и надпись ΣΙΝΔΩΝ трактуется не в качестве этникаона варварского племени, а как демотикон греческой общины²⁵. Правда, в данном отношении демотикон повторяет название варварского этноса, что выглядит весьма странным. Это и ряд иных соображений заставляют усомниться в правомочности второй гипотезы и считать рассматриваемые монеты синдскими²⁶.

Таким образом, нумизматические материалы рассматриваемого периода с полной определенностью позволяют судить о монетной чеканке четырех античных центров восточного Крыма и Тамани: Пантикапея, Феодосии, Фанагории и Нимфея.

Подведем некоторые итоги. По всем трем группам источников к полисным центрам должны быть отнесены Пантикапей, Феодосия и Фанагория. Несмотря на отсутствие отдельных важных компонентов, полисами же следует считать Гермонассу, Кепы и Нимфей (см. табл.).

Название	Известие об основании	Демоти- кон	Монета
Пантикапей	+	+	+
Феодосия	+	+	+
Фанагория	+	+	+
Гермонасса	+	+	—
Кепы	+	+	—
Нимфей	—	+	+
Мирмекий	—	—	—
Тиритака и др.	—	—	—

Любопытно, что те же самые и никакие другие центры упоминаются античными авторами в контексте различных исторических событий, происходивших на Боспоре. И это, в прин-

²⁵ Болтунова А. И. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ: 1964. № 3. С. 146 сл.; Грач Н. Л. К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ. 1972. № 3. С. 133 сл.; Шелов Д. Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 241 сл.

²⁶ Тохтасьев С. Р. Scythica в «Трудах II Всесоюзного симпозиума, по древней истории «Причерноморья» (Цхалтубо, 1979) // ВДИ. 1984. № 3. С. 141; Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 125 сл.

ципе, не удивительно. До образования единого государства именно в них концентрировались основные нити политической жизни. После возникновения Боспорского государства старые полисные центры не потеряли своей роли хотя бы как крупные населенные пункты.

Вряд ли в данном случае имеет смысл говорить о Пантикапее, — в письменных источниках он упоминается часто и в разных отношениях. Феодосия также упоминается не редко: в связи с захватнической политикой правителей Боспора (Polyaen. V. 23; VI. 9; Ps.-Arist. Оес. II. 2, 8), в отношении проживания здесь боспорских изгнанников (Isocr. 17. 5; Аноупт. P. Pont., 77), а также участия в восстании против Митридата (App. Mithr. 108), захвата ее Фарнаком (App. Mithr. 120) и др. Для Фанагории, столицы азиатского Боспора, известно большое количество упоминаний при описании района, но, как это ни странно, лишь одно упоминание в связи с историческими событиями, — участием в восстании против Митридата (App. Mithr. 108). О Гермонассе таких сообщений вообще нет. А вот о таком, по всей видимости, менее значительном центре, как Кепы, известно два свидетельства: Кепы были отданы Гилону в награду за предательство Нимфея (Aeschin. 3. 171—172), здесь же погиб сын Перисада I Притан (Diod. XX. 24). Из всех прочих населенных пунктов Боспора на страницах исторических повествований упоминается только Нимфей: по поводу измены Гилона (Aeschin. 3. 171—172), уплаты дани Афинам (Harpocr. Lex., s. v. Νυμφαίου) и в эпизоде, связанном с восстанием против Митридата (App. Mithr. 108). В данном случае мы исключаем Танаис, возникший позднее интересующего нас времени, и Гаргазу (Diod. XX. 23), которая, возможно, даже не входила в состав Боспорского государства.

Приведенные материалы, на наш взгляд, подкрепляют высказанное выше предположение об особой роли перечисленных центров в процессе исторического развития Боспора и косвенно подтверждают правомерность отнесения их к разряду полисов. Что касается остальных боспорских городов, то считать их автономными центрами нет особых оснований. Правда, в древней Греции существовали такие полисы, которые в сравнении с другими выглядели своеобразным курьезом. В качестве примера приведем фокейскую Панопею, дающую образец глубочайшей провинциальности и даже дикости (Paus. X. 4. 1). Если и есть основания предполагать на Боспоре наличие подобных «монстров», то вряд ли допустимо

считать, что они в сколь-либо значительной степени повлияли на особенности историко-культурного развития данного района.

В связи с изложенным закономерно возникает вопрос — что же представляли собой остальные боспорские города? Для возможного ответа на него было бы оправданным обратиться к территории Керченского полуострова как наиболее изученной части Боспора в археологическом отношении.

Итак, на западном берегу Керченского пролива были основаны всего две апойкии (полисы): Пантикапей и Нимфей. Общеизвестно, что полис, как правило, включал в себя городской центр, средоточие политической, культурной и религиозной жизни, а также сельскохозяйственную округу — хору. А. Н. Щеглов предложил называть порядок их взаимодействия системой «полис-хора»²⁷. Дефиниция не очень удачная с формальной стороны, но, в общем хорошо улавливающая одну из важнейших и пока еще мало изученных сторон древнегреческого общества — роль хоры в системе полиса.

Особое значение для изучения хоры, а значит и полиса в целом приобретают археологические исследования на сельских поселениях. На Боспоре в этом отношении сделано немало. Проведены раскопки на значительном числе памятников, получен богатый материал о культуре сельского населения, в общих чертах обозначена динамика исторического развития сельских поселений. И. Т. Кругликова, посвятившая изучению сельского хозяйства Боспора специальную монографию, выделяет три периода в истории боспорской сельской округи: VI—V вв. до н. э., IV—III вв. до н. э., II в. до н. э. — III в. н. э.²⁸. Из 276 поселений, учтенных в ее монографии, лишь 3 (точнее — 4) поселения на европейском Боспоре и 8 на азиатском относятся к архаическому периоду²⁹. Благодаря разведкам Я. М. Паромова число известных архаических поселений на Таманском полуострове значительно увеличилось³⁰, однако этот район, явно обладающий значительной спецификой, безусловно, заслуживает специального изучения вне рамок настоящей работы. Что касается евро-

²⁷ Щеглов А. Н. Система «полис-хора» и контактные зоны в Причерноморье // XIV Международная конференция античников социалистических стран: Тез. докл. Ереван, 1976. С. 524.

²⁸ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 24 сл., 53 сл., 101 сл.

²⁹ Там же. С. 27—28.

³⁰ Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 72.

пейской стороны Боспора, то число поселений IV—III вв. до н. э. и даже позднеэллинистического и римского времени в сравнении с ранними представляется просто огромным.

Попытаемся сравнить динамику развития сельских поселений Боспора с картиной, полученной в недавнее время для хоры Ольвии. Здесь также выделяются три периода: архаический, классический и эллинистический, рубеж н. э. — первые века н. э.³¹ Но за этим, бросающимся в глаза сходством, кроется существенное различие. На ольвийской сельскохозяйственной округе все три периода представлены значительным числом памятников. Сейчас имеются данные о 107 архаических поселениях в этом районе³². А на европейском Боспоре, как отмечалось выше, среди большого числа сельских поселений ко времени архаики относятся лишь четыре. Контраст поразительный, при этом он еще более показателен, если учесть, что два последующих периода, в общем, не имеют принципиального различия по числу памятников — и на Боспоре, и на хоре Ольвии их довольно много. Думается, что в плане параллельного изучения сельскохозяйственных территорий античных центров Северного Причерноморья будет получено немало интересных результатов. Пока же в этом направлении делаются лишь первые шаги.

Вряд ли следует искать объяснение малочисленности архаических сельских поселений на Боспоре в плохой археологической изученности района. На Керченском полуострове проводились сплошные разведки микрорайонов, раскапывались сельские поселения и их некрополи. Как уже говорилось, в результате этих работ было выявлено большое количество памятников античного времени, но архаические поселения среди них единичны. Возможно, в дальнейшем при более тщательных исследованиях в восточном Крыму будут выявлены новые, ныне неизвестные сельские поселения, но все-таки вряд ли можно ожидать их значительного количественного роста.

На наш взгляд, архаические сельские поселения европейского Боспора представляют интерес не только своей малочисленностью, но и расположением. Три поселения (у с. Героевка, Южно-Чурубашское и на г. Опук) находятся на юго-восточной части Керченского полуострова. Возможно, они были включены в хору Нимфея, как центра наиболее близко расположенного к перечисленным памятникам. И. Т. Круг-

³¹ Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К., 1989. С. 10.

³² Там же. С. 21. Рис. 3.

ликова к сельской округе этого полиса относит лишь два первых поселения³³. В принципе, можно допустить, что экономическое и политическое влияние Нимфея распространялось шире и достигало района г. Опук. Даже если это не так, какое-то, пусть весьма ограниченное, представление о хоре данного полиса мы имеем.

Совсем по-другому обстоит дело в отношении округи Пантикапея. Заключение И. Т. Кругликовой по этому вопросу звучит категорично: того, «что представляла собой хора Пантикапея в VI в. до н. э., мы не знаем»³⁴. Подчеркнем, что это говорится о центре, которому в дальнейшем предстояло сыграть важнейшую роль в боспорской истории и который уже в рассматриваемое время, надо полагать, был политически и экономически наиболее сильным в районе.

Оговоримся — в 11 км к западу от Керчи было обнаружено поселение Андреевка Южная, на котором жизнь существовала уже во второй половине VI в. до н. э. И. Т. Кругликова воздержалась от заключения об этнической принадлежности его жителей. Она считает, что это могли быть либо выходцы из Пантикапея, либо скифы³⁵. По всей видимости, последняя интерпретация удовлетворила И. Т. Кругликову в большей степени, и в другом месте своей работы она, как уже отмечалось, не включает Андреевку Южную в состав хоры Пантикапея. Результаты археологических исследований на этом поселении с большим энтузиазмом были восприняты американским исследователем Т. С. Нуненом, которому, по всей видимости, Андреевка Южная показалась, так сказать, первой ласточкой в изучении хоры Пантикапея VI в. до н. э.³⁶ Но и в настоящее время этот памятник является единственным в своем роде. По всей видимости, если даже данное поселение можно рассматривать как попытку пантикапейцев освоить сельскохозяйственную территорию, далеко отстоящую от города, то его единичность заставляет думать, что эта попытка не была слишком успешной.

Как мы старались показать выше, имеющиеся материалы позволяют предполагать существование на западном берегу Керченского пролива лишь двух полисов: Пантикапея и Нимфея. Если это так, то все остальные населенные пункты долж-

³³ Кругликова И. Т. Указ. соч. С. 13.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Там же. С. 50.

³⁶ Noonan T. S. The origins of the Greek colony at Panticapeum // AJA. 1973. Vol. 77 (1). P. 81.

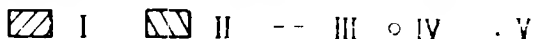
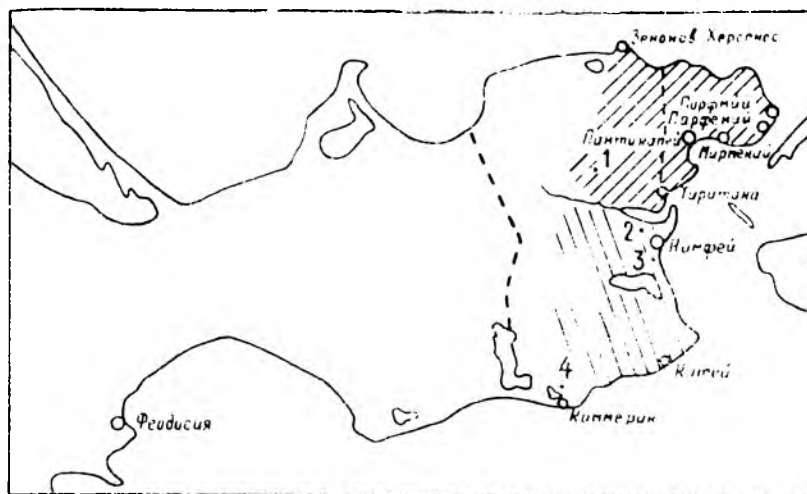

Рис. 1. Поселения Восточного Крыма в архаическую эпоху:
I — примерные границы Пантикапейского полиса; II — примерные границы полиса Нимфей; III — трассы валов; IV — городские поселения; V — деревни. 1 — Андреевка Южная; 2 — Ю.-Чурубашское; 3 — Героевка; 4 — на горе Олук.

ны были входить либо в состав первого, либо — второго. Можно принять точку зрения И. Т. Кругликовой, по которой северной границей хоры Нимфея было Чурубашское озеро³⁷. В таком случае вся северо-восточная часть полуострова принадлежала Пантикапею (см. рис. 1), а значит в состав этого полиса входили почти все малые города европейского Боспора. Нельзя ли допустить, что данные города (Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий и др.) и составляли в рассматриваемое время его хоры?

Вопрос, конечно, звучит несколько непривычно. В социально-экономическом отношении, как известно, город, прежде всего, характеризуется с точки зрения его полифункциональности³⁸. Это крупный населенный пункт, центр ремесленного

³⁷ Кругликова И. Т. Указ. соч. С. 30.

³⁸ См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. С. 125 сл.; Виноградов Ю. А. Конференция «Типология и социальная структура древнего и средневекового

производства и торговли, средоточие политической власти, культурной и религиозной жизни и т. п. А хора — это сельская округа, с которой обычно ассоциируются деревни, усадьбы и т. п.

Многолетнее археологическое изучение малых городов Боспора с полной очевидностью показало их своеобразие. Прежде всего, о них как о центрах ремесленного производства нам почти ничего не известно. Напротив, особое положение в плане развития ремесла в VI—V вв. до н. э. Пантикапея и Нимфея на европейской стороне Боспора и Фанагории на азиатской представляется почти очевидным. Наиболее информативные материалы о культовой жизни боспорских городов на раннем этапе их развития получены опять же в Пантикапее, Нимфее, Фанагории и Кечах.

О торговле боспорских городов сказано чрезвычайно много. В. Ф. Гайдукевич даже считал, что большое количество греческих поселений на берегах Боспора Киммерийского было основано потому, что «греки прежде всего стремились создать пункты выгодного торгового обмена с местными племенами, а для этой цели необходимо было иметь поселения, рассеянные по разным местам»³⁹. Иными словами, если говорить о боспорской торговле с варварским миром, приходится констатировать, что по берегам пролива была создана такая плотная сеть торговых пунктов, сквозь которую, фигурально выражаясь, не мог пройти ни один варвар, не сделав какой-нибудь покупки. Эта картина, поразительно напоминающая образ главной торговой улицы крупного современного города, представляется не вполне убедительной. Конечно, трудно отрицать то, что в любом из боспорских населенных пунктов могли производиться какие-либо торговые операции, что-то продавалось и покупалось. Но от этого каждый из них еще не станет торговым центром. Главное здесь в масштабах операций. И в этом отношении трудно ожидать, что боспорские города были равноценными или даже конкурирующими между собой торговыми центрами. Вся история развития торговли убеждает нас в том, что в ограниченном районе не может быть многих крупных пунктов торговли, а, скорей, один-два крупных и несколько мелких, зависящих от первых. Преимущество крупного торгового центра очевидно и не нуждаются в доказательствах. В этом отношении можно указать на из-

города» // ВДИ. 1978. № 1; Андреев Ю. В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1.

³⁹ Гайдукевич В. Ф. История античных государств ... С. 98.

вестные сообщения Страбона, свидетельствующие о том, что в Боспорском государстве самыми большими торжищами были Пантикапей и Танаис (VII. 4, 5; XI. 2, 3). Логично ожидать, что в VI в. до н. э. самыми большими торговыми центрами на европейском Боспоре были Пантикапей и Нимфей.

Что же в таком случае представляли собой малые города Боспора? Какая отрасль экономики была в них ведущей? Думається, что только сельское хозяйство. В значительной степени это справедливо и для Пантикапея, и для Нимфея, и вообще для любого города древней Греции, не исключая Афин⁴⁰. Г. А. Кошеленко, выражая эту мысль, заключает: «Экономика полиса в принципе базируется на сельском хозяйстве, представляющем основную сферу занятия гражданина»⁴¹. Древняя Греция была цивилизацией городской, но города здесь в значительной степени были населены землевладельцами⁴². Поэтому-то для античного полиса часто констатируется отсутствие противоположности между «городом» и «деревней»⁴³. Подчеркнем, что речь идет именно о противоположности, а не о различиях между «городом» и «деревней», которые, разумеется, существовали.

Как представляется, сущность боспорских городов и, прежде всего, так называемых малых городов, хорошо выражается термином «аграрный город» (Akerburg) или «город-деревня» (Stadtdorf), который выдвинут немецкими исследователями, изучавшими проблему античного полиса и города⁴⁴. Ю. В. Андреев, принимая этот термин, высказывает мысль, что тип «города-деревни» «пользовался широкой популярностью в странах Средиземноморского региона на протяжении чуть ли не всей его истории, являясь, по-видимому, оптимальным вариантом планировки в специфических природных условиях этой зоны»⁴⁵.

⁴⁰ См.: Блаватский В. Д. Античный город // Античный город. М., 1963. С. 15, 18; Bolkestein H. Economic life in Greece's golden age. Leiden, 1958. P. 17; Starr Ch. G. The origin of Greek civilization. 1100—650 BC. N.-Y., 1961. P. 340, 355 f; Hammond M. The City in the ancient world. Cambridge; Massachusetts, 1972. P. 176.

⁴¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом востоке. М., 1979. С. 10.

⁴² Bolkestein H. Op. cit. P. 19; Finley M. I. The ancient economy. Berkeley and Los Angeles, 1973. P. 131.

⁴³ Humphreys S. C. Town and country in ancient Greece // Man, settlement and urbanism. Duckworth, 1972. P. 765—766.

⁴⁴ Busolt G. Griechische Staatskunde. Heft I. München, 1920. S. 140. Anm. 2; Kirstein E. Die griechische Polis als historische-geographische Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956, S. 92.

⁴⁵ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 29.

К сходному выводу пришел Х. Болкештейн, считавший безводность Средиземноморского региона основной причиной того, что греки были вынуждены жить в городах вдали от своих полей⁴⁶. Но вряд ли эта концепция применима для района Боспора, ибо в IV—III вв. до н. э. и позднее здесь известно большое количество сельских поселений и усадеб. Что же тогда заставило боспорских греков в VI в. до н. э. тесниться в небольших городках вдоль побережья Керченского полуострова? Почему сельские поселения не были выдвинуты в степь?

Закономерно напрашивается вывод об обусловленности такого положения какими-то внешними факторами, всего скорей, — близостью Предкавказской Скифии и периодическими передвижениями скифов из Северного Причерноморья через район Боспора Киммерийского в Прикубанье и обратно, что мы имеем право предполагать, говоря о VI в. до н. э.⁴⁷

Вряд ли есть особые основания сомневаться в правильности устоявшейся точки зрения о мирном характере колонизации берегов Керченского пролива⁴⁸. Но все-таки отнюдь не случайным представляется то, что греки в это время не сумели освоить территории, сравнительно далеко отстоящие от берега моря. По понятным причинам небольшие деревни, расположенные на пути движения кочевой орды, не были гарантированы от всякого рода случайностей. Безопасней было селиться сравнительно большими группами на берегу пролива, в местах, удобных для обороны, с небольшими интервалами между поселениями⁴⁹.

Любопытно, что Нимфей в VI в. до н. э. имел возможность вывести немногочисленные деревни. Это, по всей видимости, может опять же объясняться тем, что скифы на Керченском полуострове в это время бывали лишь проходом. Они стремились к самому удобному месту для переправ, то есть к наиболее узкому месту пролива, античному Порфмию. На этом пути они не могли миновать Пантикапея; Нимфей же, расположенный в более южном районе, прикрытом грядой холмов и Чурубашским озером, как можно предполагать, интересовал

⁴⁶ Bolkestein H. Op. cit. P. 21.

⁴⁷ Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Rogov E. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.

⁴⁸ Толстиков В. П. Указ. соч. С. 27; Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 373.

⁴⁹ Яйленко В. П. Арханчская Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 135, но ср.: с. 140.

их в меньшей мере. Следовательно, и обстановка здесь была сравнительно спокойней.

Вряд ли влияние скифских передвижений на характер греческой колонизации Боспора можно признать одноплановым явлением. С одной стороны, они, вероятно, притягивали греков возможностью торговых контактов, а с другой,— создавали определенные затруднения, прежде всего, в освоении сельскохозяйственной территории, препятствовали выходу в глубинные районы Керченского полуострова. Выход из затруднительного положения, по всей видимости, был найден в организации вокруг Пантикапея серии довольно крупных поселений — аграрных городков (Мирмекий, Тиритака, Порфмий и др.). В освоении данного района посредством аграрных городов, очевидно, следует усматривать негативное воздействие демографической ситуации на характер развития греческой колонизации. В этом отношении, конечно, нет никакой возможности говорить о сложении «добровольной трудовой кооперации», что В. П. Яйленко считает «одним из наиболее продуктивных, если не основным, вариантом экономического взаимодействия между греческим колониальным и туземным мирами...»⁵⁰.

Думается, что не вполне права и Н. С. Белова, писавшая, что взаимоотношения с местным населением не сразу сказались на общем облике поселений греческих колонистов⁵¹. Небольшие аграрные городки появились на Боспоре, очевидно, как раз под влиянием особенностей демографической ситуации района. Всего скорей, они никогда не были автономными центрами, поскольку выводились и, соответственно, входили в состав наиболее сильных в политическом и экономическом отношениях полисов. В связи с этим принципиально верной будет упоминавшаяся выше идея С. А. Жебелева о вторичной колонизации на берегах Керченского пролива⁵². Данная специфическая черта, раз сложившись, и в дальнейшем являлась одной из отличительных особенностей Боспора в сравнении с прочими районами греческой колонизации Северного При-

⁵⁰ Там же. С. 152.

⁵¹ Белова Н. С. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1954. С. 5.

⁵² См.: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 29; Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 20; Васильев А. Н. Проблема политической истории Боспора V—IV вв. до н. э. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 17.

черноморья. Как можно предполагать, она наложила свой отпечаток на характер историко-культурного развития Боспора на протяжении всей античной эпохи.

В. И. КАЦ

Этюды по керамической эпиграфике Синопы

1. Проблемы классификации

Нельзя сказать, что синопские амфорные и черепичные клейма, наиболее многочисленная и едва ли не самая интересная категория памятников керамической эпиграфики Причерноморья¹, обойдены вниманием исследователей. Ежегодно выходит в свет несколько работ, в которых в том или ином контексте упоминаются керамические клейма Синопы. Правда, чаще всего эти издания носят чисто публикационный характер. Значительно реже появляются исследования, затрагивающие типологическую и хронологическую классификацию синопских клейм, методику их использования в качестве полноценного исторического источника. В связи с этим не может не привлечь внимание факт почти одновременного выхода в свет ряда статей, специально посвященных спорным вопросам практики синопского клеймения². Показательно также, что большая их часть появилась за рубежом, тогда как до недавнего времени исследование подобного рода являлись прерогативой исключительно советских специалистов.

Есть основания полагать, что мы присутствуем при зарождении новой, третьей по счету с конца 20-х гг. (когда синопские оттиски были надежно атрибутированы и разбиты на хронологические группы Б. Н. Граковым³) волны интереса

¹ По данным рукописи III тома IOSPE только в Северном Причерноморье к середине 50-х гг. найдено более 9 тыс. синопских астиномных клейм.

² *Conovici. N. Probleme all chronologie amphorelor stampilate sinopeene. Stampilete din Grupa a IV-A (B. N. Grakov) // SCIVA. 1989. T. 40. N 1; Conovici N., Avram A. et Poenaru Bordea G. Nouveaux timbres amphoriques Sinopeens de Callatis // Dacia. 1989. N-S. XXXIII. № 1—2; Garland Y. Remarques sur les timbres amphoriques de Sinope // Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des seances de l'anne. Avril-juin 1990. P. 490—507; Коновичи Н., Аврам А., Познару Бордя Г. Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса // Греческие амфоры. Саратов, 1992; Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы изучения синопских астиномных клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1992.*

³ *Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.*

к этой группе клейменого керамического материала. Характерно также, что предшествующий пик наблюдался как раз в середине этого 60-летнего периода. Именно в конце 50-х — начале 60-х гг. В. И. Цехмистренко была сделана первая серьезная попытка пересмотра классификационной системы Б. Н. Гракова⁴, и вместе с тем синопские клейма впервые стали широко использоваться при изучении организации керамического производства, внешней торговли, социальной и политической истории города⁵.

Показательно, что в следующие два десятилетия сюжеты подобного рода практически не привлекали внимания исследователей, хотя в этот период увеличилось число публикаций нового клейменого материала, в комментариях к которому издатели обычно отмечали необходимость введения определенных коррективов в выработанную еще Б. Н. Граковым схему синопского клеймения⁶.

Несомненно, коренной пересмотр этой, побившей все рекорды долготлетия системы, назрел давно. Уже второе после Б. Н. Гракова поколение исследователей (отсюда и тридцатилетние периоды между пиками) начинает свою активную научную деятельность с попытки решения этой проблемы. Однако, судя по вновь появившимся работам, и на сей раз разброс мнений достаточно велик. В то время как румынские исследователи, и в первую очередь Н. Коновичи, пытаются «осовременить» сложившуюся схему⁷, отдельные авторы настроены более решительно. Показательно в этой связи заявление Н. Ф. Федосеева о необходимости вообще отказаться от предложенной в свое время Б. Н. Граковым разбивки магистратов на хронологические группы и заняться созданием некой «единой хронологической системы»⁸.

Однако как в первом, так и во втором случаях велика

⁴ Цехмистренко В. И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе IV—II вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1963.

⁵ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М., 1956; Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы IV—II вв. до н. э. // Античный город. М., 1962.

⁶ Пругло В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. 1967. Вып. 109; Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г. Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная // КСИА. 1973. Вып. 135; Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—II вв. до н. э. М., 1975; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на южном Дону. Л., 1980.

⁷ Conovici N. Op. cit. P. 35.

⁸ Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы... С. 158.

вероятность появления тупиковых ситуаций. С одной стороны, работа может ограничиться лишь подновлением обветшавшего фасада при сохранении отживших несущих конструкций схемы. С другой,— в запале отрицания с водой может быть выплеснут и ребенок. Поэтому, я полагаю, что, прежде чем приступать к составлению новых схем или заниматься модернизацией старых, не мешало бы оценить с позиций современных представлений сильные и слабые стороны тех систем классификации, которые уже применялись при работе с керамическим материалом Синопы.

На протяжении первого периода развития керамической эпиграфики, охватившего весь XIX в. и начало нынешнего столетия, шел процесс накопления и первичной классификации материала. Именно тогда в отдельную категорию и были выделены многочисленные в Северном Причерноморье клейма, содержащие в составе надписей имена астиномов. Один из первых их издателей П. Беккер предложил в целях чисто служебных группировать эти клейма по трем «классам» в зависимости от положения в легенде названия магистратуры (см. табл. 1) ⁹.

Основные усилия исследователей, а ими в этот период были почти исключительно филологи-классики, сосредотачивались на вопросах локализации данной категории клейм и установлении их датировки. Крупным успехом стало выделение из массы астиномных штемпелей оттисков, принадлежащих магистратам Херсонеса Таврического ¹⁰. Однако окончательная атрибуция остальных клейм этой категории так и не была осуществлена. По результатам палеографического и грамматического анализа их общие хронологические границы были определены в широких пределах VI—I вв. до н. э. Становилось ясным, что возможности филологического анализа клейм к началу XX в. были практически исчерпаны.

Своеобразным итогом столетней работы русских специалистов в области керамической эпиграфики над астиномными

⁹ *Becker P. Ueber die im südlichen Russland gefundenen Henkelinschriften auf griechischen Thongefäßen // Melanges greco-romaines. 1850. T. I. P. 498.*

¹⁰ Обычно полагают, что заслуга в локализации херсонесских клейм принадлежит В. Н. Юргевичу (Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса // 300. 1886. Т. XV), а их первый определитель издал И. Махов (Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов // ИТУАК. 1912. Вып. 48). Однако архивные материалы бесспорно указывают, что приоритет в этих вопросах принадлежит К. К. Косцюшко-Валюжиничу, идеи и подготовленные к печати материалы которого были использованы выше отмеченными авторами.

клеймами стало появление в конце 20-х гг. статьи Е. М. Придика¹¹, завершавшего в то время составление первого варианта свода керамических клейм Северного Причерноморья. Автор, дав краткий очерк, содержащий общую характеристику группы, приложил пять обширных списков имен астиномов и фабрикантов:

список А содержит более 200 имен, магистратская принадлежность которых у автора не вызывает сомнения;

список В включает клейма, в легенде которых имеется два имени, но не ясно, какое из них магистратское;

список С — фабриканские клейма с определителем;

список D — имена херсонесских астиномов;

список Е — включает имена магистратов и фабрикантов, сопровождаемые эмблемой в виде орла, клюющего дельфина, локализованные автором как синопские.

Приведенная классификация, как и классификация П. Беккера, преследовала чисто служебные цели. Несомненно, она позволяла получить общее представление о всем массиве астиномных клейм, могла оказать определенную помощь полевым археологам в восстановлении поврежденных экземпляров. Но данные списки при полном отсутствии иллюстративного материала, а кроме того, как это ясно в настоящее время, при наличии большого числа ошибочных восстановлений имен, содержали явно недостаточную, а зачастую и искаженную информацию.

Не случайно, сам Е. М. Придик полагал, что дать точную локализацию основного числа астиномов, включенных в первые два списка, пока не представляется возможным. Впрочем, он склонялся к мысли, что здесь мы имеем дело с несколькими центрами производства. К хронологической же классификации автор собирался вернуться в дальнейшем, после выхода в свет кандидатской диссертации Б. Н. Гракова, специально посвященной астиномным клеймам.

Однако это намерение так и не было реализовано. Основной причиной, видимо, послужил исчерпывающий характер исследования Б. Н. Гракова. Последнему не только удалось локализовать основную часть астиномных клейм, убедительно доказав их синопское происхождение, определить их общие хронологические границы (конец IV — первая половина I в. до н. э.), но и разделить всех известных ему магистратов и фабрикантов по шести последовательным хронологическим

¹¹ *Pridik E. Die Astynomennamen auf Amphoren-und Ziegelstempeln aus Südrusland // Sitzum. pr. Ak. Berlin. Hist.-phil. Kl. IV. 1928.*

группам. Таким образом, с точностью до 20—30 лет стало возможным определение времени деятельности каждого астинома, что впервые позволило поставить клейма как надежный датирующий материал в один ряд с монетами.

Вместе с тем, ценность работы Б. Н. Гракова заключается не только и не столько в том, что ему удалось разрешить многие спорные вопросы, касающиеся астиномных клейм, но в ходе решения конкретной задачи впервые сформулировать общие методические приемы, позволяющие осуществлять локализацию и рациональный хронологический анализ клейм любого центра. Таким образом, именно работа Б. Н. Гракова завершает длительный период становления в России керамической эпиграфики как науки.

Б. Н. Граков выдвинул тезис о необходимости использования комплексного подхода в изучении клейм. При этом приоритетную роль, по его мнению, должны играть не традиционные эпиграфические методы анализа (палеографический и грамматический), а методы, вытекающие из специфических особенностей содержания самих клейм и условий их находки: нумизматический (сравнение эмблем, содержащихся в клеймах с монетными изображениями); синхронистический (установление синхронизма имен магистратов и фабрикантов) и стратиграфический (датирование клейм по их нахождению в хорошо определяемых хронологически археологических комплексах)¹².

Астиномные клейма послужили для Б. Н. Гракова своеобразным полигоном для проверки правильности предложенной методики. Результаты оказались обнадеживающими. И не случайно его выводы стали отправной точкой для всех последующих исследователей, занимавшихся хронологической классификацией клейменого керамического материала. Однако сами предложенные методы не оставались неизменными, что прекрасно иллюстрирует дальнейшая история изучения керамических клейм Синопы.

Практически со времени своего появления хронологическая система, предложенная Б. Н. Граковым, стала подвергаться модификации. Правда, длительное время изменения не затрагивали ее основ и касались главным образом датировок отдельных хронологических групп. В ходе этой работы постепенно смещались акценты. Если Б. Н. Граков едва ли не самым надежным орудием хронологического определения клейм

¹² Граков Б. Н. Указ. соч. С. 102 сл.

считал нумизматический метод¹³, то в дальнейшем в связи с совершенствованием методики обработки массового керамического материала исследователи для этих целей все шире стали привлекать стратиграфические наблюдения, которые показали, что предложенные Б. Н. Граковым даты являются явно завышенными¹⁴.

Несомненно, Б. Н. Граков переоценил возможности нумизматического метода, отдавая ему предпочтение не только при датировке, но и при группировке астиномов. Казалось, было бы логичнее в последнем случае отдать предпочтение методу синхронизации имен астиномов и фабрикантов, высоко оцененному самим Б. Н. Граковым, отмечавшим, что «определение круга фабрикантов, встречающихся с одним и тем же астиномом, само собой позволяет легко установить и других астиномов, встречающихся с теми же фабрикантами»¹⁵. Однако он, видимо, убедился, что теоретические возможности этого метода сильно расходятся с практикой. Мешает наличие большого числа омонимов и не столько среди астиномов, сколько в составе фабрикантов. Видимо, по этой причине Б. Н. Граков предложил следующий порядок работы по комплектованию хронологических групп: сначала определялась дата «того или иного количества клейм по изображениям, совпадающим с достаточной точностью с теми или иными монетными», затем полученные выводы проверялись «рассмотрением палеографических данных этой группы» и лишь после этого привлекался метод установления синхронизма имен. Если бы мы начали с последнего, как полагал Б. Н. Граков, «то легко можно было бы создать лишнюю и создающую ряд затруднений путаницу имен»¹⁶.

Однако полностью выдержать декларируемую последовательность работы автору удалось только при комплектовании I группы астиномов, ядро которой составили клейма, содержащие в качестве эмблемы городской герб — орла, клюющего дельфина. Но и в ее состав были включены с учетом «списка синхронистических имен астиномов и фабрикантов ... клейма с совершенно другими эмблемами не монетного

¹³ Там же. С. 103.

¹⁴ Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской // ИГАИМК. 1934. Вып. 104; Нейхардт А. А. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тирятаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

¹⁵ Граков Б. Н. Указ. соч. С. 105.

¹⁶ Там же. С. 110.

происхождения»¹⁷. При формировании последующих групп, в клеймах которых эмблемы, сходные с изображениями на монетах, составляют не столько правило, сколько исключение, нумизматический метод, видимо, применялся в еще меньшей степени, а на первый план все чаще выходил метод синхронизма имен, усиленный изумительной интуицией исследователя. Показательно, что, давая характеристику астиномам последних V и VI групп, Б. Н. Граков отмечает, что они столь мало отличаются друг от друга, что только разница в именах фабрикантов позволяет вместе с некоторыми эмблемами разделить их с некоторой долей вероятности¹⁸.

Характерно, что сам исследователь далеко не был уверен в том, что его классификация является исчерпывающей. Временные рамки более двух десятков магистратов, известных ему по единичным экземплярам клейм, определены приблизительно в широких хронологических границах¹⁹. Многие астиномы включены в ту или иную группу предположительно. В результате состав практически всех групп оказался типологически разнородным. Б. Н. Гракову, как это сейчас становится ясным, удалось правильно определить (зачастую чисто интуитивно) магистратов, составляющих ядро каждой из групп, но он не смог очертить их четкие границы. Причина в том, что им не был в должной степени применен инструмент, позволяющий надежно разобраться с периферией каждой из групп. Таким инструментом мог стать только типологический анализ, но последний не упоминается в списке тех методов, которыми оперировал Б. Н. Граков.

Правда, относительно недавно было сделано заявление, что типологический метод не только был известен Б. Н. Гракову, но и пронизывает всю его работу²⁰. Это явное преувеличение. Конечно, отдельные типологические наблюдения в работе Б. Н. Гракова присутствуют. Основная их часть содержится во второй главе, где, определяя сочетания отдельных элементов надписей, автор выделяет пять вариантов легенды, присущих магистратским клеймам:

- 1) название магистратуры занимает первую строку надписи;
- 2) название магистратуры расположено между собственными именами;

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 141.

¹⁹ Там же. С. 153—154.

²⁰ *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т. 10. С. 15.

3) название магистратуры занимает последнюю строку надписи;

4) употребление предлога ЕΠΙ перед именем астинома;

5) в надписи содержится только имя астинома, имя же фабриканта опущено и расположено в отдельном клейме на второй ручке амфоры ²¹ (см. табл. 1).

Мы видим, что по сравнению с классификацией П. Беккера фиксируется появление двух новых, последних в списке вариантов. Однако следует отметить, что с точки зрения типологии они выделены не совсем корректно, так как в их составе имеются клейма, которые при определенных условиях могут трактоваться как разновидности первых трех вариантов.

Ряд интересных замечаний о закономерностях изменения во времени конструкции и состава легенды синопских оттисков мы встречаем и в заключительных абзацах V главы работы. Но эти в своей основе правильные, хотя и неполные, типологические наблюдения явно носят вторичный характер, в то время как типологический анализ должен предшествовать датировке клейм и лежать в основе их группировки.

Однако подобное понимание специфики и возможностей типологического метода в применении к керамическим клеймам стало оформляться значительно позже. Одну из первых, вызвавших противоречивые оценки попыток подлинного типологического анализа синопских клейм осуществил в ходе работы над кандидатской диссертацией, посвященной керамическому производству Синопы, В. И. Цехмистренко ²².

С учетом специфики темы автор рассматривает амфорные и черепичные клейма Синопы в несколько иной плоскости, чем это делали его предшественники. Большое внимание отведено анализу относительно малочисленной категории клейм, принадлежащих керамевсам, которые, как полагает В. И. Цехмистренко, являлись не владельцами керамических мастерских (фабрикантами по терминологии Б. Н. Гракова), а мастерами-горшечниками (гончарами) ²³. В. И. Цехмистренко разделил клейма керамевсов по пяти типологическим группам (вариантам), для датировки которых им было удачно применены ставшие традиционными нумизматический, син-

²¹ Граков Б. Н. Указ. соч. С. 37—38.

²² Цехмистренко В. И. Клейма как источник ...

²³ *Его же*. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3; *Его же*. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах // НЭ. 1968. Т. 7.

хронистический и исторический методы²⁴. В результате был получен материал, позволивший пересмотреть общие хронологические рамки практики клеймения в Синопе.

Было убедительно доказано, что появлению астиномных оттисков предшествовал период существования клейм, содержащих одно имя керамевса в две строки и городской герб Синопы в виде эмблемы. Именно эта эмблема характерна и для ранних астиномов. Скрупулезное сопоставление данного изображения с монетными показало, что наиболее близкие аналогии дают монеты Синопы 370—360 гг. до н. э., что позволяет определить начало астиномного клеймения серединой 60-х гг. IV века.

В свою очередь немногочисленную группу клейм с датами В. И. Цехмистренко отнес к периоду, начавшемуся сразу после прекращения магистратского клеймения, что позволило ему выдвинуть тезис о ликвидации астиномной магистратуры в Синопе незадолго до захвата города в 183 г. до н. э. понтийским царем Фарнаком I.

Кроме того, В. И. Цехмистренко был намечен ряд новых перспективных направлений в изучении синопской керамической тары. Он впервые при анализе эмблем и вторых имен в астиномных оттисках успешно использовал разработанный в нумизматике метод сличения штемпелей, что дало возможность сгруппировать штампы, применявшиеся в разных астиномных группах, но выполненные одним и тем же резчиком. Внимательное изучение штампов позволило впервые отметить наличие перегравировок. В результате удалось установить в некоторых астиномных группах списки гончаров, работавших в отдельных керамических мастерских.

Практически со всеми отмеченными выше положениями согласились специалисты. Единственным моментом, вызвавшим серьезные возражения, явилась предложенная В. И. Цехмистренко дата прекращения астиномного клеймения. Справедливо было указано на противоречия и определенные натяжки в аргументации при ее обосновании²⁵.

Неоднозначно была оценена и интересная с точки зрения методики попытка В. И. Цехмистренко создать новую схему

²⁴ *Его же*. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. № 1.

²⁵ *Брашинский И. Б.* Успехи керамической эпиграфики // СА. 1961. № 2; *Шелов Д. Б.* Указ. соч. С. 138. Показательно, однако, что в последнее время накопился новый материал, подтверждающий правоту предложенной В. И. Цехмистренко даты окончания магистратского клеймения в Синопе.

астиномного клеймения. С одной стороны, рецензенты отметили ряд несомненных достоинств в проделанной работе, дающих возможность пересмотра и уточнения некоторых положений существующей классификации. С другой, по их мнению, предложенная система не может ее заменить, так как она страдает существенными недостатками, затрудняющими, а иногда делающим невозможным ее использование. В частности было отмечено, что система очень сложна и запутана, отсутствуют абсолютные датировки выделенных групп, не дан список эпонимов и фабрикантов по каждой из них.

Все отмеченные выше замечания вполне правомерны. Действительно, предложенная В. И. Цехмистренко схема далека от совершенства, тем более, что при ее создании автором были допущены отдельные нарушения в подборе, группировке и анализе материала. Имеются и несомненные логические сбои. Вместе с тем, следует учесть, что данное направление исследования не являлось основным в работе В. И. Цехмистренко. К нему он подошел после того, как в ходе детального анализа гончарных оттисков, изучения разновидностей астиномных штампов убедился в несовершенстве предложенных в свое время Б. Н. Граковым принципов группировки астиномов.

Рецензенты упустили из виду, что автор впервые обратил внимание на размытость границ между отдельными хронологическими группами, на типологическую разнородность их состава. Для него одной из главных задач стала разработка типологически выверенных критериев группировки астиномов. Объемная работа по детальному обоснованию абсолютных дат, составлению списков эпонимов и фабрикантов на данном этапе им, видимо, просто не планировалась. Не исключено, что в дальнейшем он собирался вернуться к решению и этих вопросов. Однако преждевременная смерть прервала успешно начатую работу В. И. Цехмистренко по изучению керамических клейм Синопы.

Показательно, что группировка астиномов проводилась и в данном случае в рамках тех методов, которые были предложены ранее. Однако особый акцент В. И. Цехмистренко был сделан на выяснении логики развития основных информационных элементов клейм. Естественно, что первым этапом работы в этом направлении стала модификация предложенной в свое время Б. Н. Граковым классификации легенд астиномных клейм. Было выделено шесть схем (вариантов), каждая из которых включала несколько разновидностей ²⁶.

²⁶ Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации ...

Схема I — название магистратуры опущено, перед именем астинома предлог ЕΠΙ:

- а) астином на первом месте,
- б) гончар на первом месте.

Схема II — название магистратуры в начале легенды:

- а) в форме ἀστυνο,
- б) в форме ἀστυνομου,
- в) в форме ἀστυνομουντος.

Схема III — название магистратуры между собственными именами, на первом месте астином:

- а) в форме ἀστυ,
- б) в форме ἀστυνο,
- в) в форме ἀστυνομου,
- г) в форме ἀστυνομουντος.

Схема IV — название магистратуры между собственными именами, на первом месте гончар:

- а) в форме ἀστυνομου,
- б) в форме ἀστυνομουντος.

Схема V — название магистратуры в конце надписи:

- а) в форме ἀστυ,
- б) в форме ἀστυνομου,
- в) в форме ἀστυνομουντος.

Схема VI — имя астинома в отдельном клейме (имя гончара в особом клейме на другой ручке амфоры):

- а) магистратура в начале надписи,
- б) магистратура в конце надписи.

Несомненно, предложенная система принципиально не отличается от классификации Б. Н. Гракова (см. табл. 1). Однако она не только развивает и дополняет последнюю, но и более выдержана типологически. Введение разновидностей позволило учесть не только практически все перемещения основных элементов легенды, но и различия в форме написания названия магистратуры.

Эта классификация стала базой для развертывания дальнейшей работы по выяснению логики развития отдельных элементов легенды. В результате тщательного анализа В. И.

Классификационные системы легенд астиномных клейм Синопы

В а р и а н т ы	П. Беккер (классы)	Б. Н. Греков (варианты)	В. И. Цех- мистренко (схемы)
Название магистратуры в первой строке	I	I	II
Название магистратуры между именами	II	II	{III IV
Название магистратуры в последней строке	III	III	V
Употребление ЕПІ перед именем астинома	—	IV	—
Имя астинома в отдельном клейме	—	V	VI
Название магистратуры опущено	—	—	I

Цехмистренко пришел к заключению, что изменение легенды происходит так последовательно и закономерно, что имеется возможность разбить этот процесс на ряд этапов, каждый из которых является определенной ступенью в развитии легенды.

Принципиально новым направлением в изучении синопских клейм следует признать попытку В. И. Цехмистренко выяснить закономерности изменения содержания второго их компонента — эмблемы. При этом было замечено, что подобные перемены происходят значительно реже, чем изменения в надписях. Поэтому, как полагает В. И. Цехмистренко, если смена легенды может считаться переходом от одного этапа к другому, то изменения содержания эмблем составляют периоды развития клейм. В результате им было выделено пять последовательных периодов, объединяющих 13 этапов²⁷:

I п е р и о д — наличие городского герба (орел, клюющий дельфина) в качестве эмблемы — 14 астиномов:

- 1 этап — легенда по схемам Ia, б;
- 2 этап — легенда по схемам IIIa, Va;
- 3 этап — легенда по схеме IIIб;
- 4 этап — легенды по схемам IIIв, Vб.

II п е р и о д — господство гончарных эмблем (легенда обычно по схеме IIIб) — 19 астиномов:

- 1 этап — одна эмблема (сюда же с надписью по сторонам четырехугольника);
- 2 этап — одна или две эмблемы у одного и того же

²⁷ Там же.

астинома (сюда же магистрат Форбант с эмблемой орел, клюющий дельфина, по схеме IIб).

III период — сосуществование гончарных знаков с эмблемами магистратов — 23 астинома:

1 этап — легенда по схеме IIIб;

2 этап — легенда по схемам IIIб, в, г и Va, б (присутствие отчества при именах некоторых астиномов и гончаров).

IV период — господство астиномных эмблем — около 100 астиномов:

1 этап — появление клейм с легендой по схемам IIб, в; (имя гончара в генетиве);

2 этап — появление легенды по схеме IV (имя гончара в номинативе);

3 этап — господство легенды по схеме IV (появление отчества при имени астинома);

4 этап — легенда по схемам IIб, в и VIa (имя астинома всегда с отчеством, имя гончара всегда в номинативе).

V период — появление эмблем, характерных для групп гончаров, отказ от астиномных эмблем, легенда по схемам IIa, в — 15 астиномов.

Если абстрагироваться от не совсем удачной терминологии, то перед нами предстает довольно развитая типологическая классификация синопских магистратских клейм. Типологическим признаком в ней является содержание эмблемы, варианты признака определяются особенностями легенды: ее составом, формулой построения, формой написания магистратуры, употреблением разных падежей имени гончара. При этом данная схема уже содержит относительную хронологию типов и вариантов, то есть налицо завершающий этап типологической классификации.

Менее удачно справился В. И. Цехмистренко со следующим разделом классификационной работы — формированием хронологических групп (см. табл. 2). В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что принципы группировки восьми выделенных им групп неодинаковы. С одной стороны, половина из них (группы 1, 2, 3, 8) составлены из астиномов, входящих в один из выделенных периодов (I, II, III, V — соответственно). С другой, — магистраты одного IV периода разделены между четырьмя (4, 5, 6, 7) хронологическими группами: в 4-ю отнесены астиномы первого этапа, в 5-ю — двух последующих этапов, но одновариантные клейма четвертого этапа разделены между двумя смежными (6 и 7)

группами. Объясняется такая пестрота принципов группировки явным стремлением В. И. Цехмистренко уравнивать временные промежутки, приходящиеся на каждую группу.

Таблица 2

Хронологическая классификация синопских астиномных клейм

По В. И. Цехмистренко				По Б. Н. Гракову	
Период	Этап	Группа	Датировка	Группа	Датировка
I	—	1	2/4 IV в.	I	кон. IV—нач. III в.
II	—	2	3/4 IV в.	II	270—220 гг.
III	—	3	4/4 IV в.	III	220—180 гг.
IV	1	4	1/4 III в.	IV	180—150 гг.
	2—3	5	2/4 III в.	V	150—122 гг.
	4	6—7	3—4/4 III в.		
V	—	8	1/4 II в.	VI	122—70 гг.

В. И. Цехмистренко обоснованно выступил против сложившейся в его время практики статистического анализа клейм, при которой не учитывались разные временные интервалы, присущие смежным группам классификации Б. Н. Гракова. Однако, не владея методикой анализа временных рядов с неравными интервалами²⁸, он пошел по пути наименьшего сопротивления, стремясь сформировать свои группы с таким расчетом, чтобы каждая из них охватывала четверть столетия. Этот временной промежуток появился не случайно. В. И. Цехмистренко заметил, что изменения, происходящие с эмблемами в клеймах, носят циклический характер, и время цикла им было определено в 20—25—30 лет, что связано, по его мнению, с трудовой деятельностью одного поколения гончаров.

²⁸ Впервые, насколько нам известно, в применении к керамическим клеймам подобная методика была использована Д. Б. Шеловым. Указ. соч. С. 136.

Однако безболезненно уложить материал в прокрустово ложе, хотя и интересной, но далеко не бесспорной схемы, автору не удалось. К первой хронологической группе им отнесено всего 14 астиномов, ко второй — 19, но зато к третьей — уже 27. В первых двух случаях явный недобор, в последней — столь же явный перебор.

Подводя общий итог рассмотрению предложенной В. И. Цехмистренко хронологической системы, необходимо отметить, что принципиально она не отличается от классификации Б. Н. Гракова, хотя несомненно является более типологически выдержанной. Но считать ее исчерпывающей нет оснований. Наиболее слабым ее местом является этап создания хронологических групп. С точки зрения формально-типологической предложенная группировка правомерна, но, видимо, в Синопе развитие основных элементов клейм носило более сложный характер, чем это представлялось автору. Показательным примером в этом отношении является астином Форбант, помещенный В. И. Цехмистренко, несмотря на наличие эмблемы, характерной для ранних клейм, ко 2-му этапу II периода по наличию в его клеймах легенды по схеме IIб. Однако, как недавно убедительно доказал И. Гарлан, этот магистрат, несомненно, принадлежит к I хронологической группе²⁹.

Становится ясным, что при формировании хронологических групп необходимо типологические определения проверять другими методами. Наиболее эффективным из них является метод синхронизма имен магистратов и гончаров. Он успешно был применен В. И. Цехмистренко при работе с астиномами I хронологической группы³⁰, но на последующие группы по непонятным причинам не был им распространен.

Несомненно, В. И. Цехмистренко правильно наметил основные направления и методы успешной модификации граковской классификации. Он заметно продвинулся вперед на этом пути, создал основательный задел, но завершить работу не успел. Недоработанная классификационная модель, страдавшая излишним схематизмом, а кроме того, содержавшая слишком радикальные передатировки, естественно вызвала серьезную, хотя и излишне суровую, на мой взгляд, критику со стороны ведущих специалистов в области керамической эпиграфики. Официально было заявлено, что традиционная

²⁹ Garlan Y. Op. cit. P. 494—495.

³⁰ Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации...

классификация, разработанная Б. Н. Граковым, остается неизблемой³¹. Вполне понятно, что подобная декларация не могла не вызвать негативного отношения у широких кругов археологов-практиков и историков ко всей системе, предложенной В. И. Цехмистренко. В конечном счете, именно это заявление привело к тому, что на протяжении последующих двух десятилетий никто не пытался завершить успешно начатую им работу³².

Вместе с тем, именно в эти десятилетия продолжался активный процесс накопления и издания нового материала. Правда, качественная сторона большей части публикаций оставляла желать лучшего. В них велик процент клейм, попавших в разряд неопределенных. Слишком много ошибочных восстановлений надписей в поврежденных экземплярах³³. Проверка же правильности предлагаемого чтения обычно затруднена ввиду ограниченного количества приводимых иллюстраций³⁴. Ошибки встречаются практически во всех публикациях синопского керамического материала. Возникновение их следует признать неизбежным следствием отсутствия выверенных определителей клейм. Обычно при восстановлении надписей во вновь обнаруженных оттисках археологи ищут аналогии среди уже опубликованного материала. Отсюда неизбежно происходит тиражирование уже ранее допущенных ошибок³⁵. В связи с этим первоочередной задачей становится не столько публикация нового материала, сколько работа по

³¹ Шелов Д. Б., Виноградов Ю. Г. Б. Н. Граков и развитие античной эпиграфики в СССР // Б. Н. Граков. Ранний железный век. М., 1977. С. 209.

³² Вместе с тем, влияние идей В. И. Цехмистренко и в первую очередь широкое применение типологического метода при анализе керамических клейм явно прослеживается в выполненных в 70—80-е гг. работах, посвященных классификации клейм Фасоса, Родоса и Херсонеса.

³³ Пожалуй, все рекорды побил каталог клейм Варшавского музея (*Sztetyllo Z. Les timbres ceramiques dans les collections du Musee National de Varsovie. V., 1983*). Задуман он был как образцовое издание. Каждое клеймо сопровождается фотографией и обширным комментарием. Однако около 40% представленных здесь синопских клейм либо неправильно атрибутированы, либо имеют ошибочно восстановленные надписи.

³⁴ Приятным исключением являются публикации, осуществленные русскими археологами. Здесь практически каждое клеймо сопровождается либо рисунком, либо фотографией.

³⁵ Мало помогает и относительно широкое использование для этих целей советскими археологами отдела синопских клейм III тома IOSPE. Для работы по определению надписей в поврежденных клеймах корпус мало приспособлен. Кроме того, в нем присутствует относительно большое число оттисков со слабоаргументированными, а зачастую и явно неправильно восстановленными надписями.

подготовке и изданию определителя синопских керамических клейм, который должен содержать таблицы прорисей и фотографии оттисков, выполненных всеми известными на сегодняшний день штампами.

Процесс накопления материала активизировал ставшую традиционной работу по уточнению хронологических границ, выделенных Б. Н. Граковым групп астиномов. Появилось несколько новых вариантов датировки, которые, различаясь в деталях, имеют общую тенденцию в сторону удревления. При этом наблюдается явное сближение с датами, предложенными в свое время В. И. Цехмистренко.

Определенные итоги проделанной за последние два десятилетия работы были подведены в отмеченном выше цикле статей румынских археологов, попытавшихся дать законченный вариант «современной схемы» синопского клеймения. Наибольший интерес с точки зрения методики представляет первая статья цикла, написанная Н. Коновичи и посвященная анализу IV хронологической группы астиномов³⁶. Следует иметь в виду, что содержание статьи значительно шире ее названия, так как автор не ограничился рассмотрением клейм одной группы, а попытался дать общую оценку всей системы и наметить пути ее совершенствования. По его мнению, созданная Б. Н. Граковым общая схема развития синопских клейм оказалась на редкость прочным сооружением. Правильность относительной хронологии выделенных им групп подтверждают материалы более двадцати комплексов, содержащих в своем составе астиномные клейма. Вместе с тем, хотя ставшее традиционным деление синопских магистратов на группы выдержало испытание временем, сами группы нуждаются в модификации. Она, как полагает Н. Коновичи, должна заключаться в уточнении состава астиномов в каждой из групп, что позволит осуществить сверку общего списка синопских магистратов. В результате появится возможность определить хронологические границы каждой из групп.

Эта обширная программа была частично реализована. Н. Коновичи, учитывая высказанные другими исследователями предложения и опираясь на собственные наблюдения, осуществил модификацию списка астиномов I—IV хронологических групп. В следующих статьях цикла были внесены значительные коррективы в группировку астиномов конца клеймения. Румынские исследователи, признав неудовлетворительным существующее разделение их по двум (V и VI) группам и опи-

³⁶ *Conovici N. Op. cit. // SCIVA. T. 40. N 1.*

раясь на результаты анализа материалов, полученных ими относительно недавно в ходе раскопок нескольких поселений, предложили сгруппировать поздних астиномов по четырем подгруппам («пакетам» Va, v, c, d)³⁷.

В анализируемых работах намечено еще одно интересное и перспективное направление в изучении астиномных клейм, до сих пор мало привлекавшее внимание — определение последовательности магистратов в каждой из хронологических групп. В качестве примера Н. Коновичи была выбрана IV группа оттисков, хорошо представленная в коллекциях Румынии. Используя все известные методы классификации, он предложил упорядоченный список всех 23 астиномов группы³⁸. Но считать его окончательным и бесспорным, видимо, нет пока оснований. По крайней мере иной порядок астиномов в группе был получен Н. Ф. Федосеевым по результатам анализа закономерности распределения синопских клейм на Елизаветовском городище и в Танаисе³⁹. Уже после появления списка в печати И. Гарлан, зафиксировавший следы перегра-вировки эмблемы в одном из штампов, доказал, что два омонима (Дионисий I и II), входящие в данную группу, расположены в порядке, обратном тому, который был предложен Н. Коновичи⁴⁰. Вероятно, появятся и другие поправки, связанные с тем, что автор при классификации сознательно использовал данные далеко не о всех известных в настоящее время сочетаниях имен астиномов и гончаров, ограничившись лишь теми, которые им были встречены на клеймах из румынских коллекций.

Своеобразным итогом работы, проделанной румынскими исследователями, стала таблица, приведенная в приложении к заключительной статье цикла⁴¹. Авторы уверены, что уже сейчас известны практически все магистраты, контролировавшие керамическое производство в Синопе. Поэтому, определив период клеймения в 183 года (365—183 гг. до н. э.), они в таблице дали «уточненный», разбитый по группам список, содержащий ровно 183 магистрата. В связи с этим определение хронологических границ отдельных групп и подгрупп («пакетов») свелось к чисто механическим вычислениям. В результате они установлены с точностью до года.

³⁷ Коновичи Н., Аврам А., Познару Бордя Г. Указ. соч. С. 232.

³⁸ Copovici N. Op. cit. P. 40.

³⁹ Федосеев Н. Ф. О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса // АМА. 1990. Вып. 7. С. 158—159.

⁴⁰ Garlan Y. Op. cit. P. 494—495.

⁴¹ Коновичи Н., Аврам А., Познару Бордя Г. Указ. соч. С. 240—247.

На первый взгляд, получена, если не идеальная, то близкая к идеалу схема синопского клеймения. Однако сверка списка, впервые осуществленная в ходе редактирования статьи румынских исследователей при подготовке к печати сборника «Греческие амфоры», показала, что около 20 магистратов должны быть исключены из него. Среди них оказалось несколько херсонесских астиномов, несколько синопских гончаров, имена которых ошибочно были приняты за магистратские, и большое число астиномов, имена и отчества которых были неправильно восстановлены по надписям в поврежденных клеймах. В результате при издании статьи нам пришлось приложить к представленному списку обширный комментарий.

Чем же объяснить тот факт, что вполне правильная с точки зрения методики работа не получила достойного завершения? Основной и, пожалуй, единственной причиной является относительно ограниченное количество материала, находившегося в распоряжении румынских археологов. Синопские клейма из Северного Причерноморья, то есть основная масса известных на сегодняшний день оттисков, знакома им лишь по публикациям, охватывающим незначительную часть массива. Кроме того, как мы отмечали выше, качество публикаций далеко не всегда позволяет осуществить надежную проверку предлагаемого чтения и восстановления надписей в поврежденных экземплярах. Отсюда и дублирование ошибочных восстановлений имен и отчеств, проникшее в список.

Определенные сомнения вызывает и предложенная разбивка по «пакетам» астиномов V—VI групп, так как она создана исключительно по результатам стратиграфических наблюдений. Между тем, для целей классификации стратиграфический метод имеет смысл применять лишь в том случае, если находящиеся в распоряжении археологов комплексы имеют надежные и узкие хронологические границы⁴². Привлеченные же материалы происходят с поселений, период бытования которых зачастую охватывает несколько столетий. С другой стороны, типологический и синхронистический методы не заняли в ходе этой классификационной работы достойного места, что, видимо, объясняется все той же ограниченностью материала, который находился в распоряжении исследователей.

Показательно, что Н. Ф. Федосеев, располагающий наибо-

⁴² См.: *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 7—9.

лее полной на сегодняшний день информацией⁴³, при разработке новой «единой системы» синопского клеймения основной упор сделал как раз на использование типологического и синхронистического методов. Первым этапом проделанной им работы стала сверка общего списка астиномов, позволившая после вычета ошибочно атрибутированных и неверно восстановленных имен, ограничить их число 164 магистратами⁴⁴.

Предваряя второй этап работы — типологическую классификацию клейм, — Н. Ф. Федосеев высказал ряд интересных, но далеко не бесспорных соображений, касающихся общих методических принципов типологического анализа. По его мнению, не существует общепринятой схемы проведения работ такого рода. Все предшествующие исследователи, занимавшиеся типологией клейм, либо останавливались на этапе выделения признаков, либо, что характерно для В. И. Цехмистренко, пытались «механически привести недоработанную типологию в ранг хронологической классификации», создавая таким образом «датированные типологии»⁴⁵.

Целью типологического анализа, как полагает Н. Ф. Федосеев, является не группировка материала, а единственно его «структурирование вне времени», что позволяет создать поисковую систему, облегчающую работу по отысканию аналогий для каждого клейма. Для реализации поставленной задачи автор составил список, насчитывающий около 30 признаков, отображающих форму написания и место нахождения в легенде клейма названия магистратуры, расположение имен, характер эмблем и т. п. В итоге была получена схема, содержащая 83 последовательные ячейки, различающиеся определенным набором признаков⁴⁶.

Я полагаю, что резко критический подход Н. Ф. Федосеева к итогам работы, проделанной его предшественниками, неправомерен. Фактически мы имеем дело с двумя равнозначными сторонами типологического анализа: с типологией в широком смысле, выполняющей задачу классификации и группировки материала, и с типологией в узком смысле, применяемой при

⁴³ В картотеке Н. Ф. Федосеева учтено более 15 тысяч клейм, выполненных почти 2,5 тысячами штампов (Указ. соч. // Греческие амфоры. С. 150).

⁴⁴ Эта цифра близка к той, к которой мы пришли, убрав из списка синопских астиномов, предложенного румынскими исследователями, около 20 ошибочно включенных в него магистратов.

⁴⁵ Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы ... С. 153.

⁴⁶ Там же. С. 156.

составлении поисковой системы в служебных целях. Закономерно, что наряду с существенными различиями, они имеют и определенные сходные черты. Как в первом, так и во втором случаях используется один и тот же набор признаков. Однако в то время как В. И. Цехмистренко пытался, правда не всегда удачно, установить их иерархию, разделить признаки на типобразующие и варианты, то Н. Ф. Федосеева вес признаков не интересует, для него первостепенное значение представляет их сочетание. Отсюда и появление большого числа ячеек, которые являются ничем иным, как отдельными элементами более крупных классификационных единиц (периодов и этапов классификации В. И. Цехмистренко). С этим в принципе согласен и Н. Ф. Федосеев, заявивший, что в соответствии с принципами «датированной типологии» можно определить место каждой из ячеек и в результате получить более или менее дробную хронологическую структуру⁴⁷.

Однако и такая, явно излишняя дробность его не удовлетворила. Синопские клейма, как он полагает, имеющие большое число сочетаний имен астиномов и гончаров, дают уникальную возможность распределить всех магистратов последовательно друг за другом.

Следующий, третий этап работы как раз и был связан с реализацией этой возможности. Совместно с А. Б. Бобылевым им были составлены три матрицы: «матрица признаков», «матрица сочетаний признаков» и «матрица сочетаний имен магистратов и гончаров». Естественно, что для сортировки и корреляционного анализа материала, содержащегося в этих матрицах, был использован компьютер⁴⁸. В результате определена относительная хронология астиномов, позволившая составить их последовательный список.

В связи с этим, как полагает Н. Ф. Федосеев, существующая практика разбивки астиномов по хронологическим группам, временные рамки которых относительно широки, себя изжила. Надежная привязка во времени всего одного магистрата позволяет получить абсолютные с точностью до года даты для всех астиномов списка. К сожалению, пока ни один из астиномов не имеет точной временной привязки. По ряду косвенных данных хронологические границы синопского клеймения Н. Ф. Федосеевым были определены с 365 г. до н. э. по самое начало II в. до н. э. Последняя дата явно была установлена с учетом количества астиномов списка.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Бобылев А. Б., Федосеев Н. Ф. Экспертный пакет АСТИНОМ // Методы и системы технической диагностики. Саратов, 1989. Вып. 12. Ч. I.

Работа, проделанная Н. Ф. Федосеевым, вызывает неоднозначную оценку. С одной стороны, несомненно сделан значительный шаг вперед в изучении керамических клейм Синопы. Уточнен список магистратов, впервые для выяснения меры близости астиномов привлечена компьютерная техника. С другой — вызывает серьезное сомнение правомерность и эффективность самой «единой системы».

Одним из основных ее постулатов является уверенность в том, что в настоящее время известны практически все синопские астиномы, контролировавшие керамическое производство в городе. Между тем, игнорируется тот факт, что организация гончарного дела в Синопе пока изучается опосредствовано, по тому материалу, который поступал на экспорт. Поэтому велика доля вероятности, что раскопки в самой Синопе, особенно ее гончарных мастерских, пополнят список астиномов. В этом случае придется пересматривать уже «твердо установленные» абсолютные даты.

Нет никакой уверенности и в том, что сохранится неизменным предложенный порядок астиномов. В ходе работы, как признаются сами авторы программы, были встречены существенные затруднения, связанные с неполнотой данных, значительным разреживанием матриц, большим числом омонимов среди гончаров, возможностью ошибок в чтении самих клейм и т. п. Определить, насколько удачно справились с этими затруднениями составители, не представляется возможным, поскольку «пакеты» программ, да и сами списки пока не опубликованы. Внесение корректив в них следует считать неизбежным.

Кроме того, в настоящее время нам известны далеко не все штампы, которыми на протяжении почти двух столетий оттискивались клейма. По моим наблюдениям, во всех публикуемых в последние десятилетия коллекциях от 10 до 30% клейм выполнены неизвестными по III тому IOSPE штампами, содержащими обычно новые сочетания имен астиномов и гончаров. Поэтому в связи с появлением нового материала раз в три-четыре года придется проводить пересмотр списка и корректировать в нем положение отдельных астиномов. Конечно, передвижка может оказаться незначительной — на одну-две позиции вперед или назад, но и в этом случае теряет смысл декларируемое основное достоинство предложенной системы — точная абсолютная датировка каждого астинома. Таким образом, имеются основания полагать, что «единая система» изначально страдает крупным, непозволительным для

классификационных систем недостатком,— она не является достаточно гибкой и открытой.

Наконец, если даже со временем удастся получить надежный список астиномов, он также окажется неудобен при работе по анализу распределения клейм во времени и пространстве. Статистический анализ в целях ограничения случайности всегда нуждается в предварительной группировке исходных данных. Поэтому нет никаких оснований отказываться от традиционных, выделенных еще Б. Н. Граковым хронологических групп. Несомненно, предложенная Н. Ф. Федосеевым методика позволит уточнить их количество, состав и границы, осуществить разбивку астиномов каждой из групп на более мелкие хронологические единицы — подгруппы.

Подведем некоторые итоги. Краткий и целенаправленный историографический экскурс показывает, что вновь возникший интерес к керамическим клеймам Синопы не случаен. Сложилась все условия для завершения многолетней работы по классификации астиномных оттисков этого центра. Я полагаю, что методически правильным является следующий порядок исследований в этом направлении. Прежде всего, необходимо создать развитую типологическую классификацию клейм, что позволит завершить работу по уточнению списка магистратов, контролировавших керамическое производство в городе. В дальнейшем в совокупности с синхронистическим методом провести их группировку. Завершающим этапом должна стать работа по оформлению хронологических групп и подгрупп и определение их абсолютных датировок. Именно эти сюжеты и будут рассмотрены в следующих этюдах по керамической эпиграфике Синопы.

С. Ю. МОНАХОВ, Э. Н. АБРОСИМОВ

Новое о старых материалах из херсонесского некрополя

До недавнего времени общепризнанной была сформулированная И. Шнейдервиртом и А. И. Тюменевым гипотеза об основании Херсонеса гераклеотами и делосцами в 422/421 гг. до н. э.¹ Археологический материал из раскопок городища в целом соответствовал этой точке зрения, причем, одним

¹ *Schneiderwirth J. H.* Das pontische Heraklea. Heiligenstadt, 1882. S. 15; *idem.* Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim). B., 1897. S. 5 f.; *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 245, 252.

из наиболее весомых аргументов считалось отсутствие в городском некрополе погребений «...с инвентарем, которые можно было бы датировать временем, предшествующим дате основания Херсонеса по А. И. Тюменеву»².

Правда, давно были известны в небольшом числе и более ранние керамические материалы из старых, в основном недокументированных раскопок города начала века³, присутствие которых обычно объяснялось вероятным существованием на мысе у Карантинной бухты эмпория или якорной стоянки⁴. Лишь М. И. Ростовцов и В. В. Лапин высказали осторожное мнение о возможном существовании на месте дорийского Херсонеса более раннего, скорее всего, ионийского поселения⁵.

В последние годы проблема ранней истории Херсонеса вновь активно обсуждается⁶, особенно в связи с появлением новых, достаточно многочисленных находок конца VI—V вв. до н. э. из раскопок городища⁷. В связи с этим мы посчитали целесообразным вновь обратиться к материалам херсонесского некрополя, тем более что первая проверка первоисточников в фондах Херсонесского заповедника, проведенная в

² Зедгенидзе А. И., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 196; *их же*. Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. // КСИА. 1981. № 168. С. 5 сл. Ранее к тому же выводу пришел Г. Д. Белов (Керамика V—IV вв. до н. э. из некрополя Херсонеса // Тр.ГЭ. 1976. Т. XVII. С. 112 сл.; *его же*. Амфоры из некрополя Херсонеса // История и культура античного мира. М., 1977. С. 21 сл.).

³ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // Тр.ГЭ. 1972. Т. XIII. С. 23 сл.; Зедгенидзе А. А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. № 156. С. 69 сл. Таблица.

⁴ Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 53, 75; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 95; Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948. № 1; *его же*. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 177; *его же*. Ионийская керамика... С. 23; Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. № 159. С. 27 сл.; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 58 сл.

⁵ Ростовцев М. И. Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 80 сл.; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966. С. 81 сл.

⁶ Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический в классический период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический... С. 52 сл.; Кац В. И. Эмпорий Херсонес // АМА. 1990. Вып. 7. С. 97 сл.

⁷ Золотарев М. И. Северо-восточный район Херсонеса в античное время // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 51 сл.; Vinogradov Ju., Zolotarev M. La Chersonese à la fin de l'époque archaïque // Pont-Euxin vue de les grecques. P., 1990.

1988 г., позволила выявить серию предметов, прежде всего амфор, датирующихся значительно более ранним временем, чем принято было считать⁸. Поскольку все это хорошо согласуется с новейшими материалами из раскопок на городище, открывается возможность значительно откорректировать наши представления о колонизации юго-западной Таврики и о первом этапе жизни греческой апойкии, предшествовавшей дорийскому Херсонесу.

Помимо сохранившихся надежно паспортизированных материалов из Херсонесского некрополя, были по возможности привлечены архивные источники, содержащие более или менее достоверную информацию. Анализировались отдельные находки и керамические комплексы только позднеархаического, классического и раннеэллинистического времени. Более поздние материалы нами не привлекались.

Судя по публикациям, отчетам и иной информации, в Херсонесском некрополе было найдено более полусотни амфор и примерно столько же образцов чернолаковой и расписной керамики. К сожалению, сохранилась только часть этой выборки, и к настоящему времени мы располагаем более или менее достоверной информацией о 39 целых или фрагментированных амфорах, 4 кувшинах, 4 рожках (гуттусах), 3 кубках, 2 киликах, 2 канфарах, 3 солонках и 1 тарелке интересующего нас времени. Амфорная коллекция распределяется следующим образом: 1 «протофасосская» (абдерская?), 5 самосских (круга Самоса), 10 хиосских, 3 гераклеийских, 7 херсонесских, 2 мендейских, 1 синопская, 1 паросская и 9 амфор, неустановленных центров производства.

Паспортные данные на каждую находку и их размеры, наличие клейм, надписей и т. п. для экономии места сведены в таблицы 15 и 16. Для всех находок используется сквозная нумерация. Графическая часть работы сведена в 14 таблиц.

«ПРОТОФАСОССКАЯ АМФОРА» (Табл. 1. № 1)

Происходит из дореволюционных раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича. К сожалению, мы не можем твердо установить ни места, ни археологического контекста находки, хотя некоторые косвенные соображения позволяют осторожно предположить, что она найдена в некрополе.

⁸ Первая информация об этих находках была доложена на конференции осенью 1988 года. Об этом см.: Туrowsкий Е. Я., Ушаков С. Б. Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса // ВДИ. 1991. № 1. С. 232.

Этот сосуд имеет тулово конической формы с высокими округлыми плечами. Небольшое цилиндрическое горло завершается венцом в виде правильного валика, ручки небольшие, укреплены прямо под венцом. Ножка с четкими гранями снаружи и цилиндрическим углублением на подошве. Глина плотная, оранжево-коричневого оттенка, с небольшим количеством мелкой слюды и известняка, ангоб светлый.

В свое время И. Б. Зеест выделила серию таких амфор, датировав их по контексту концом VI — началом V вв. до н. э.⁹ За последнее время обнаружено довольно много новых находок, причем, формы таких амфор порой сильно отличаются¹⁰. В качестве наиболее точных аналогий можно назвать амфору из ямы № 7 на поселении Станислав (1988 г.), датируемую по археологическому контексту концом VI — началом V вв. до н. э.¹¹, а также сосуд из музея Кавалы¹². Автор последней публикации предполагает, что данный тип амфор производился в Абдерах. Локализация опирается на два аргумента: сходство глины целой амфоры с глиной абдерской клейменной ручки, где содержится городской герб Абдер — сидящий грифон, и близость формы целой амфоры с изображением амфоры на абдерских тетрадрахмах первой половины V в. до н. э.

Независимо от того, насколько достоверна абдерская локализация некоторых серий «протофасосских» амфор¹³, для нас принципиально важным является одно обстоятельство: они не встречаются в слоях позднее начала V в. до н. э.

⁹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 79. Табл. V — 15.

¹⁰ См., напр.: Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. № 95. Рис. 23 — 2. Из неопубликованных: Анапский музей № 10096 (хут. Суворово-Черкесский); там же № 10169 (хут. Рассвет, 1969 г.); ГЭ. Б. 67 — № 21, 50; ГЭ. Б. 84 — № 402; ГЭ. Б. 90. Колодец № 4; Порфмий, 1988 и др.

¹¹ Раскопки Ю. А. Виноградова (1988 г.), любезно предоставившего нам материал.

¹² *Peristery-Otatzy C.* Amphores et timbers amphoriques d'Abdere // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 491 f. Fig. 13.

¹³ Недавно высказана гипотеза о милетском происхождении этих амфор. См.: Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grece de l'Est // La parola del passato. 1982. Vol. 54—57. P. 203 f. Fig. 1d, 6; Рубан В. В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. 1991. № 2. С. 182 сл. Нам представляется, что Милету принадлежат только некоторые серии из многочисленных групп «протофасосских» амфор, отличающихся довольно большим разнообразием форм и характеристик глины.

В основном они происходят из некрополя на Северном берегу городища (раскопки 1937 г.): № 2 — из погребения 1, № 5 и 6 — из погребений 15 и 17¹⁴. В том же районе в 1988 г. случайно найдена амфора № 4. Сосуд № 3 обнаружен в море у Северного берега и, судя по характерному вырезу в тулове, как и остальные амфоры, находился в детском погребении. В амфорах № 5 и 6 рядом с детскими костяками найдено по небольшому сосудику с носиком-сливом¹⁵, которые чаще всего называют гуттусами¹⁶.

Из всей серии самосских амфор наиболее ранней, скорее всего, является № 4. Она имеет яйцевидный корпус с коротким горлом, посередине которого характерный уступ. Венец массивный, высокий, ножка также массивная в виде слабо-выраженного валика. Глина красновато-коричневая, тонкая, слегка «мылится», содержит массу мелкой слюды.

Прямые аналогии этому сосуду нам неизвестны, но исходя из известных тенденций развития форм греческой керамической тары, можно предположить, что эта амфора должна находиться в эволюционном ряду между образцами конца VI и середины V вв. до н. э.¹⁷

Две следующие самосские амфоры № 2 и 3 представляют хорошо известный по ряду находок тип тары этого центра второй четверти — середины V в. до н. э.¹⁸. Оба сосуда из Херсонеса, как и известные аналогии, имеют вытянутое, яйцевидное тулово с пологими плечами. Горло раструбом кверху, венец высокий, близкий к «воротничковой» форме, на амфоре

¹⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г. // Архив ЛОИА. Д. № 195. Л. 5, 8 сл. Рис. 21, 22, 25—27.

¹⁵ Изданы: Белов Г. Д. Указ. соч. // СА. 1981. № 3. С. 175. Рис. 9, 10; Его же. Ионийская керамика... С. 19. Рис. 3, 4. Гуттис из амфоры № 6 в фондах отсутствует, его чертеж сделан по обмерам Г. Д. Белова и фотографии.

¹⁶ О терминологии и назначении см.: Сорокина Н. П. Стекланные капельницы, или гуттусы первых веков нашей эры из Северного Причерноморья // Проблемы археологии Евразии. (Тр. ГИМ. Вып. 74). М., 1990. С. 73.

¹⁷ Grace V. Samian amphoras // *Hesperia*. 1971. Vol. 40. P. 71 f. Fig. 2, 3; Брашинский И. Б. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. № 109. С. 22 сл. Рис. 2, 3; Его же. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 105. Табл. I, VII; Его же. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 101, 103. Табл. II, XI, XII; Roberts S. R. The Stoa Gutter Well. A Late archaic Deposit in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1986. Vol. 55. N 1. P. 65. Fig. 51.

¹⁸ Grace V. Op. cit.; Брашинский И. Б. Методы... С. 30 сл.

№ 3 он достаточно массивный. В средней части горла уступ. Ножка цилиндрическая, слабовыраженная, с цилиндрическим углублением на подошве.

Особый интерес представляют амфоры № 5 и 6 из соседних погребений 15 и 17 (1937 г.)¹⁹. Это очень высокие сосуды (высотой более 80 см) с цилиндрическим горлом. Венце «самосского типа», сильно отогнут наружу. Ножка конической формы, довольно массивная. Тулово пифоидное, хотя и имеет резкий излом плеч. Глина плотная, тонкая, коричневого цвета, с включением мелких белых частиц небольшого количества мелкой слюды. Заметные отличия в фактуре глины и морфологии этих сосудов от надежно локализованных групп самосской тары заставляют предполагать, что они происходят из неизвестного нам центра, который контролировался Самосом или подражал форме его тары.

Аналогии этим амфорам нам неизвестны, однако, при выяснении их хронологии можно опереться на найденные вместе с ними гуттусы № 45, 46. Рожок из амфоры № 5 изготовлен из тонкой зеленовато-серой без особых включений глины с темным покрытием (типа лака плохого качества). Сосуд имеет близкую к шаровидной форму на низком профилированном поддоне и с невысоким бортиком вместо венца. Петлеобразная вертикально поставленная ручка прикреплена к тулову. Наиболее близкой аналогией является образец из ольвийского некрополя (м. 26 1911 г.)²⁰. Находки такого типа встречаются хотя и редко, однако интерпретируются достаточно однозначно как ионийский импорт в пределах середины — третьей четверти V в. до н. э.

Гуттус из амфоры № 6 иной формы. Шаровидное тулово завершается воронковидным горлом с профилированным венцом. Вертикальная ручка поднимается выше венца и крепится к нему. Он изготовлен из оранжевой глины с темным покрытием. Похожие формы известны на Самосе с конца VI в. до н. э., в Западном Причерноморье они встречаются со второй половины V в. до н. э.²¹. Самые близкие образцы найдены

¹⁹ Оба сосуда сохранились частично, в настоящее время горла с плечами не стыкуются с туловом. Вместе с тем, форма реконструируется надежно по сделанным в период раскопок обмерам и полевым фотографиям.

²⁰ Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. К., 1974. С. 58, 158. Рис. 18 — 3. От нашего отличается горизонтальным креплением ручки.

²¹ Скуднева В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 67. Фото на с. 68; Иванов Т. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963. С. 208. № 508, 509.

в погребальных комплексах первой половины IV в. до н. э.²². У нашего гуттуса наиболее ярким признаком является профилировка венчика, напоминающая аналогичные венцы на канфарах первых трех четвертей IV в. до н. э.²³.

Таким образом, получается, что амфоры № 5 и 6 «круга Самоса», несмотря на близость морфологических признаков, датируются со значительным разрывом: № 5 — серединой — третьей четвертью V в. до н. э., а № 6 — первой половиной (скорее, первой третью) IV в. до н. э. Более ранняя датировка погребения № 15 (1937 г.) подтверждается стратиграфической ситуацией, т. к. наряду с погребениями № 1 и 12 (1937 г.) оно совершенно не в мусорном слое, а в материке до образования свалки²⁴.

АМФОРЫ ХИОСА (Табл. 3, 4, 5. № 7—16)

Из работы в работу переходит утверждение, что в херсонесском некрополе хиосские амфоры представлены исключительно т. н. «колпачковыми» сосудами IV в. до н. э. Проверка показала, что, кроме них, было найдено, по крайней мере, две хиосские амфоры более раннего варианта (№ 7, 8). Это сосуды общей высотой около 80 см с коническим туловом, высоким прямым горлом, валикообразным или уплощенным венцом, массивными, в сечении близкими к кругу ручками²⁵. Данный тип амфор появляется, судя по многочисленным аналогиям²⁶, в третьей четверти V в. до н. э., сосуществуя с позднелухогорлыми, и бытует, в определенной степени эволюционируя, до конца столетия.

²² Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Некрополь античной Керкинитиды. Каталог. К., 1989. С. 5. Рис. 5—4, 5; Мухомов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 8. Табл. 1, 8 — № 145.

²³ Sparker B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of The 6, 5 and 4-th Centuries B. C. // AA. 1970. Vol. XII. № 652—666, 700—704.

²⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г. Л. 8. На это обстоятельство обратил мое внимание Е. Я. Рогов.

²⁵ Обе амфоры в свое время были ошибочно атрибутированы как херсонесские. См.: Ахмеров Р. Б. Амфоры древнегреческого Херсонеса // ВДИ. 1947. № 1. С. 168. Рис. 6 и 8 (фото); Зеест И. Б. Указ. соч. С. 98, 100. Этому противоречат как морфологические признаки, так и характер глины — тонкой, плотной, красно-коричневого цвета, с редкой слюдой. На дату в пределах V в. до н. э. указывает и то обстоятельство, что амфора № 7 происходит из погребения, стратиграфически предшествующего появлению мусорного слоя.

²⁶ Зеест И. Б. Указ. соч. С. 77. Табл. IV; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 16. № 13—15.

«Колпачковые» амфоры представлены в некрополе действительно самой значительной выборкой. Все они происходят из некрополя на Северном берегу (погр. 1, 2, 8, 29, 31, 33, 64, 81 1936 года). Хотя некоторые амфоры (№ 13, 14, 15) сохранились только во фрагментах, а одна утрачена вовсе (№ 16), полевые фотографии, а также зарисовки развалов сосудов в раскопе, сделанные С. Ф. Стржелецким²⁷, позволяют их уверенно атрибутировать. Эти очень крупные, высотой свыше 90 см амфоры с коническим туловом хорошо известны по многочисленным комплексам, которые в основном датируются первой половиной — серединой IV в. до н. э.²⁸

Однако сейчас появились данные, позволяющие предполагать производство «колпачковых» амфор и во второй половине IV в. до н. э. Так, в некрополе Никония такая амфора встречена с 4 гераклеяскими второго типа, на одной из которых стоит фигурное клеймо в виде листа плюща, что по нашим представлениям соответствует началу третьей четверти IV века²⁹.

Еще более поздним является комплекс с тремя «колпачковыми» и шестью фасосскими амфорами из кургана у местечка Топала в Румынии³⁰. Четыре фасосских клейма позднего типа довольно надежно датируют весь комплекс началом последней четверти IV в. до н. э.³¹

²⁷ Г. Д. Беловым эти рисунки опубликованы только частично и с большим уменьшением. Мы пользовались авторскими копиями рисунков в масштабе 1/10, изготовленными С. Ф. Стржелецким для Б. Н. Гракова, которые последний в 60-е гг. передал В. И. Кацу.

²⁸ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 17. Табл. II, VIII; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Амфоры из некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 7. С. 138. Табл. 5. Необходимо оговорить тот факт, что все колпачковые амфоры из некрополя Панское I найдены в детских погребениях в каменной крепи курганов, где основные (центральные) могилы взрослых датируются серединой — третьей четвертью IV века. Нет сомнений, что детские погребения совершались ранее центральной могилы (ямы или склепа), где хоронились старшие члены семьи. Таким образом, хийские амфоры этого могильника должны датироваться не позднее середины IV в. до н. э.

Из ранних наиболее выразительным является комплекс начала второй четверти IV в. до н. э. одного из Марицынских курганов, где хийская колпачковая амфора встречена с двумя гераклеяскими и тремя мендейскими сосудами. См.: Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin // PZ. 1913. Bd. V. S. 23—28. Abb. 30; Брашинский И. Б. Методы... С. 137. Табл. XXVIII-6.

²⁹ К. 4, п. 3. Раскопки 1987 года. Комплексы не изданы, используются с любезного разрешения Н. М. Секерской и И. В. Бруяко.

³⁰ Irimia M., Cheluta-Georgescu N. Amfore antice aparute intr.—un Mormint Tulular de la Topalu // Pontica. 1982. XV. P. 125 f. Fig. 2.

³¹ Мнение И. Гарлана, сообщившего об этом в письме от 1.06.1991 г.

Таким образом, «колпачковые» амфоры IV в. до н. э. бытуют на протяжении почти всего столетия, скорее всего, от первой до начала последней четверти IV в. до н. э. Форма их довольно устойчива, но, судя по нашим наблюдениям, к концу указанного времени для них наиболее характерными становятся высокий и очень плоский венец (за счет более низкого верхнего прилепа ручки) и слабо выделенная ножка, которая из «колпачка» превращается в заостренное дно. Последние признаки у амфор из херсонесского некрополя отсутствуют, что, видимо, позволяет их ограничить временем с первой до начала третьей четверти столетия.

Этот вывод хорошо подтверждается хронологией тех сосудов, которые встречены в отдельных амфорах. Два чернолаковых канфара из амфоры № 9 по комплексам Афинской агоры³², причерноморским и иным материалам³³ датируется серединой IV в. до н. э. (Табл. 3). Чернолаковая солонка из погребения 33, видимо, относится к тому же времени³⁴. Сложнее обстоит дело с сероглиняным кубком, формой, которая относительно редко встречается³⁵. Но и он, вероятно всего, должен датироваться в пределах первой половины IV в. до н. э.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ АМФОРЫ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ ПРОИЗВОДСТВА (Табл. 6, 7. № 17—23)

Все амфоры индивидуальной формы и происходят: № 17, 18, 19, 20 соответственно из погребений № 70, 42,5 и 17 (1936 года); № 21 — из погребения 6 (1937 года); № 22 — из погребения с сожжением возле 20-й куртины и башни Зенона³⁶.

Ранее им же комплекс датировался около 330 г. до н. э. См.: *Empereur J.-Y., Garlan Y. Bulletin archéologique: amphores et timbres amphoriques* (1980—1986) // *Revue des études grecques*. 1987. Т. С. Р. 93.

³² Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 700, 707.

³³ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 133. № 201. Табл. XVI; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы... С. 149 сл. Табл. 12, 13.

³⁴ Солонка в фондах ГХЗ и ГЭ не обнаружена. Рисунок на табл. 5 сделан по фотографии и обмерам. Аналогии см.: Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 944, 949; El Barco de El Sec. Mallorca, 1987. Fig. 53; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 137. № 218.

³⁵ Сам кубок в фондах не обнаружен. См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 175. Рис. 14 (фото).

³⁶ Раскопки 1908 г. «в ограде верхнего монастырского скотного двора» (южнее башни Зенона — С. М.). См.: Репников М. М. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 96 сл. Рис. 87; *его же*. Дневник за

№ 23 — из погребения, обнаруженного в 1963 г. на участке раскопок 1931 года.

Редчайшим образцом является амфора № 17. Это крупный сосуд почти конической формы с резким переломом плеч и высоким цилиндрическим горлом³⁷. Венец массивный, клювовидной формы, ручки несколько расходятся вверх, ножка сильно расширяется к подошве и имеет характерную глубокую выемку, из-за чего И. Б. Зеест не совсем удачно назвала этот сосуд амфорой «на высоком поддоне». В нижней части горла стоит граффити. Глина плотная, светло-коричневая, с редким мелким известняком. Ангоб чуть светлее глины. Судя по упоминанию автора раскопок³⁸ и зарисовке С. Ф. Стржеleckого, утерянная амфора № 18 из погребения 42 имела те же признаки (см. табл. 6).

Профилировка обеих амфор имеет отдаленное сходство с тарой Пепарета. Такой признак, как ножка с глубокой подрезкой, встречается на менейских амфорах типа «мелитопольских»³⁹, отдельные ножки встречены на Каменском⁴⁰ и Знаменском⁴¹ городищах. Целые формы амфор единичны. Известна одна находка в Румынии⁴², еще два неизданных сосуда хранятся в Краснодарском музее⁴³. Ни один из них не позволяет определить дату, в связи с чем приходится опираться на косвенные аргументы.

Коническая форма тулова у амфор появляется во второй половине V в. до н. э. и весьма широко распространена во

1908 г. раскопок херсонесского некрополя // ХС. 1927. Вып. II. С. 179. Рис. 36.

³⁷ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. С. 185. Рис. 29; его же. Амфоры из некрополя... С. 20. Рис. 3—3. В последней статье форма амфоры искажена, точно так же, как и в книге И. Б. Зеест.

³⁸ Белов Г. Д. Амфоры из некрополя... С. 20.

³⁹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора... С. 89. Табл. XI. Амфора датируется IV в. до н. э.; Тереножкин А. И., Мозолевский Б. М. Мелитопольский курган. К., 1988. С. 74 сл. Рис. 74—3; 79.

⁴⁰ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. С. 85. Табл. VII—20.

⁴¹ Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С. 144. Рис. 19—8.

⁴² Irimia M. Date noi privind necropolele din Dobrogea in a doua epoca a fierului // Pontica. 1983. Vol. XVI. P. 93, 114, 142. Fig. 1—16, 11—1. К сожалению, амфора фрагментирована (нет венца и ручек) и отсутствуют основания для надежной датировки.

⁴³ Целый сосуд (КМ № 6629/10) найден в начале века у ст. Воронежской. Вторая амфора без ручек и венца паспорта не имеет. Обе являются полной аналогией № 17.

многих центрах на протяжении всего IV века. Ножки с глубокой выемкой встречаются на отдельных видах тары в IV в. (тип «мелитопольских»), но известны и на образцах первой половины-середины V в. до н. э.⁴⁴ Массивные утолщенные ручки более характерны также для тары V в. до н. э. В целом мы склонны датировать этот тип амфор неустановленно-го средиземноморского центра временем не позднее рубежа V—IV вв. до н. э., скорее всего, последней четвертью V века.

Амфора № 19 (из погребения 5 1936 г.) была найдена в сильно фрагментированном виде (без ручек и венца). В настоящее время сохранилась только нижняя часть сосуда (см. табл. 6) конической формы с сильно оббитой ножкой со слабым углублением на подошве. Внутреннее вместилище уходит очень глубоко, занимая часть ножки. Судя по полевым зарисовкам, эта амфора имела высоту не менее 80 см. Глина ярко-красная с редким мелким известняком и песком. Наиболее близкую форму имеют пепаретские амфоры (Солоха II), однако, для них такие ножки не характерны. Исходя из всего набора морфологических признаков, амфору № 19 следует датировать первой половиной IV в. до н. э.

Верхняя часть амфоры № 20, строго говоря, может и не иметь отношения к погребению 17 (1936 г.), поскольку найдена в ногах скорченного костяка⁴⁵. Вероятно, она относилась к более раннему уничтоженному погребению. Это был крупный сосуд пифонидной формы, похожий на ранние херсонесские амфоры типа IA-1 (см. табл. 9, 10). Ручки массивные, венец небольшой, клювовидной формы. Характер глины — тонкой, плотной, красно-оранжевого цвета, с примесью мелкого редкого известняка — заставляет предполагать ее средиземноморское происхождение и датировать первой половиной — серединой IV в. до н. э.

Амфоры № 21—23 имеют грибовидные венцы, но отнести к хорошо известному типу «Солоха-I» с известными оговорками мы можем только амфору № 22.

Сосуд № 21 имеет с «солохинскими» одну общую черту — массивный, отогнутый наружу грибовидный венец. В остальном его признаки иные: тулово пифонидной, округлой формы с резким изломом плеч, цилиндрическое высокое горло с рас-

⁴⁴ Амфора с такой же ножкой, но с более широким туловом и иной формой венца из погр. 13 второго Ст. Корсунского городища. Найдена с ионийской чашей середины V века. Раскопки И. И. Марченко.

⁴⁵ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. С. 168.

ходящимися вверх ручками, валикообразная массивная ножка с «перехватом» — желобком на основании. Глина красная, с включениями известняка и редких темных частиц. Ангоб коричневый, в нем гораздо больше пироксена и известняка. На горле крупное граффити: буквы I, B и A в лигатуре.

Аналоги этой форме нам неизвестны, хотя в массовом фрагментированном материале IV в. подобные венцы и ножки встречаются достаточно часто. Некоторые основания для локализаций появились в связи с открытием Ж.-И. Амперером и Н. Туной нескольких амфорных мастерских IV в. до н. э. на полуострове Датса (Книд), в одной из которых зафиксированы в слое керамического брака характерные амфорные ножки с перехватом у основания⁴⁶. Глина амфоры № 21 в целом аналогична известным нам образцам книдской тары. И хотя уверенности в данной локализации нет, она представляется весьма вероятной.

Что касается хронологии, то здесь, как и в предыдущем случае, приходится исходить из косвенных соображений. В северопричерноморских материалах, насколько мы можем судить, такие ножки с перехватом, как правило, встречаются в слоях второй четверти — середины IV в. до н. э. Массивный «солохинский» венец, в отличие от более поздних «нависающий» — грибовидных, характерен также для второй четверти столетия. Наконец, на Книде во второй половине IV в. (т. е. чуть позднее) производились амфоры пифонидной формы с обычным валикообразным венцом и кубаревидной ножкой, выше которой также часто присутствует столь характерный перехват — желобок⁴⁷. В конечном счете, наиболее вероятной датой для сосуда № 21 будет вторая четверть — середина IV в. до н. э.

Амфора № 22 является фракцией классического «солохинского» типа. Она имеет пифонидную форму тулова с плавным обводом плеча, относительно короткое, в верхней части раструбом горло, массивные, вертикально поставленные ручки, низкую валикообразную ножку с цилиндрическим углублением и нависающий грибовидный венец. По сравнению с амфорами полного стандарта из кургана Солоха⁴⁸ и аналогичны-

⁴⁶ *Empereur J.-Y., Tuna N. Zenon de Caunos et l'Épave de Serce Limani // BCH. 1988 Vol. CXII. P. 344. Fig. 46; Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 15.*

⁴⁷ Серия этих сосудов, происходящих из хорошо датированных комплексов, не опубликована. Материал готовится к печати.

⁴⁸ *Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987. С. 50, 104. Рис. 3, 4.*

ми образцами из других комплексов⁴⁹ венец у нашего образца более тонкий. Глина ярко-красная, плотная, с редкой мелкой слюдой.

Значительные вариации форм амфор с грибовидными венцами и разнообразие их глин давно расцениваются как явное свидетельство их производства во многих центрах. Образно эта идея выражена Ж.-И. Ампером, высказавшим идею о существовании в IV в. своеобразного «амфорного койнэ» — широкой популярности грибовидных венцов во многих винодельческих центрах⁵⁰. За последние 20 лет установлено, что амфоры различной формы, но с непрямым грибовидным венчиком выпускались на Самосе, Родосе⁵¹, Наксосе, Паросе⁵², в великой Греции и Сицилии⁵³, на Книде⁵⁴, возможно, еще и на Икосе⁵⁵. В дальнейшем этот список, видимо, будет пополняться. Вместе с тем, что-либо определенное о месте производства пифоидных амфор с грибовидными венцами типа нашей № 22 сказать пока невозможно. Более или менее ясна только хронология — такие формы, как можно судить по ряду комплексов, должны датироваться второй — началом третьей четверти IV в. до н. э.

Аналогичные фракционные сосуды встречаются не столь часто, как полностандартные. Из целых нам известно только две амфоры из Керкинитиды⁵⁶, а также верхняя часть аналогичного сосуда из некрополя Панское I⁵⁷.

Последняя амфора с грибовидным венцом (№ 23) имеет плавные обводы корпуса и плеча, на которые посажено высо-

⁴⁹ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... Табл. VI, X. № 134; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы... Табл. 8; Михлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. 1981. № 3. С. 183. Рис. 1—7, 8.

⁵⁰ Ампер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские...

⁵¹ Grace V. Notes on the Amphores from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. Vol. 32. P. 322. Fig. 1; *idem*. Samian Amphores... P. 67. Pl. 15.

⁵² Empereur J.-Y., Picon M. Des Ateliers d'Amphores a'Paros et a'Naxos // BCH. 1986. Vol. 40. P. 495 f.

⁵³ El Barco de el Sec. Fig. 118. N 504, 536.

⁵⁴ Empereur J.-Y., Tuna N. Op. cit. Fig. 4 — b, c; Empereur J.-Y. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadije // Arastirma sonuclari toplantis. Ankara, 1988. Fig. 1.

⁵⁵ Daulgeri-Intzessiloglou A., Garlan Y. Vin et amphores de Peparethos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 64. P. 386. Fig. 35.

⁵⁶ ЕКМ № А-27028 (см.: Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Некрополь античной Керкинитиды. К., 1989. С. 10, 24. Рис. 8—1); ЕКМ № А-74 (см.: Монахов С. Ю., Слонов В. Н. К реконструкции античной методики моделирования керамической тары // ВДИ. 1992. № 2.

⁵⁷ Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы... С. 144. Табл. 7—40.

кое воронковидное горло с нависающим венцом. Ручки расходятся вверх, посажены очень близко к горлу. Глина желтовато-коричневая, тонкая, с редкой мелкой слюдой. По своей фактуре глина несколько напоминает родосскую. Среди известных образцов родосской тары IV в. полные аналогии нашей амфоры отсутствуют, хотя некоторые близкие формы известны, в том числе и с нависающими венцами⁵⁸. Из кораблекрушения у Болеарских островов известна одна целая и несколько фрагментированных амфор такой же профилировки, как и амфора № 23. На одной из них стоит клеймо ΛΥΚΙΟ[Σ. Авторы публикации без какой-либо аргументации считают их самосскими⁵⁹. Оставляя этот вопрос открытым, отметим главное — комплекс кораблекрушения надежно датируется второй четвертью IV в. до н. э.

МЕНДЕЙСКИЕ АМФОРЫ (Табл. 8. № 24, 25)

Известно два сосуда этого центра из погребений 43 и 80 (1936 г.) некрополя на Северном берегу. Амфора № 24 утеряна, однако, рисунок С. Ф. Стржелецкого не оставляет сомнений в правильности атрибуции. Этот тип хорошо известен по многочисленным находкам⁶⁰, в том числе из закрытых комплексов⁶¹, и датируется в основном первой третью IV в. до н. э. Второй сосуд (№ 25) имеет несколько иную форму — у него выше горло, меньше диаметр тулова, ручки расходятся вверх. Ножка у амфоры отбита в древности. Глина плотная красная, с примесью мелкого известняка и редкой слюды. Такие сосуды встречаются реже, видимо, это фракционный экземпляр мендейской тары емкостью в 15—17 литров. Они известны в Никонии⁶², кораблекрушении у Болеарских островов⁶³, в Елизаветовском и Марицынском некрополях⁶⁴, найдены они и в ближайшей округе Херсонеса⁶⁵. В целом они

⁵⁸ *Empereur J.-Y., Hesnard A. Les amphores hellénistiques // Céramiques hellénistiques et romaines. II. Besançon, 1987. Pl. 2.*

⁵⁹ *El Barco de el Sec... P. 494. Fig. 116. N 504—508.*

⁶⁰ *Брашинский И. Б. Методы... С. 222, сл. Табл. XIII, XIV.*

⁶¹ *Eiseman C. J. The Porticello Shipwreck (A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B. C.). N.-Y., 1987. Fig. 4.*

⁶² *ОАМ № 74795 (см.: Мартыненко А. И. Амфоры Менды как исторический источник // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990. С. 157. Рис. 1—3).*

⁶³ *El Barco de el Sec... P. 469. Fig. 126. N 627.*

⁶⁴ *Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 24. Табл. IX; Ebert M. Op. cit. S. 40. Abb. 43.*

⁶⁵ *Случайная находка на Балаклавской дороге 1972 г. ГХЗ. Инв. № КП 186, КП 689.*

датируются первой половиной — серединой IV в. до н. э. Нашу амфору № 25, видимо, следует отнести к верхней границе этого периода.

АМФОРЫ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

(Табл. 8. № 26—28)

Известны три гераклейские амфоры, целая № 26 содержала трупосожжение 11 (1938 г.)⁶⁶, два горла амфор № 27 и 28 найдены возле погребений 8 и 60 некрополя на Северном берегу. На всех амфорах имеются клейма.

Первый сосуд является типичным образцом тары типа I, хотя и не самой ранней серии. Высокое горло плавно переходит в плечи, тулово почти конической формы завершается острореберной ножкой с глубокой подрезкой. Одна ручка отсутствует, тулово сильно оббито и у него вырезан один бок. В верхней части горла треугольное клеймо с ретроградным написанием имени Дионисия по трем сторонам. И форма амфоры и тип клейма первой ранней группы⁶⁷ позволяют довольно уверенно датировать сосуд первой четвертью IV в. до н. э., наиболее вероятно, рубежом 80—70 годов.

Горло амфоры № 27 также принадлежало сосуду первого типа. Остатки энглифического клейма ΔΑΜΟ[позволяют реконструировать имя Дамострата или Дамофонта, хотя не исключены другие чтения. В любом случае это клеймо одной из ранних групп и может датироваться в пределах первой трети IV века.

Горло № 28 представляет иной тип гераклейской тары (тип II), который наибольшее распространение получает в середине — третьей четверти IV века⁶⁸. Клеймо с эпонимным предлогом при имени Эвгамона и именем гончара Пасеа⁶⁹ датируется указанным временем.

СИНОПСКАЯ АМФОРА (Табл. 8. № 29)

Найдена Р. Х. Лепером в 1914 г. в некрополе за западными стенами⁷⁰. У нее отсутствует дно и вырезан кусок тулова

⁶⁶ Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках Херсонеса за 1938 г. // Архив ЛОИА. Д. 87. Л. 7.

⁶⁷ Брашинский И. Б. Методы... Табл. 7.

⁶⁸ Его же. Греческий керамический импорт... С. 118 сл.

⁶⁹ В IPE-III аналогий нет. Однако такие клейма известны в Херсонесе (ГХЗ № 31387) и на Елизаветовском городище (ЕГ-88/ХХ).

⁷⁰ Ахмеров Р. Б. Синопские эллинистические амфоры // ВДИ. 1948. № 4. С. 162 (без иллюстрации).

и плеча. Последнее дает основание предполагать, что амфора происходит из детского погребения.

Сосуд неклеимый, однако характер глины и особенности формы позволяют однозначно определить его синопское происхождение. Это самый распространенный стандартный образец продукции Синопы типа II С⁷¹, причем, судя по клювовидной форме венца, профилировке горла и другим признакам, сосуд не может датироваться позднее третьей — начала последней четверти IV в. до н. э.

ХЕРСОНЕССКИЕ АМФОРЫ

(Табл. 9, 10. № 30—36)

Из некрополя на Северном берегу происходит шесть однотипных амфор, которые ранее считались «боспорскими»⁷²: № 32—34 — из погребений 41, 82, 14 (1936 г.) соответственно; амфоры № 30 и 35 — из погребений 16 и 11 (1937 г.); № 31 — из погребения 7 (1965 г.). Еще одна более поздняя херсонесская амфора № 36 с клеймом Кратона на ручке найдена в 1914 г. в некрополе за западными стенами⁷³. Все сосуда содержали детские погребения.

Херсонесские амфоры этого типа имеют пифоидную форму тулова, относительно невысокое горло, плавно переходящее в плечи, венец клювовидной (варианты IA-1 и 2) или валикообразной формы (вариант IA-3), острореберную (IA-1 и 2) или валикообразную (IA-3) ножку. Поскольку ранее мы специально рассматривали вопрос о ранних сериях херсонесской тары с приведением многочисленных аналогий⁷⁴, здесь будет целесообразно повторить только датировку. Все амфоры из Северного некрополя датируются не позднее третьей четверти IV века⁷⁵. Амфора № 36 с клеймом Кратона выпущена в последней четверти IV века⁷⁶.

⁷¹ Монахов С. Ю. Эволюция форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры... С. 173 сл. Табл. 6—8.

⁷² Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Саратов, 1989. С. 43 сл. Табл. I. Информация об этих сосудах, содержащаяся в ряде предыдущих публикаций, не всегда точна и достоверна (см.: Белов Г. Д. Амфоры из некрополя... С. 20. Рис. 3).

⁷³ Ахмеров Р. Б. Амфоры... С. 161. Рис. 1; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора... С. 98. Табл. XXI — 38а; Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. 1974. XI. С. 105. Рис. 3, 4, 5; Монахов С. Ю. Амфоры... С. 45. Табл. III.

⁷⁴ Монахов С. Ю. Амфоры... С. 45 сл.

⁷⁵ В настоящее время появились основания предполагать, что выпуск амфор вариантов IA-1 и 2 начался еще в 50-е г. IV века.

⁷⁶ Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. Табл. II.

В амфоре № 33 найдены красноглиняный кувшинчик, еще один сосуд неопределенной формы и чернолаковая аттическая солонка⁷⁷ (см. табл. 10), подтверждающие датировку около середины IV века.

ПАРОССКАЯ АМФОРА (Табл. 2. № 37)

Редкая находка верхней части паросской амфоры с клеймом на ручке сделана в 1986 г. на участке некрополя за западными стенами⁷⁸. За многие годы раскопок в Северном Причерноморье это вторая находка⁷⁹. Проведенные недавно на острове Парос работы целых форм амфор не дали, хотя найдена большая серия профильных частей, что, безусловно, уточняет наше представление о таре этого центра⁸⁰. Бытовавшие до сих пор в литературе широкие хронологические рамки паросского клеймения в результате французских исследований на о-ве могут быть сужены до первой половины III века⁸¹.

АМФОРЫ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (Табл. 11. № 38, 39)

Сами сосуды не сохранились, но имеются хорошие рисунки С. Ф. Стржелецкого. Амфора № 38 из погребения 41 (1936 г.) имела широкое пифоидное тулово, высокий уплощенный, видимо, «воротничковый» венец, низкую ножку с кольцевым утолщением. Глина сероватая, с массой слюды⁸². По этим данным идентифицировать сосуд трудно, в качестве аналогии можно упомянуть амфору из раскопок в Белгородской области, датируемую концом V — началом IV в. до н. э.⁸³.

О последней фрагментированной амфоре № 39 информации еще меньше. Можно предположить ее принадлежность к типу ранних херсонесских (IA-1). Более важным представляется тот факт, что стратиграфически это погребение 79 одно-

⁷⁷ Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. Pl. 9. № 876, 868, 870, 943, 944, 949.

⁷⁸ Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Некрополь Херсонеса Таврического. Материалы исследования. К., 1990. С. 4. Рис. 9 — 24.

⁷⁹ О первой см.: Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора... С. 107. Табл. XXV — 55.

⁸⁰ Empereur J.-Y., Picon M. Op. cit. P. 504. Fig. 9, 10.

⁸¹ Там же.

⁸² Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.

⁸³ Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. 1966. № 107. С. 83, 89. Рис. 33 — 1.

временно с 80, 81 и другими, датируемыми второй четвертью — серединой IV в. до н. э. (см. табл. 15).

ПРОЧИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Помимо амфор, из некрополя происходит достаточно представительная выборка мелких керамических форм, позволяющих откорректировать хронологические выкладки.

Кубки-канфары (Табл. 12. № 40—42). Известно о находках трех таких сосудов колоколовидной формы. К. И. Зайцева, предполагающая хиосское происхождение исходной формы, проследила эволюцию таких кубков с VI по IV в. до н. э.

Наиболее ранним является кубок № 40 из детского погребения 5 (1912 г.), обнаруженный в амфоре вместе с ионийским кувшинчиком⁸⁴. Из инвентаря сохранился только кубок, покрытый снаружи густым белым ангобом, поверх которого в нижней части тулова идет узкая полоса бурого лака, возле устья — широкая полоса черного лака. Внутри до глубины 5,4 см сосуд залит черным лаком, затем широкая полоса в цвете глины, а возле устья опять полоса черного лака. Кубок тонкостенный, сформован небрежно, устьевая часть эллипсоидной формы. Все известные аналогии позволяют датировать его не позднее рубежа VI—V вв. до н. э.⁸⁵, скорее всего, концом VI века.

Второй кубок (№ 41) из погребения 10 (1937 г.)⁸⁶ отличается более вытянутыми пропорциями и покрыт вместо белого ангоба тусклым черным лаком. Внутренняя поверхность кубка за исключением устьевой части оставлена в цвете глины (темно-серого цвета с мелкими вкраплениями известняка). Не исключено, что это реплика на популярную хиосскую форму, изготовленная в каком-то средиземноморском или причерноморском центре во второй половине V — начале IV в. до н. э.⁸⁷. Кстати говоря, стратиграфия погребения 10 позволяет предполагать его относительно раннюю датировку

⁸⁴ Лепер Р. Х. Дневник раскопок у монастырской купальни // Архив ГХЗ. Д. 87. Л. 35; там же. Д. 106. Л. 13.

⁸⁵ Зайцева К. И. Кубки V—IV вв. до н. э. из Ольвии // Тр. ГЭ. 1972. Т. XIII. С. 91 сл. Рис. 1—2; Белов Г. Д. Ионийская керамика... С. 7. Рис. 1; Скуднова В. М. Архангелский некрополь Ольвии... С. 80, 124. № 117, 192.

⁸⁶ Белов Г. Д. Ионийская керамика... С. 19. Рис. 2.

⁸⁷ Зайцева К. И. Кубки... С. 93. Рис. 3. См. также: Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии... С. 50. Рис. 10—4; Сельская округа Ольвии. К., 1989. С. 130. Рис. 49—3; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы... Табл. 3 — № 84. Более поздний тип см.: Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 139. Табл. XVIII. № 228.

(до начала IV в.) по сравнению с большинством других могил Северного некрополя⁸⁸.

Последний кубок (№ 42) происходит из погребения I (1945 г.) на том же участке некрополя⁸⁹. Изготовлен он из желтой глины без какого-либо покрытия. В отличие от предыдущих он имеет небрежно сформованный поддон с коническим углублением. Такие или близкие по форме кубки на поддонах характерны, судя по аналогиям⁹⁰, для конца V — первой половины IV в. до н. э. Набор керамических находок из слоя, в котором находилось это погребение, скорее свидетельствует в пользу верхней границы⁹¹.

Канфары (Табл. 3. № 43, 44). Известно только три аттических чернолаковых канфара, документально найденных в некрополе (погребения I 1936 г., 1054 1901 г.)⁹². Эти небольшие сосуды на невысоком профилированном поддоне-ножке с простым, нефигурным венцом и ручками со слегка приподнятыми шипами по целому ряду комплексов, как мы отмечали, датируются серединой IV в. до н. э. Заметим, что в фондах Херсонесского заповедника хранится еще несколько подобных (!) канфаров из дореволюционных раскопок (некрополя, вероятно), хронология которых укладывается в пределах первой половины — середины IV века⁹³.

Гуттусы (Табл. 2, 12. № 45—48). Документально зафиксированы находки 4 простых и 3 расписных гуттусов. Рассмотренный выше сероглиняный гуттус № 45 является, пожалуй, самым ранним образцом (не позднее середины — третьей четверти V в. до н. э.). Остальные гуттусы относятся к более позднему варианту, наиболее заметный признак которого — наличие сильно отогнутого профилированного венца (№ 46—48). Приведенные выше аналогии позволяют датировать такие гуттусы в пределах первой половины IV в. до н. э. При

⁸⁸ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г. // Архив ЛОИА. Д. 197. Л. 7.

⁸⁹ Стржелецкий С. Ф. Дневник раскопок таврского некрополя на Северном берегу Херсонеса // Архив ГХЗ. Д. 604. Л. 16 (чертеж кубка); *его же*. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году // ХС. 1948. Вып. IV. С. 74. Рис. 6 (фото). Сам кубок утерян.

⁹⁰ Козуб Ю. I. Указ соч. С. 50. Рис. 10 — 2, 11; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 138. Табл. XVIII. № 231, 232.

⁹¹ Стржелецкий С. Ф. Указ. соч. С. 77 сл. Рис. 9, 10.

⁹² Все три изданы: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. С. 165. Рис. 4; *Его же*. Керамика конца V—IV вв. до н. э. из некрополя Херсонеса // Тр.ГЭ. 1976. Т. XVII. С. 116. Рис. 7.

⁹³ Напр., инв. № 3232, 31308. Из депортированных находок.

этом нужно отметить, что единство формы не исключает значительных вариаций в размерах. Судя по глине, такие рожки производились как в средиземноморских центрах (№ 46, 48), так и в Херсонесе (№ 47)⁹⁴. Просмотр фондов Херсонесского заповедника позволил выявить еще по меньшей мере 4 серо-красноглиняных гуттуса аналогичной формы, происходящих из дореволюционных раскопок. К сожалению, мы можем только предполагать, что они могли быть найдены в некрополе⁹⁵.

Особую группу составляют краснофигурные аттические гуттусы на высокой профилированной ножке с ручкой, поднимающейся выше устья. Верхняя часть сосудов расписана радиальными полосами черного лака, отходящими от устья или орнаментальным мотивом морской волны. Тулово чаще всего сплошь залито черным лаком. Три таких гуттуса были опубликованы⁹⁶, еще три хранятся в фондах среди беспаспортного материала⁹⁷. Появляется такая форма во второй половине V в. до н. э. и бытует вплоть до середины IV века⁹⁸. Наши образцы, скорее всего, относятся к первой половине IV в. до н. э.

Килики (Табл. 13. № 49, 50). Известно о находках аттических киликов в шести погребениях некрополя. К настоящему времени утеряны килики из погребений 10 (1912 г.), 16 и 84 (1936 г.), однако, за исключением последнего остальные известны по опубликованным фотографиям⁹⁹.

Типологически эту выборку можно разделить на две группы. К первой (чаши с ребром на тулове) можно отнести роскошный каннелированный килик из раскопок Р. Х. Лепера 1908 г., который по множеству аналогий надежно датируется концом третьей четверти V в. до н. э.¹⁰⁰ Более поздним вариантом таких чаш (первой четверти IV в.) являются килики из

⁹⁴ Белов Г. Д. Керамика конца V... С. 118. Рис. 11 — 1. Форма искажена.

⁹⁵ Речь идет об абсолютно целых формах. Инв. № 4356; 23332; 233/11; 408/11.

⁹⁶ Белов Г. Д. Керамика конца V... С. 118. Рис. 9, 10; Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса... С. 5. Рис. 2а.

⁹⁷ Инв. № 3249; 284; 3081/11.

⁹⁸ Козуб Ю. I. Указ. соч. С. 57. Рис. 18 — 1, 2; Иванов Т. Указ. соч. С. 210—212. Табл. 112; Sparkes B. A., Talcott L., Op. cit. № 1198—1199, (у Т. Иванова некоторые даты завышены).

⁹⁹ Репников Н. И. Дневник раскопок в Херсонесе в 1908 г. // ХС. 1927. Вып. II. С. 179. Рис. 38; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. С. 168. Рис. 7; Его же. Керамика конца V ... С. 116. Рис. 6; Стржелецкий С. Ф. Указ. соч. С. 76, 87. Рис. 8.

¹⁰⁰ Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. № 493.

погребений 7 (1912 г.) и 16 (1936 г.)¹⁰¹. К группе тюльпано-видных можно отнести килик № 49 из погребения 3 (1945 г.). Эта форма также была чрезвычайно популярна с конца V и всю первую треть IV века¹⁰².

В фондах Херсонесского заповедника имеется еще несколько целых беспаспортных киликов, сохранность которых позволяет предполагать их происхождение из некрополя. Наиболее интересным является аттический чернолаковый килик второй четверти V в. до н. э.¹⁰³, найденный в Херсонесе, как специально отмечено в инвентарной книге¹⁰⁴.

Чернолаковые тарелки и солонки (Табл. 5, 10, 13, 14. № 51—54). Из двух встреченных в некрополе тарелок сохранилась лишь одна — низкое чернолаковое блюдо № 51 с валикообразной закраиной на широком непрофилированном поддоне. Снаружи два глубоких желобка, внутри глубокие оттиски пальметок двух размеров и 5 кругов небрежных насечек. Форма сосуда и штамп позволяют датировать его первой половиной (скорее, первой третью) IV в. до н. э.¹⁰⁵.

Гораздо более многочисленны небольшие чернолаковые чашечки-солонки самых разных форм. Больше всего солонок с выпуклыми стенками и загнутым внутрь краем (№ 52—54), которые хорошо известны во множестве комплексов второй и третьей четвертей IV в. до н. э.¹⁰⁶. Известны в херсонесских материалах и чашечки с вогнутыми стенками как этого, так и более раннего времени¹⁰⁷.

¹⁰¹ Там же. № 623. Утерянный килик из погребения 84, по словам Г. Д. Белова, типологически был таким же. Стратиграфически это погребение датируется в пределах первой трети IV в., поскольку выше него находилось погребение 82 с разнообразным инвентарем, укладывающимся в хронологические рамки середины — третьей четверти IV века.

¹⁰² Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 608; El Barco de el Sec. Fig. 62; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы... Табл. 5 — № 68.

¹⁰³ Аналогии: Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 471; Иванов Т. Указ. соч. № 400.

¹⁰⁴ Инв. № 9056. Поступил в музей из коллекции Гидалевича. В этой коллекции есть и другие вещи раннего V в., но только для этого килика отмечено происхождение из раскопок в Херсонесе.

¹⁰⁵ Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 1047, 1048; Blonde F., Muller A., Mulliez D. Le comblement d'un puits public a'Thasos // BCH. 1989. Vol. 63. P. 489, Fig. 6.

¹⁰⁶ См. сноску 34, а также: El Barco de el Sec. Fig. 51—53; Blonde F., Muller A., Mulliez D. Op. cit. P. 493, Fig. 6; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... № 218, 219; Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы. Табл. 12.

¹⁰⁷ См.: Белов Г. Д. Керамика конца V... С. 117. Рис. 8 (солонка конца V в.). Среди беспаспортного материала в ГХЗ есть такие солонки и V (инв. № 3245) и IV в. до н. э. (инв. № 274).

Кувшины (Табл. 10, 14. № 55—58). Нам известно о находках 8 кувшинов в херсонесском некрополе, из них о пяти можно составить определенное представление. Ионийский кувшин № 55 из погребения 5 (1913 г.)¹⁰⁸ имеет широкое округлое тулово на низком поддоне, небольшое горло с отогнутым наружу профилированным венцом. Ручка плетеная из жгутов глины, в месте верхнего прилепа неширокая площадка-упор. Глина розовая, тонкая, с редкой слюдой, снаружи черная обмазка типа жидкого лака. Аналоги очень редки¹⁰⁹, однако, по материалам Афинской Агоры близкие формы характерны для последней четверти V века¹¹⁰.

Ионийский же кувшин № 57 из погребения 32 (1936 г.)¹¹¹ по форме близок предыдущему, однако, венец у него валикообразный, слабо выраженный, ручка уплощенная. Он украшен двумя полосами бурого лака по тулову, лаком покрыта и внутренняя часть венца. Судя по отдельным аналогиям, приведенным еще Г. Д. Беловым¹¹², он должен датироваться второй половиной V в. до н. э.

Более четкий профиль имеет кувшин № 56 из типичной херсонесской глины. При приземистом тулове конической формы он имеет относительно высокое цилиндрическое горло с ребром в верхней части и грибовидным венцом. Тулово и горло украшены полосами и орнаментальными мотивами, венец покрыт буро-красной краской. Такие кувшины с грибовидными венцами производились во многих центрах в середине — второй половине IV в. до н. э.¹¹³

Кувшин № 58 из тонкой глины красного цвета без особых включений имеет плавные обводы горла и тулова и сильно отогнутый остросереберный венец, форма которого более всего характерна для IV века. Найденный в погребении 82 (1936 г.) вместе с амфорой и аттической солонкой, он твердо датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проделанный обзор керамических мате-

¹⁰⁸ Белов Г. Д. Керамика конца V... С. 119. Рис. 11 — 6.

¹⁰⁹ Кобылина М. М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. № 19. С. 248. Рис. 5—5.

¹¹⁰ Sparkes B. A., Talcott L. Op. cit. N 187.

¹¹¹ Белов Г. Д. Ионийская керамика... С. 19. Рис. 5.

¹¹² Прежде всего: Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 87. Рис. 9; Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 110. Рис. 2а.

¹¹³ Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова // МИА. 1951. № 19. С. 140. Рис. 44 — 3.

риалов из херсонесского некрополя позволяет сделать ряд принципиально важных выводов.

1. Из рассмотренной выборки в 58 сосудов почти шестая часть (9 экз.) датируется временем более ранним, чем традиционная дата основания дорийского Херсонеса гераклеотами и делосцами. Поскольку в основном это инвентарь детских погребений, а не случайные находки из культурного слоя городища, традиционная точка зрения о существовании на херсонесском мысу эмпория или якорной стоянки вряд ли может ответить на возникающие вопросы. Вместе с тем, материалы некрополя хорошо согласуются с пока немногочисленными, но весьма выразительными находками конца VI—V вв. до н. э. с северо-восточной части городища, которые получены М. И. Золотаревым в последние годы¹¹⁴. В связи с этим гипотеза об основании в Юго-Западном Крыму апойкии еще в конце VI в. до н. э.¹¹⁵ — в рамках той колонизационной волны, которая охватила в это время все Северное Причерноморье, — представляется более приемлемой.

Главный контраргумент оппонентов, суть которого сводится к тому, что ранних материалов крайне мало, вряд ли состоятелен. Мы не должны забывать ни того обстоятельства, что древнейшая часть городища стоит на скале, что обуславливало периодические подчистки культурного слоя и вывоз его, ни самого факта двухтысячелетнего существования города, в результате чего ранние захоронения закономерно уничтожались.

2. Древнейший участок некрополя, судя по имеющимся материалам с привязкой к местности, находился на Северном берегу в районе монастырской купальни и к западу от нее. Первые погребения совершались здесь не позднее начала V в. до н. э. (а может быть и раньше). Участок функционировал во второй и в третьей четвертях V в., причем, судя по полевым стратиграфическим наблюдениям Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого, эти погребения совершались до появления здесь мусорной свалки. Сброс мусора с городища на некрополь, видимо, имел место вскоре после основания дорийского Херсонеса.

¹¹⁴ Золотарев М. И. Херсонес и Ольвия в конце VI—II вв. до н. э. (проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1986. С. 8 сл.; Vinogradov Ju., Zolotarev M. Op. cit. P. 87. Pl. 2—10.

¹¹⁵ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 314.

Просмотр коллекции расписной и чернолаковой керамики из этого мусорного слоя, раскопанного большими площадями еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем, Р. Х. Лепером, а впоследствии Г. Д. Беловым, позволяет уверенно говорить о наличии в этой коллекции многочисленных материалов середины и первой половины V в., в том числе и серии ионийской керамики позднеархаического и раннеклассического времени¹¹⁶.

Верхняя хронологическая граница некрополя на Северном берегу определяется достаточно надежно по серии погребений и может быть ограничена третьей четвертью IV в., скорее всего, 30-ми годами. Этим временем мы должны датировать расширение территории города, поглотившего этот участок некрополя.

3. Прочие участки некрополя возникают позже Северного. Погребения в районе античного театра впускаются уже в существующую мусорную свалку не ранее конца V века. Функционирует этот некрополь также по третью четверть IV в., до строительства новых западных оборонительных стен. Самые ранние погребения за этими стенами в районе Песочной бухты и по склону Девичьей балки маркируются находками синопской (№ 29), херсонесской (№ 36) и паросской (№ 37) амфор, что соответствует последней четверти IV — началу III в. до н. э. Надо полагать, что новая линия обороны и некрополь за ней появляются не позднее 20-х гг. IV в. до н. э.

¹¹⁶ Это тема для специального исследования. Отметим только, что занимавшиеся этим вопросом А. А. Зедгенидзе и Г. Д. Белов явно преуменьшают процент находок конца VI и раннего V вв. до н. э., а главное, не делают на основании этих находок очевидных выводов.

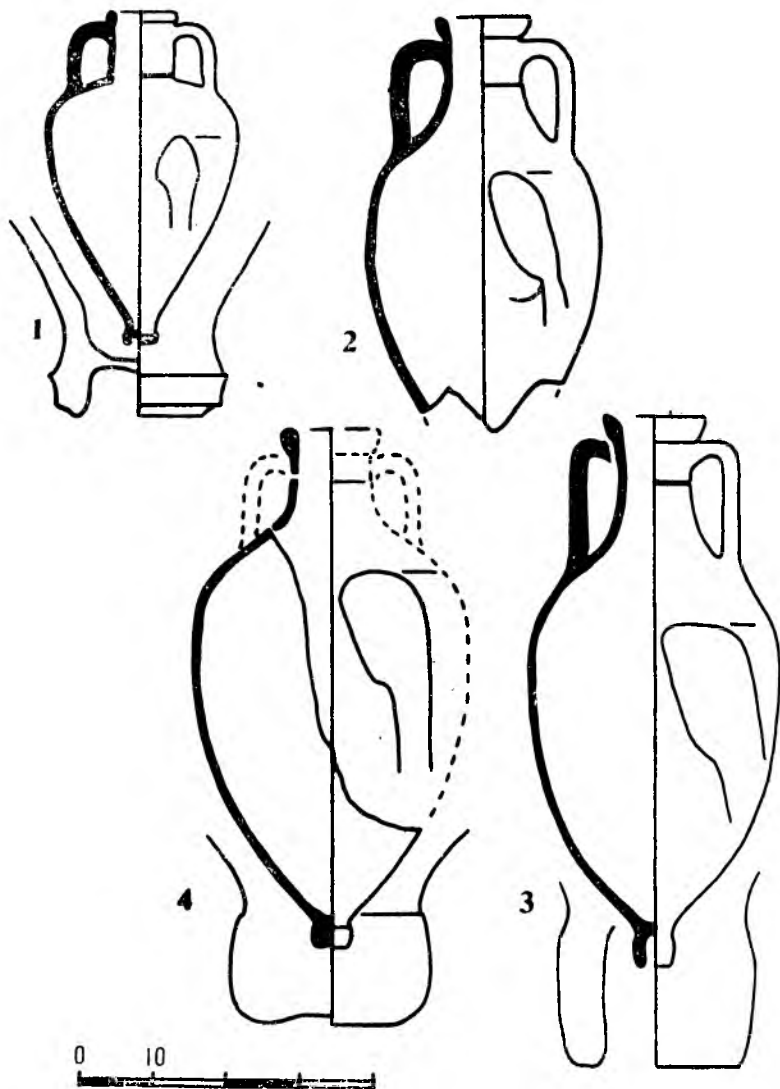

Табл. 1

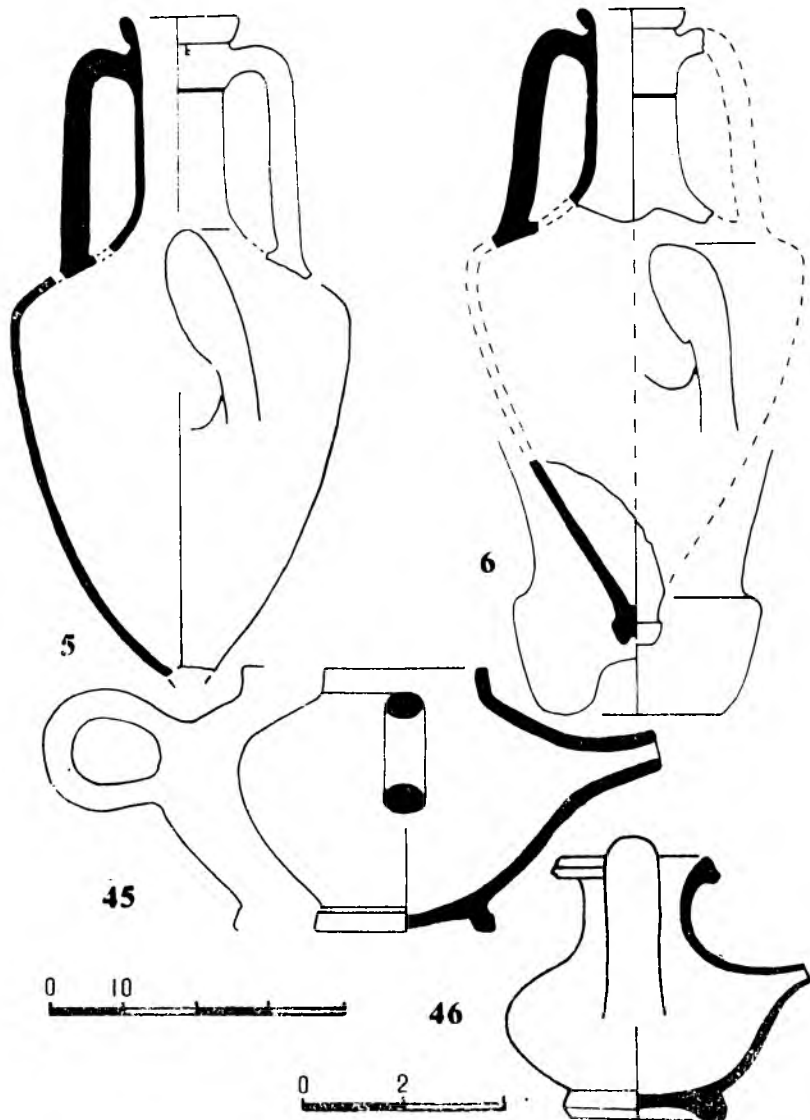

Табл. 2

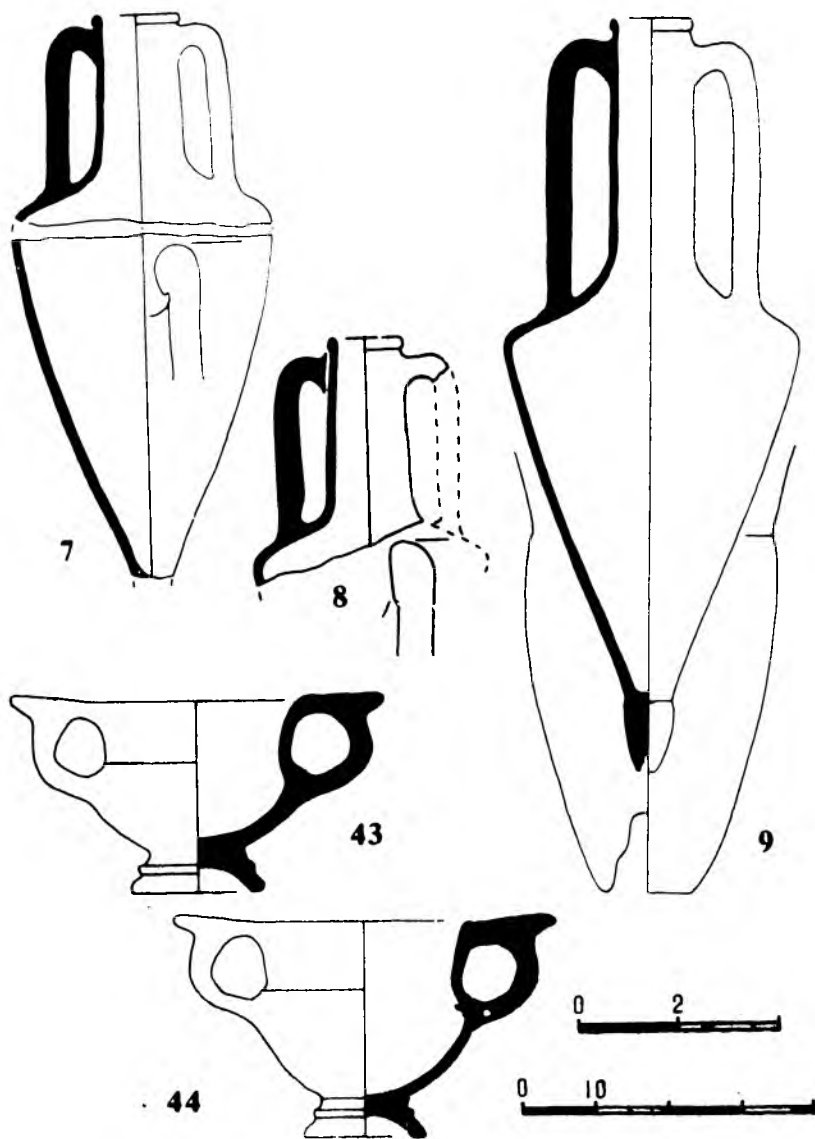

Табл. 3

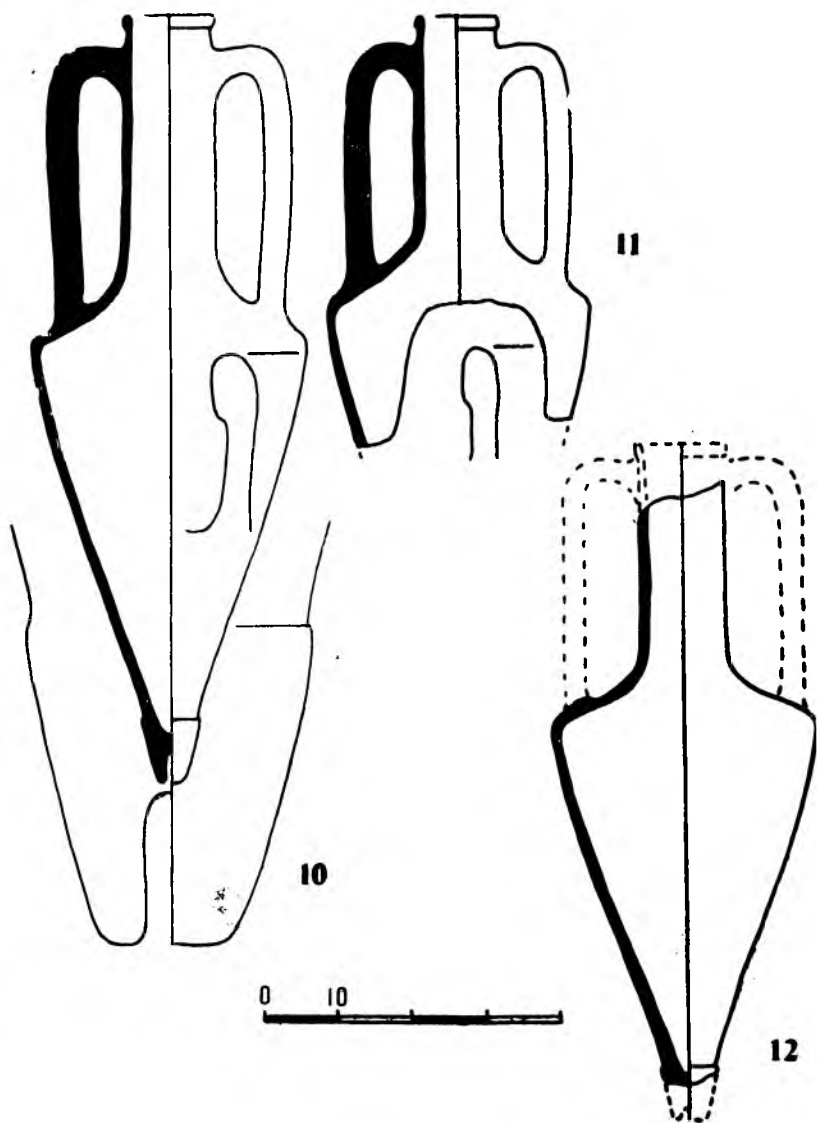
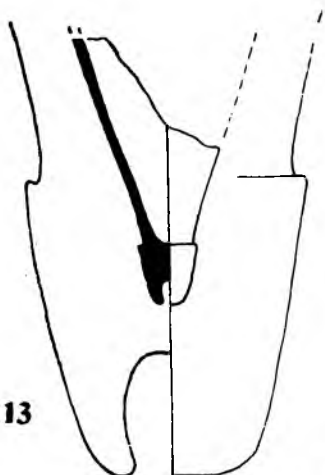
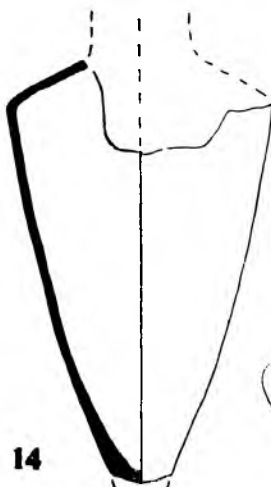

Табл. 4

13

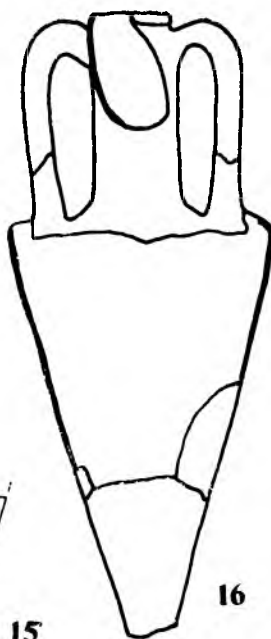
14

15

16

52

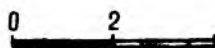

Табл. 5

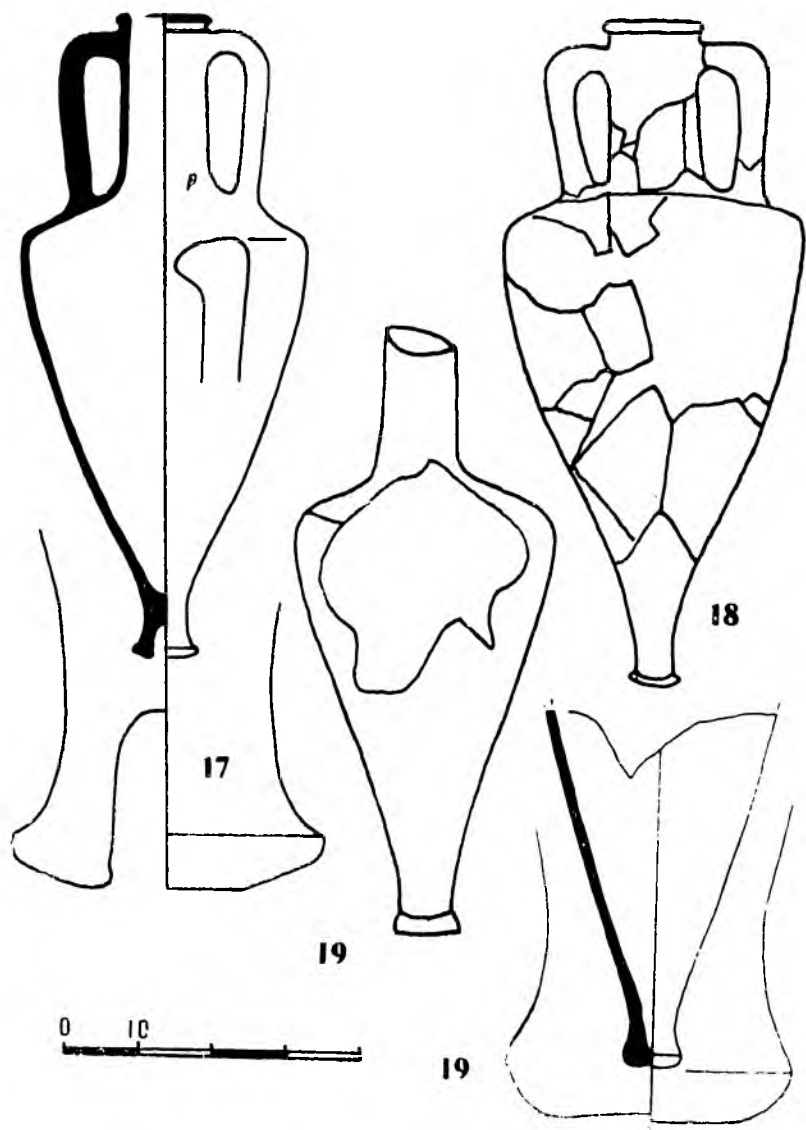

Табл. 6

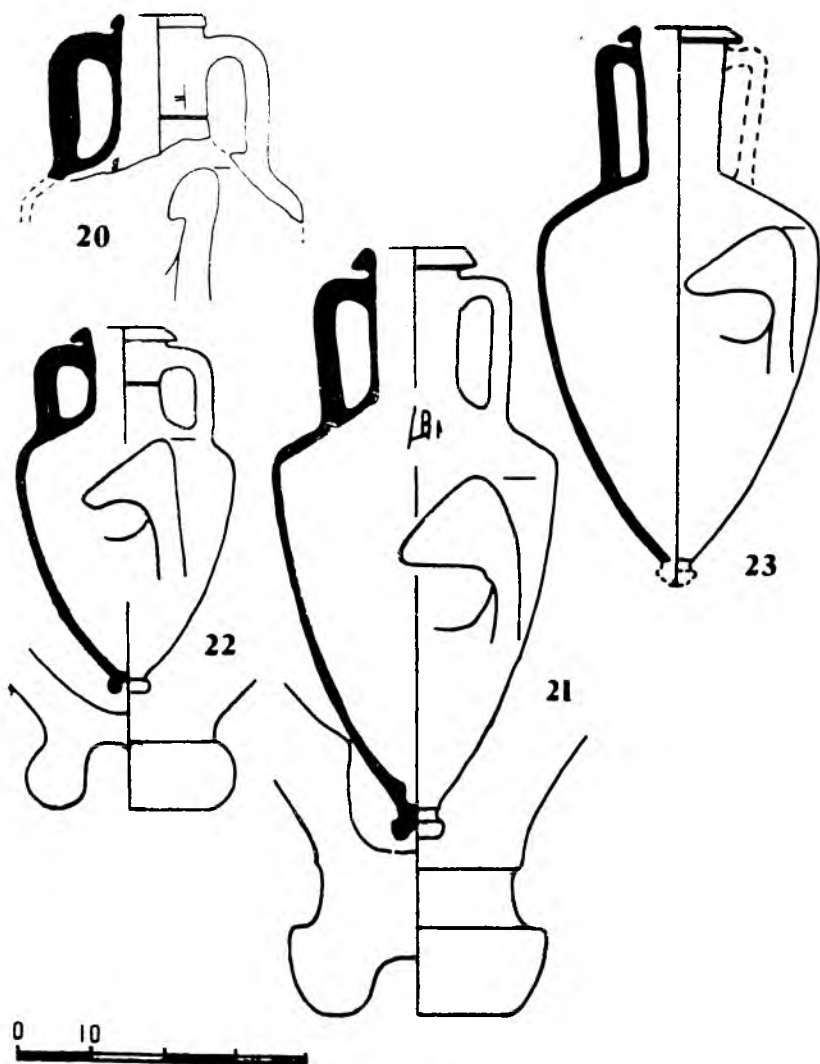
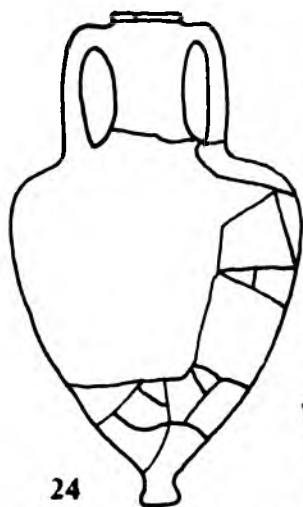

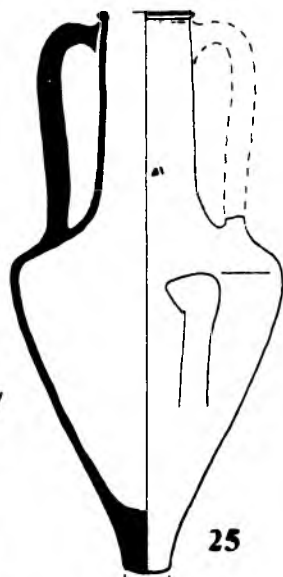
Табл. 7

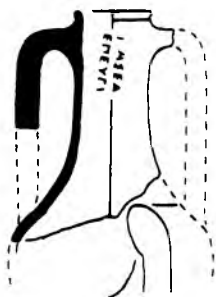
24

26

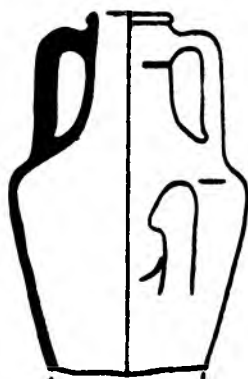
25

28

27

29

Табл. 8

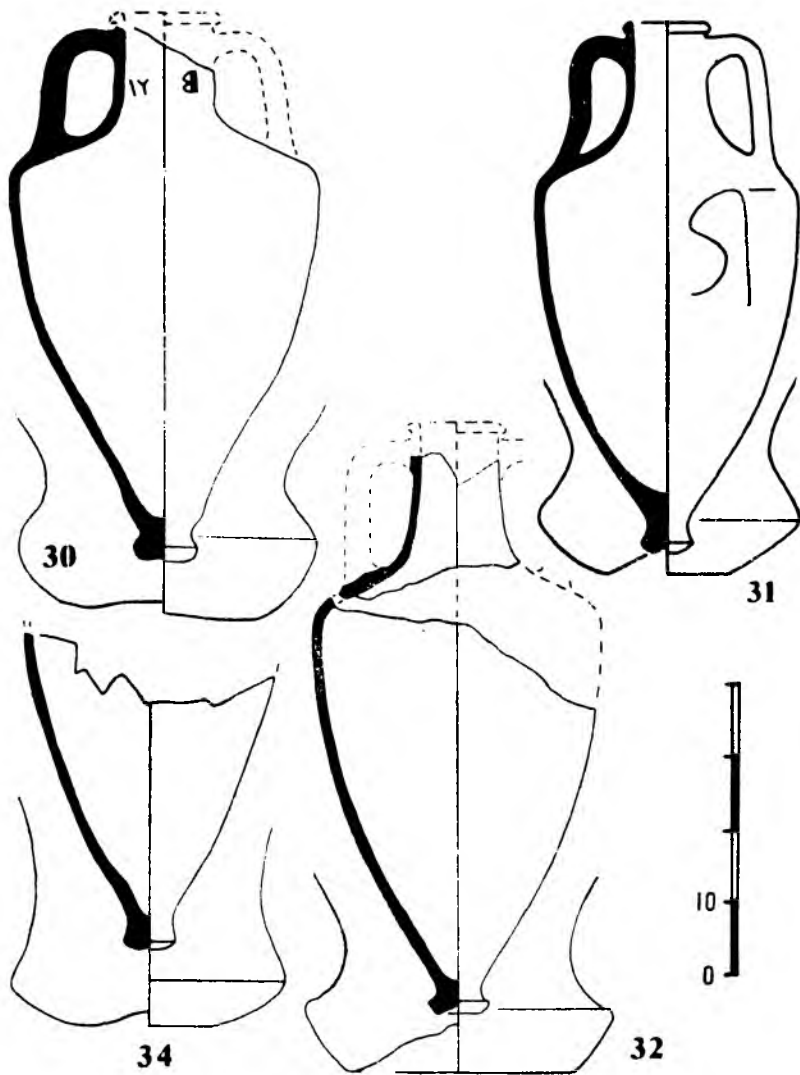

Табл. 9

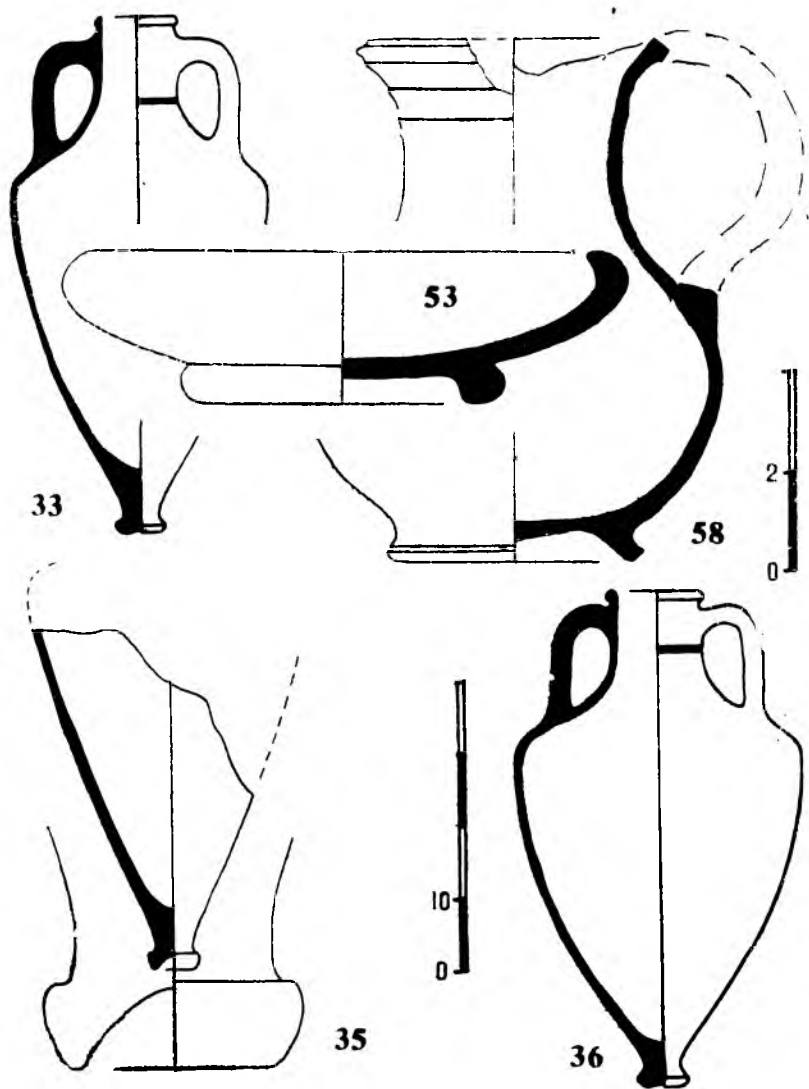
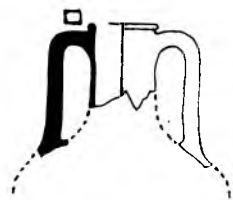
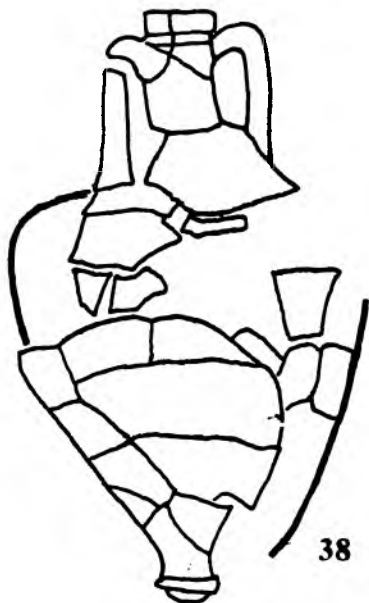

Табл. 10

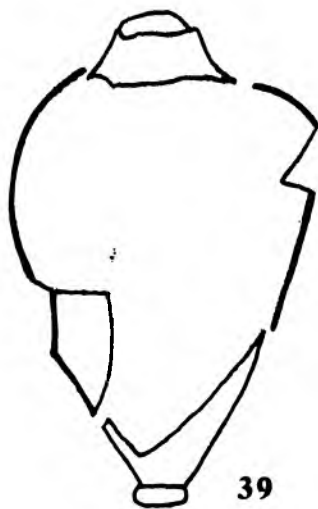
№ 19 АП

37

38

39

Табл. 11

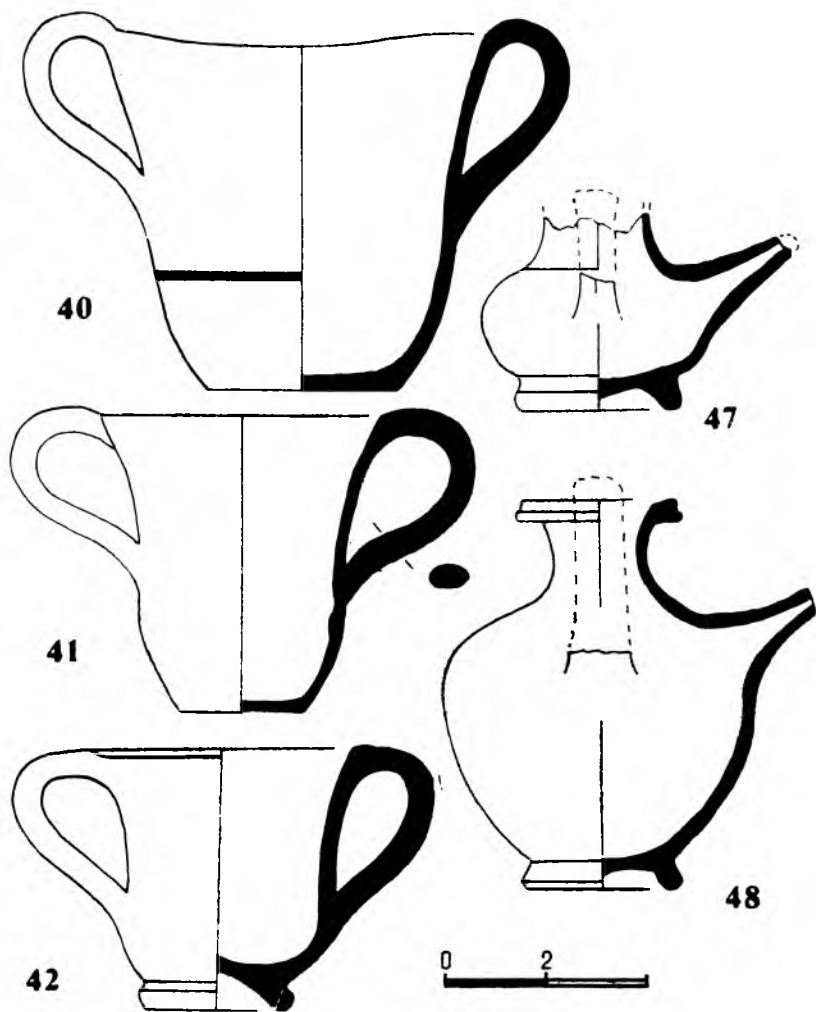

Табл. 12

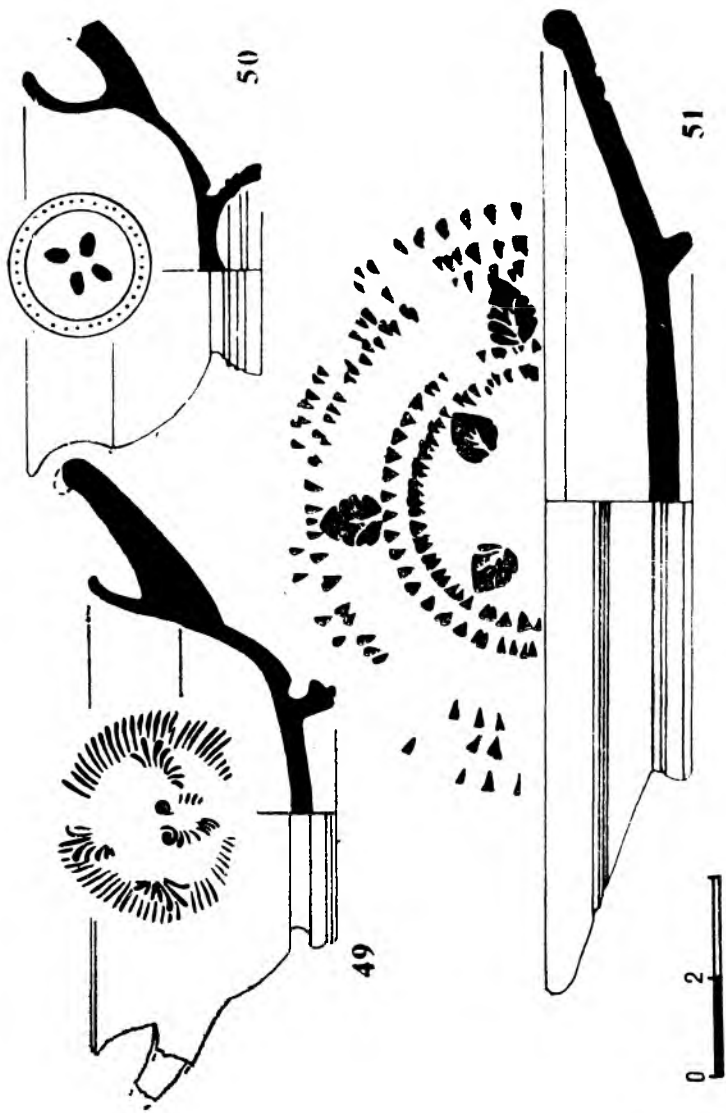

Табл. 13

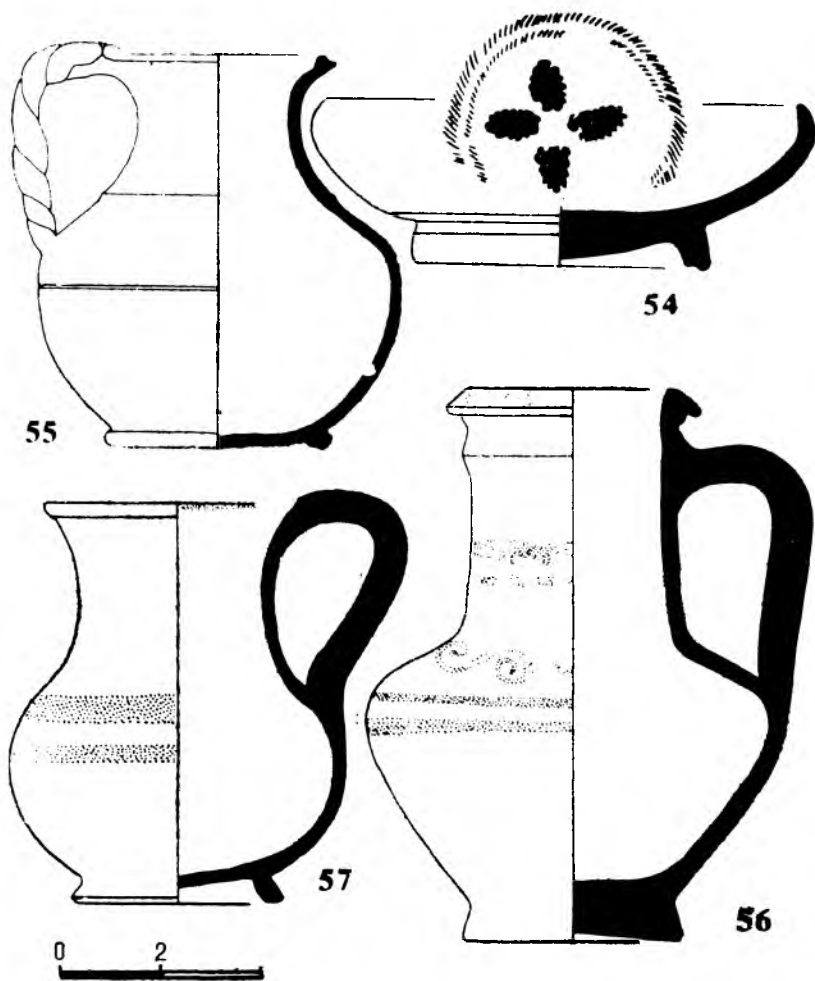

Табл. 14

АМФОРНЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ

№ п/п	Паспортные данные Инв. № п. о.	Дата	Центр производства	Параметры (мм)					Емкость (л)	Примечания
				H	H ₀	H ₃	D	d	d ₁	
1	ГХЗ, №3156. Косп.	к. VI—н. V	Абдеры (?)	453	438	91	254	70	94	8,70(м)
2	ГХЗ, п. о. 1/48. п. 1 (1937)	2/4—сер. V	Самос	—	605	133	311	~95	~124	20,38(м)
3	ГХЗ, № КП 272. В море	.	.	746	690	145	335	90	138	уступ на горле
4	ГХЗ, находка 1988 г. у базилики 1935 г.	2/4 V	.	~690	~650	~110	370	90	130	желобок на горле
5	ГХЗ, п. о. 8/60. п. 15 (1937 г.)	3/4 V (?)	Круг Са-моса	—	~840	255	~420	112	144	уступ на горле
6	ГХЗ, п. 17 (1937 г.)	1/2 IV	.	~810	~760	~230	~420	98	137	граф. Е (?)
7	ГХЗ, п. о. 6/39. п. 12 (1937 г.)	3/4 V	Хиос	~730	730	~200	~326	88	110	+ гуттус
8	ГХЗ, п. о. 7/40. п. 14 (1937 г.)	2/2 V	.	—	~770	235	~314	73	98	+ гуттус
9	ГХЗ, п. о. 4757. п. 1 (1936 г.)	сер IV	.	950	~850	350	~380	~90	~110	—
10	ГХЗ, п. о. 4803. п. 29 (1936 г.)	н. 2/4 IV	.	958	898	330	348	92	114	—
11	ГХЗ, п. о. 4804. п. 31 (1936 г.)	.	.	—	—	~300	348	88	108	—
12	ГХЗ, п. о. 4807. п. 81 (1936 г.)	сер. IV	Хиос	—	~840	305	355	~96	—	—
13	ГХЗ, п. о. 4768/31. п. 26 (1936 г.)	.	.	—	—	—	—	—	—	+ 2 канфара

№ п/п	Паспортные данные Инв. № п. о.	Дата	Центр производства	Параметры (мм)					Емкость (л)	Примечания
				H	H ₀	H ₃	D	Δ		
14	ГХЗ, п. о. 4810/23, п. 33 (1936 г.)	.	.	—	—	—	330	—	—	+ солонка + горшок
15	ГХЗ, п. о. 2/16, п. 8, (1936 г.)	.	.	—	—	—	—	—	—	—
16	п. 64 (1936 г.)	.	.	—	~820	~260	~360	—	~115	обмеры по полемым зарис. Стр. VВ
17	ГХЗ, п. о. 4805, п. 70 (1936 г.)	к. V	Средиз.	880	795	235	376	88	126	28,50(м)
18	п. 42 (1936 г.)	1/4 IV	.	990	—	280	400	—	—	обмеры по полемым зарис. Стр. VВ
19	ГХЗ, п. о. 4797, п. 5 (1936 г.)	.	.	~820	—	—	~340	—	—	обмеры по полемым зарис. Стр. VВ
20	ГХЗ, п. о. 4766/24, п. 17 (1936 г.)	1/2IV	.	—	—	170	~350	92	118	обмеры по полемым зарис. Стр. VВ
21	ГХЗ, п. о. 3/6, п. 6, 2/4—сер. IV (1937 г.)	2/4—сер. IV	Кинд (?)	813	768	200	380	102	167	31,06(м) граф. НВ ^
22	ГЭ, 1908, 807, п. 279—3	.	Солох- I*	492	467	115	291	94	142	12,21(м) + жел. перстень
23	ГХЗ, №18/36583, 1963 г.	.	Средиз.	—	~740	200	376	110	168	32,90(м)
24	ГХЗ, №4777, п. 43 (1936 г.)	.	Менда (?)	~680	—	—	~380	—	—	обмеры по полемым зарис. Стр. дипинги ΔI
25	ГХЗ, п. о. 4806, сер. IV, п. 80 (1936 г.)	сер. IV	Менда (?)	—	~660	~270	337	~95	—	—
26	ГХЗ, № КП 271, п. 11 (1938 г.)	1/3 IV	Гераклея	668	602	205	260	78	105	11,38(м) клеймо ΔIONYΣIO
27	ГХЗ, п. о. 4780/7, 2/4 IV, Возле п. 60 (1936г.)	2/4 IV	.	—	—	~260	—	68	92	треуг., ретрогр. клеймо ΠΛΣΕΑ ΕΠ ΕΙΓΑ

№	Паспортные данные Инв. № п. о.	Дата	Центр произ- водства	Параметры (мм)						Емкость (л)	Примечания
				H	H ₀	H ₃	D	d	d ₁		
28	ГХЗ. п. о. 4760. Во- зле п. 8, (1936 г.)	сер. IV	*	—	—	210	—	73	96	—	клеимо ДАМО
29	ГХЗ. № 431. Зап. некр. (1914 г.)	2/2 IV	Синопа	—	—	145	313	89	112	—	[— — —]
30	ГХЗ. п. о. 10/49. п. 16 (1937 г.)	сер.—3/4 IV	Херсонес IA-1	720	653	130	370	90	116	31,30(м)	граф. ИАΔΔΔΥ
31	ГЭ. X. 1965. 7. п. 7 (1965 г.)	"	*	730	650	150	350	90	118	—	дипинти M
32	ГХЗ. п. о. 4775/121. п. ? (1936 г.)	"	*	~770	~720	~180	~360	85	—	—	—
33	ГХЗ. п. о. 4809. п. 82 (1936 г.)	"	Херсонес IA-2	710	640	150	340	90	114	23,50	граф. K M+кув- шин и солонка
34	ГХЗ. п. о. 4763/17. п. 14 (1936 г.)	"	*	—	—	—	—	—	—	—	—
35	ГХЗ. п. о. 5/9. п. 11 (1937 г.)	"	*	—	—	—	~350	—	—	—	—
36	Зап. некрополь (1914 г.)	4/4 IV	Херсонес IA-3	~680	~620	~130	380	~105	~125	—	клеимо ΚΡΑΤΟΝΟΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ клеимо ΠΑΡΙΩΝ
37	ГХЗ. № 4/37118. п. 72 (1986 г.)	1/2 III	Парос	—	—	~140	—	72	92	—	ретроградно омеры по поле- вым зарис. Стр.
38	п. 41 (1936 г.)	к. V—1/2 IV	Средиз.	~780	—	—	~400	—	~100	—	омеры по поле- вым зарис. Стр.
39	п. 79 (1936 г.)	1/2—сер. IV	?	сохр. ~670	—	—	~400	—	—	—	омеры по поле- вым зарис. Стр.

Условные обозначения: Косц.— К. К. Косцюшко-Валюжинич; Стр.— С. Ф. Стрелецкий; к.— конец; (м)— математический расчет емкости по чертежу; н.— начало; сер.— середина.

ПРОЧАЯ КЕРАМИКА ИЗ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ

№	Категория. Инв. № п. о.	Параметры (мм)				Центр происхождения	Дата по аналогии	Погребение
		H	D	Двeнца	Дпол.			
40	Кубок. ГХЗ. № 3200	88—94	78	97—114	48	Хиос	2/2 VI—н. V	п. 5 (1912 г.)
41	Кубок. ГХЗ. № 371115	77	52	72	31	Иония (?)	2/2 V	п. 10 (1937 г.)
42	Кубок.	66—68	60	76	40	Херсонес (?)	1/2 IV	п. 1 (1945 г.)
43	Канфар. ГХЗ. п.о. 4758	56	55	56	30	Аттика	сер. IV	п. 1 (1936 г.)
44	Канфар. ГХЗ. № 21211	50	55	55	33	—→—	—→—	—→—
45	Гуттус. ГХЗ. п.о. 9/37	68	83	40	44	Иония	сер.—3/4 V	п. 15 (1937 г.)
46	Гуттус.	68	~68	~44	43	Средиз.	1/2 IV	п. 17 (1937 г.)
47	Гуттус. ГХЗ. п.о. 4778	сохр. 50	58	26	42	Херсонес	1/2 IV	п. 55 (1936 г.)
48	Гуттус. ГХЗ. № 36785	100	77	42	39	Средиз.	1/2 IV	п. 3 (1970 г.)
49	Килик. ГХЗ. № 5/36234	63	—	119	67	Аттика	1/4 IV	п. 3 (1945 г.)
50	Килик. ГХЗ. № 32278	60	88	102	53	—→—	—→—	п. 7 (1912 г.)
51	Тарелка. ГХЗ.	38	—	244	134	Аттика (?)	1/3 IV	п. 6 (1936 г.) ?
52	Солонка.	32	76	—	50	Аттика	2—3/4 IV	п. 33 (1936 г.)
53	Солонка.	40	~140	—	80	Аттика	2—3/4 IV	п. 82 (1936 г.)
54	Солонка. ГХЗ. № 534.	43	126	—	75	—→—	—→—	п. 15 (1913 г.)
55	Кувшин. ГХЗ. № 32898	106	90	57	56	Иония	4/4 V	п. 5 (1913 г.)
56	Кувшин. ГХЗ. № 29953	143	104	64	54	Херсонес	сер.—2/2 IV	п. 20 (1910 г.)
57	Кувшин. ГХЗ. № 35152	102	86	70	54	Иония	2/2 V	п. 32 (1936 г.)
58	Кувшин. ГХЗ. № 4792	136	104	78	64	Средиз. (?)	сер.—3/4 IV	п. 82 (1936 г.)

Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии

События последних веков до н. э., происходившие в степной зоне Восточной Европы к востоку от Дона, в Азиатской Сарматии, являются наименее изученными в истории кочевых племен. Мы имеем очень мало четких хронологических привязок изменений археологических культур и почти ничего не знаем о миграциях и взаимовлиянии племен.

Для решения первой проблемы ценным источником информации могут служить итальянские или провинциально-римские импортные изделия, в том числе бронзовая посуда, имеющие четкие хронологические привязки. В использовании импортов населением провинций и окружающей варварской периферии есть ряд существенных отличий. Учитывая время бытования вещи у производителей и новых хозяев, нужно с известной осторожностью подходить к использованию импортов в качестве датирующих реперов. Зачастую исследования показывают значительную разницу между относительной хронологией погребальных комплексов варварской периферии и абсолютной хронологией импортных изделий. И все-таки, работая с импортными предметами, имеющими хронологические и территориальные привязки, мы получаем иногда единственную возможность интерпретации некоторых памятников и попытки увязать их с данными письменных источников.

Одной из основных категорий импортных изделий, которые попадали в Сарматию из Римской империи, была бронзовая посуда. Ее исследованию посвящена обширная литература¹. При этом бронзовая посуда эпохи позднего латена никогда ранее специально не изучалась.

Сейчас в Сарматии известно 19 бронзовых сосудов этого периода, которые можно разделить на 6 типов, и крышка от сосуда, относимая к этой группе по форме атташа.

Наиболее значительную группу из шести сосудов составляют сковороды типа «Айлесфорд». Четыре из них найдены в погребальных комплексах, три из которых раскопаны в

¹ См., напр.: Шелов Д. Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // ААН. 1965. 17 : 1. С. 251 сл.; его же. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э. // ЗОАО. 1967. Т. II (35). С. 99 сл.; Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. 1970. Вып. Д 1-27; Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR. Int. Ser. 278). Oxford, 1986.

Прикубанье (рис. 1—2, 3) ², и одна из кургана у хут. Алитуб на Нижнем Дону (рис. 1—1) ³. Еще одна сковорода хранится в Краснодарском музее (Инв. Д-658, рис. 1—4), но место ее находки не известно ⁴.

Все сковороды достаточно стандартны. Стенки сосудов слегка расширяются к округлому или уплощенному дну, ручки горизонтальные, оканчиваются лебедьими головками. На венчике, в месте присоединения ручки, нанесен прочерченный орнамент. Все сковороды изготовлены по одной технологии, которая, согласно исследованиям Э. Мозера, состояла в выбивании или выдавливании сосуда из отлитого цилиндрического диска с ручкой ⁵.

Впервые сковороды типа «Айлесфорд» были описаны Г. Виллерсом ⁶, который считал их изготовленными в мастерских Южной Италии. По находкам в некрополе Орнавассо в погребениях с монетами 150—50 гг. до н. э. Г. Виллерс тем же временем датировал их производство.

Наиболее полным исследованием сковород типа «Айлесфорд» является работа И. Вернера ⁷. В ней не только учтены все известные автору находки и уточнено время появления сосудов, но и откорректирован вывод Г. Виллерса о месте их производства. Картирование находок позволило И. Вернеру уверенно говорить о Северной Италии как о районе их изготовления. Недавно, вновь обратившись к анализу кувшинов типа «Кельхайм», автор разделил их на два типа. Сковороды сосуществуют с обоими типами и, по мнению И. Вернера,

² Анфимов Н. В. Краснодарский историко-краеведческий музей // ВДИ. 1951. № 3. С. 202; *Его же*. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 184; Анфимов И. Н. Погребальный комплекс II в. до н. э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Там же. С. 194.

³ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 141.

⁴ Сковорода из Неслухова (Кропоткин В. В. Римские импортные изделия... № 837) найдена на поселении IV в. н. э., т. е. относящемся ко времени, когда подобные сосуды не употреблялись как минимум 300 лет. Поскольку обстоятельства находки не известны, сам сосуд утрачен, а Прикарпатье, где он найден, осуществляло контакты с Римом не через Сарматия. В этой работе сковорода из Неслухова не рассматривается.

⁵ Moser E. Bronzespiegel oder Halbfabrikat? // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1973. N. 7. S. 57.

⁶ Willers H. Die römischen Bronzeimer von Hemmoor. Hannover; Leipzig, 1901; Idem. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover; Leipzig, 1907. S. 19 f.

⁷ Werner J. Die Bronzekanne von Kelheim // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1954. N 20. S. 52 f.

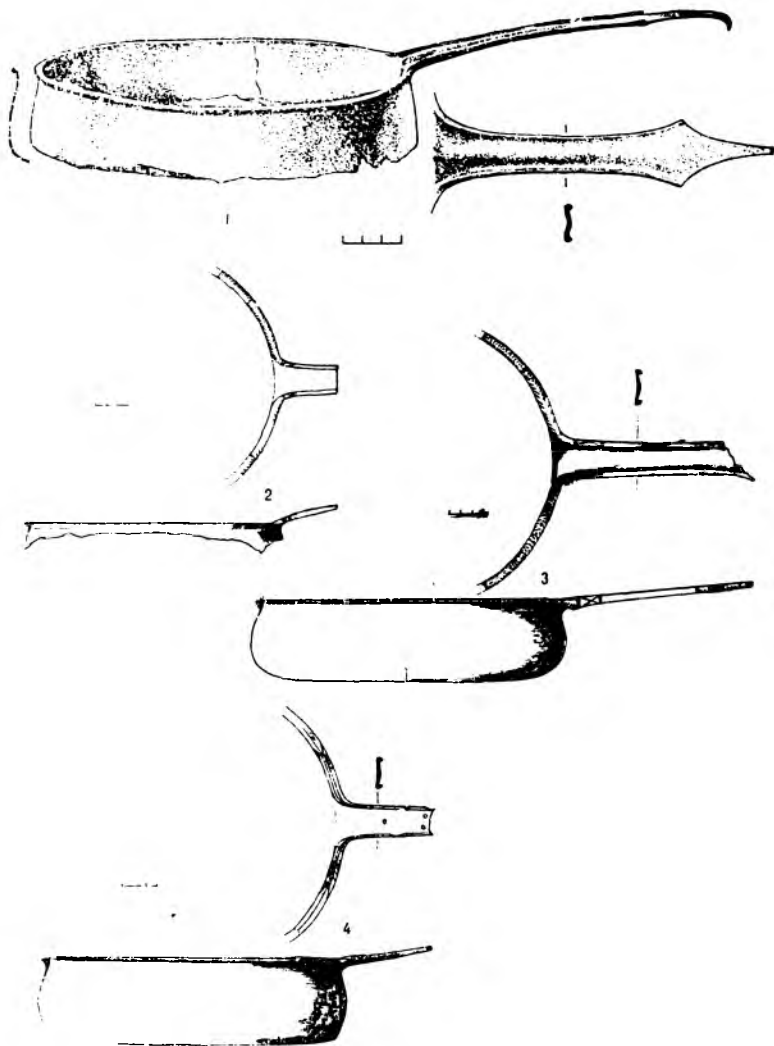

Рис. 1. Сковороды типа «Айлесфорд»:
 1 — Алитуб, 2 — Новоджерелиевская, 3 — Воронежская, 4 — Краснодар.

производились в течение всего I в. до н. э., точнее с 90 по 10 год⁸.

Анализ всех погребений в Орнавассо позволил составить колонку относительной и абсолютной хронологии и выделить шесть периодов в пределах II—I вв. до н. э., когда могильник использовался. Все погребения со скородами относятся ко второй хронологической группе и датируются 90—50 гг. до н. э.⁹ В работах последних лет заметна тенденция к омолаживанию комплексов со скородами типа «Айлесфорд». Так, погребение «В» из Велвина (Южная Англия), по И. Стиду, относится к 50—20 гг. до н. э.¹⁰ В работе, посвященной классификации и датировке скород «Айлесфорд», Р. де Маринис использовал только находки в Италии, что не могло привести и не привело к корректным выводам¹¹.

Описывая скороду из Алитуба, В. П. Шилов датировал ее II в. до н. э., используя устаревшие датировки Г. Виллерса¹². Это привело к созданию совершенно абсурдной картины, когда скороды из погребений в Сарматии появляются раньше времени их производства в Италии! Ошибка была повторена и авторами публикаций погребений из Элитного¹³ и Новоджерелиевской¹⁴. Это противоречие в большой степени является результатом отсутствия детально разработанной хронологии предметов местного производства.

Меньшую по количеству находок группу составляют кружки с плоским дном, вогнутыми стенками и утолщенным, горизонтально срезанным венчиком. Сосуды изготовлены на токарном станке, ручки у них литые, арбалетовидные, с верхним атташем, охватывающим устье двумя лебедиными головками. Нижний атташ сердцевидной формы, центральная часть ручки квадратная в сечении. Такие сосуды были И. Вернером выделены в тип «Идриа»¹⁵.

⁸ *Werner J.* Zur Bronzekanne von Kelheim // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 1978. N 43. S. 13.

⁹ *Graue J.* Die Gräberfelder von Ornavasso // *Hamburger Beiträge zur Archäologie*. 1974. Beiheft 1. S. 37, 170.

¹⁰ *Stead I. M.* La Tene III Burial at Welwyn Garden City // *Archaeologia*. 1967. Nr. 101. P. 51.

¹¹ *Marinis R.* De l'età Gallica in Lombardia (IV—I secolo A. C.): risultati delle ultime ricerche e problemi aperti // 2 Convegno archeologico regionale // *Atti. Como, 1984 (publ. 1986)*. P. 124 f. Выражаю искреннюю признательность М. Кастольди (Милан) за информацию о новых публикациях посуды периода позднего латена в Италии.

¹² *Шилов В. П.* Указ. соч. С. 142.

¹³ *Анфилов Н. Н.* Указ. соч. С. 195.

¹⁴ *Анфилов Н. В.* Курганный комплекс сарматского времени... С. 189.

¹⁵ *Werner J.* Die Bronzekanne... S. 54 f.

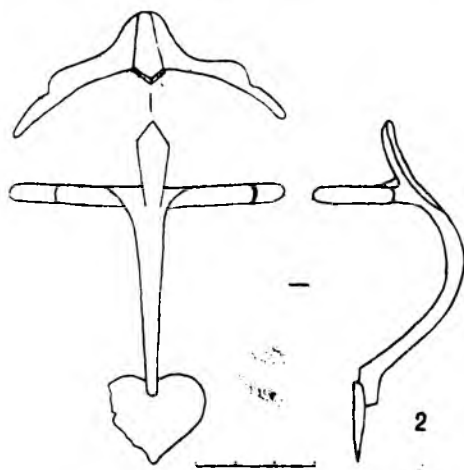

Рис. 2. Кружки типа «Идрья»:
1 — хут. Zubовский, 2 — Элитный

В Сарматии найдено четыре подобных сосуда. Два из них — из Зубовского хутора (рис. 2—1)¹⁶ и из Виноградного¹⁷ — хорошей сохранности, кружка из Элитного дошла до нас в обломках (рис. 2—2). Аналогичный сосуд, найденный в кургане у ст. Даховской и находившийся в Ростовском музее¹⁸, утрачен в 1941 году.

Ближайшие аналогии кружкам типа «Идрия» найдены в кельтских некрополях Северной Италии¹⁹. Недавно сосуд такой формы обнаружен в этрусской гробнице с урной, датированной первой третью I в. до н. э.²⁰ И. Вернер датировал кружки эпохой позднего латена и считал, что они производились как в Северной, так и в Южной Италии²¹. Эта широкая дата была уточнена И. Грауэ. В некрополе Орнавассо подобные сосуды встречаются в могилах того же хронологического горизонта, что и сковороды «Айлесфорд»²². Они составляют со сковородами устойчивый набор, использовавшийся, видимо, в ритуальных целях. Из наших находок только комплекс из Элитного дал подобное сочетание. Это очень интересный факт, поскольку в Сарматии в неразделенном виде сохранилось очень мало наборов импортной посуды, зачастую она попадала на дальнюю периферию античного мира сложными и долгими путями.

В пределах Римской империи находки кружек «Идрия» концентрируются в Северной Италии и Рейнских провинциях²³. Третьей областью их распространения является Северо-Восточное Причерноморье.

В погребениях Сарматии представлена еще одна группа сосудов, классифицированная Е. Мозером как «кувшины с изломом в нижней части тулова»²⁴. Максимальный диаметр тулова с ребром приходится на его нижнюю часть, дно плос-

¹⁶ Кротошкин В. В. Указ. соч. № 755.

¹⁷ Косяненко В. М., Максименко В. Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградного на Нижнем Дону // СА. 1989. № 1. С. 265.

¹⁸ Лукин Б. В. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского музея краеведения. 1940. Вып. 2. С. 39. № 25.

¹⁹ Werner J. Die Bronzekanne... Liste «D»; Tizzoni M. La cultura tardo La-Tène in Lombardia // Studi archeologici. I. Bergamo, 1981. P. 29. Tav. 20b.

²⁰ Notizie degli Scavi. Ser. VIII. Vol. 29. 1975. P. 27.

²¹ Werner J. Die Bronzekanne... S. 54.

²² Graue J. Op. cit. S. 103 ff.

²³ Werner J. Die Bronzekanne... Karte 1.

²⁴ Moser E. Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Volgograd // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1975. N 5:2. S. 135.

кое, венчик профилированный. Сохранившиеся ручки кувшинов из Кобани и Калиновки литые, верхние атташи в виде лебединых головок. Нижний атташ кобанского сосуда выполнен в виде маски²⁵, а калиновского — сердцевидной формы (рис. 3). Атташ сердцевидной формы был и у кувшина из Старогладковской (рис. 4). Подобные ручки близки ручкам кувшинов типа 122 Г. Эггера²⁶, которые И. Вернер отнес к группам «Орнавассо-Кьерумгард» и «Каппель-Кельхайм»²⁷. Время изготовления подобных кувшинов относится ко всему I веку до н. э. вплоть до 20—10 годов. Такая датировка основана на находках в Орнавассо²⁸ и в синхронных погребениях в Гоблинген-Носпельт²⁹ и Велвине³⁰. По Е. Веловейскому вне пределов Империи подобные сосуды использовались до периода ВIа, т. е. до первых десятилетий нашей эры³¹.

Рис. 3. Кувшин типа «Галларате»
из Калиновки

Рис. 4. Кувшин типа «Галларате»
из Старогладковской

²⁵ Кротошкин В. В. Указ. соч. Рис. 60*—6.

²⁶ Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgesch. Hamburg, 1951. Beil. 11.

²⁷ Werner J. Zur Bronzezeit... S. 6 f.

²⁸ Grane J. Op' cit. S. 103 f.

²⁹ Haffner A. Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1974. N 4: 1. S. 63.

³⁰ Stead I. M. Op. cit. P. 51.

³¹ Wielowiejski J. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen // Bericht RGK. 1985. N 66. S. 173.

Наши сосуды составляют особую группу в типе 122 Эггерса, к которому их можно отнести только по форме ручек, в остальном они имеют несколько существенных отличий. Изготовлены из тонкого листа бронзы, не имеют следов обработки на токарном станке, горизонтально срезанный венчик отогнут наружу. Подобные сосуды были М. Тиццони выделены в отдельный тип «Галларате», названный по одной из находок в Италии³². И хотя сам автор об этом не пишет, выбранный им топоним с прозрачной кельтской основой дополнительно подчеркивает культурную принадлежность подобных кувшинов.

Мне известно 15 подобных кувшинов. Из них 10 найдены в погребениях в Орнавассо, Джубиаско и Монтефьясконе³³, Мещано и Галларате³⁴, в Вольтерре³⁵. Сосуд из Филипповцев содержал клад позднеереспубликанских монет³⁶. Четыре сосуда, вероятно, из Кампании, хранятся в Эрмитаже (Инв. В. 565, В. 611, В. 1967) и в музее в Неймегене³⁷. Картирование демонстрирует концентрацию находок кувшинов типа «Галларате» только в двух районах: в Северной Италии и в Восточно-Европейских степях.

В Сарматии были найдены три ведра типа «Баргфельд» по Д. Бресчаку³⁸. Сосуды имеют плоское дно, почти горизонтальные плечики и высокое горло. Они снабжены железными петлевидными атташами для железной мобильной ручки. Подобная ручка, загнутые концы которой выполнены в форме лебединых головок, сохранилась у ведра из Кореновска (Краснодарский музей, Инв. 3843/7). Ведро из коллекции Новочеркасского музея имеет изготовленное отдельно и припаянное дно.

Ведра типа «Баргфельд» (Эггерс, тип 21-22) относятся к одному из наиболее долго употреблявшихся типов бронзовой посуды. Они происходят из погребений периода позднего латена из Гоблинген-Носпелт³⁹, Орнавассо⁴⁰, из кельтского

³² Tizzoni M. Op. cit. P. 19.

³³ Graue J. Op. cit. S. 28.

³⁴ Tizzoni M. Op. cit. P. 14 ss.

³⁵ Notizie degli Scavi. Ser. VIII. Vol. 26. 1972. P. 94.

³⁶ Raev B. A. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht RGK. 1977. N 58. S. 609.

³⁷ Boesterd M. H. P. The Bronze Vessels. Description of the collections in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. V. Nijmegen, 1956. N 273.

³⁸ Brescak D. Anticno bronasto posodje Slovenije // Situla. 1982. 22/1. P. 17.

³⁹ Haffner A. Op. cit. Abb. 3 — 1.

⁴⁰ Graue J. Op. cit. Taf. 75 — 3.

некрополя близ Идрии⁴¹. В позднем латене они распространяются на север до Скандинавии. В то же время А. Радноти⁴² и М. Бестерд⁴³ отмечали их существование вплоть до 200 года н. э.

Кореновский сосуд происходит из разрушенного погребения. В Марьевке ведро было найдено совместно со шлемом типа «Монтефортино» и с набором узды. Этой находке посвящена специальная работа, автор которой датирует комплекс серединой I в. до н. э.⁴⁴ Новочеркасский сосуд, вполне вероятно, происходит из такого же комплекса ведро/шлем⁴⁵.

В 1982 г. в Прикубанье были найдены во фрагментах два ведра редких типов. Одно было вымыто из берега р. Кубань у г. Краснодара. Ведро имеет утолщенный горизонтально срезанный венчик, прямые, сужающиеся ко дну стенки, плоское дно и две литые прямоугольные в сечении дуговидные ручки, концы которых выполнены в форме цветочных бутонов. Аttaши выступают над краем сосуда, декорированы растительным орнаментом. Ниже атташей на корпусе сосуда — сердцевидный рельефный орнамент. Детали растительного орнамента инкрустированы вставками серебра (рис. 5—1).

А. Радноти, описывая единственную подобную находку в Паннонии, затруднялся определить ее дату, поскольку не нашел ей аналогий⁴⁶. Он сравнивал ведро с аналогичными сосудами тарентинского типа IV—II вв. до н. э. и, исходя из многочисленных находок последних в Болгарии, предположил возможность их изготовления в других эллинистических центрах. Последний вывод представляется слабо аргументированным, поскольку болгарские находки относятся к другим типам.

Г. Цальхаас выделила подобные ведра в тип «А» и датировала их II—I вв. до н. э.⁴⁷ Если учесть упоминавшуюся

⁴¹ Szombathy J. Das Gräberfeld zu Idria bei Baca // Mitt. Prähist. Kommission. 1901. S. 328.

⁴² Radnoti A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien: Diss. Pann. Ser. II. N 6. Budapest, 1938.

⁴³ Boesterd M. H. P. Op. cit. P. 39 f.

⁴⁴ Трейстер М. Ю. Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина (датировка и интерпретация) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1986 г. М., 1987. С. 12 сл.

⁴⁵ Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 131.

⁴⁶ Radnoti A. Op. cit. S. 105 f.

⁴⁷ Zahlhaas G. Grossgriechische und römische Metalleimer: Diss. München, 1972. Liste A.

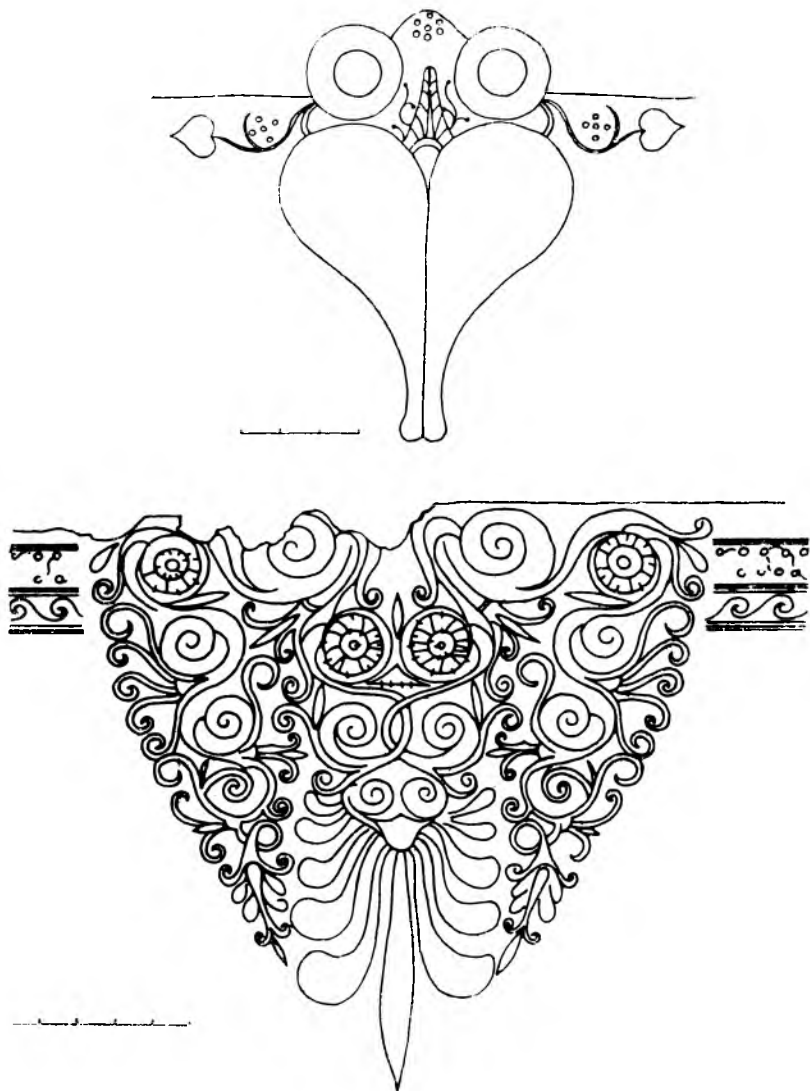

Рис. 5. Декор атташей ведер типа «А»: 1 — хут. Ленина, 2 — Рассвет

выше тенденцию омолаживания бронзовых сосудов периода позднего латена, можно скорее говорить о второй половине этого периода как наиболее вероятном времени изготовления ведер типа «А». Впрочем, уникальность находок не позволяет и сейчас с уверенностью судить о времени и месте производства подобной посуды.

Второе ведро аналогичной формы, но с изготовленным отдельно и припаянным дном, прямоугольными в сечении дужками-ручками, загнутые концы которых выполнены в форме бутонов. Оно найдено в погребении в кургане у ОПХ «Рассвет»⁴⁸. Под венчиком с наружной стороны проходят два пояса геометрического орнамента в виде двойной «плетенки», которые под атташами разорваны двумя участками растительного орнамента лировидной формы (рис. 5—2). Атташи поднимаются над краем сосуда, утолщены, внешняя сторона их украшена рельефным циркульным орнаментом.

Подобные ведра были широко распространены на всей территории греко-римского мира в последние века до н. э. Г. Эггерс выделил их в тип 52 и по сопровождающим находкам из закрытых комплексов отнес к позднему латену⁴⁹. Г. Цальхаас относит их к типу «А». Наиболее близкие нашему ведре из Вальдальгесхайм и Кельдби, вероятно, были изготовлены в Таренте в период с 375 по 300 гг. до н. э.⁵⁰. Прототипы ведер типа «А» найдены в Греции.

В исследовании В. Шьеринга в основу классификации подобных ведер были положены различия в форме ручек, что позволило автору выделить два типа⁵¹. Первый, тип «А», имеет ручки, концы которых выполнены в форме лебединых головок; второй, тип «В», у которого концы ручек утолщены. В. Шьеринг выделил несколько вариантов типа «А», различающихся орнаментом под атташами. Наш сосуд является переходным типом, поскольку сочетает характерные для позднего варианта «А» лировидный орнамент и сердцевидные фигуры под атташами с утолщениями на концах ручек.

Сосуд из Калиновки (рис. 6) относится к очень редким

⁴⁸ Волкодав Н. В. Курган эпохи бронзы на территории ОПХ «Рассвет» // Материалы к научно-практич. семинару археологов. Краснодар, 1984. С. 6.

⁴⁹ Eggers H. J. Op. cit. Typ. 52.

⁵⁰ Zahlhaas G. Der Bronzeimer von Walldalgesheim // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1971. Bd. I. H. 2. S. 122, 124.

⁵¹ Schiering W. Zeitstellung und Herkunft der Bronzesitula von Walldalgesheim // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1975. Bd. V. H. 1.

типам. Одна из его сохранившихся ручек литая, снабжена в верхней части шарниром для крышки, нижний атташ сердцевидной формы. Описывая находку в одной из последних публикаций, В. П. Шилов отметил ее близость александрийским металлическим сосудам⁵². Не сделав, впрочем, никаких ссылок, автор как бы подтвердил то, что ничего подобного в александрийской металлической посуде нет.

Рис. 6. Сосуд из Калиновки

Е. Мозер сообщает о трех подобных сосудах (амфорах?), хранящихся в музеях Берна и Шпайера⁵³, и датирует сосуд из Калиновки периодом позднего латена. На близость нашего экземпляра позднелатенским образцам кельтского круга из Северной Италии указывает и форма атташа, аналогичная атташам кружек типа «Идриа» и кувшинов «Галларате».

Форма атташа является единственным признаком, по которому к группе позднелатенской посуды можно отнести

⁵² Шилов В. П. Указ. соч. С. 143.

⁵³ Moser E. Op. cit. Anm. 16.

крышку сосуда из Песчаного (рис. 7) ⁵⁴. Она изготовлена из тонкой бронзы давлением на токарном станке, литой атташ присоединен заклепками. В месте присоединения атташ имеет форму трилистника с отогнутыми боковыми отростками. Подобные атташи характерны для ведер типа 19 по Г. Эггерсу, датирующихся I в. до н. э. ⁵⁵. Аналогий крышке нет, и о сосуде, которому она принадлежала, ничего сказать нельзя.

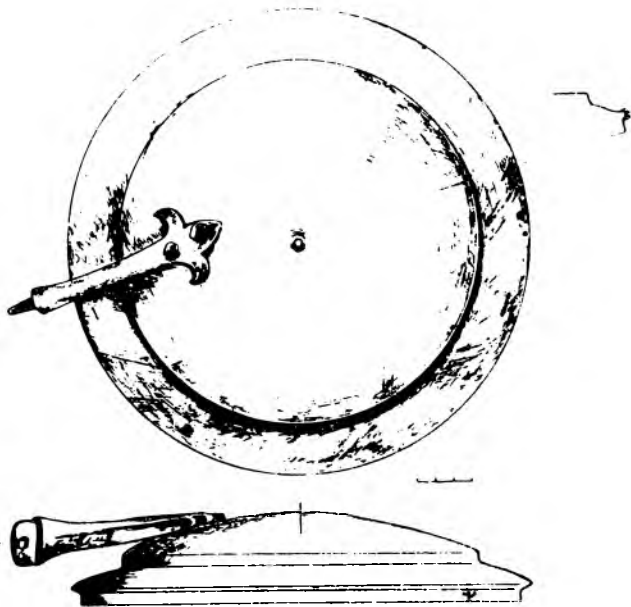

Рис. 7. Крышка сосуда из Песчаного

зя, кроме его больших размеров, если судить по диаметру сохранившейся детали. Может быть, эта крышка принадлежала котлу, типа найденного в кургане у ст. Михайловской в Прикубанье ⁵⁶.

Анализируя карту распространения находок бронзовой посуды эпохи позднего латена в Европе, включая варварскую

⁵⁴ Ждановский А. М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 108.

⁵⁵ Eggers H. J. Op. cit. Beil. 9.

⁵⁶ Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 230. Рис. 6 — 3.

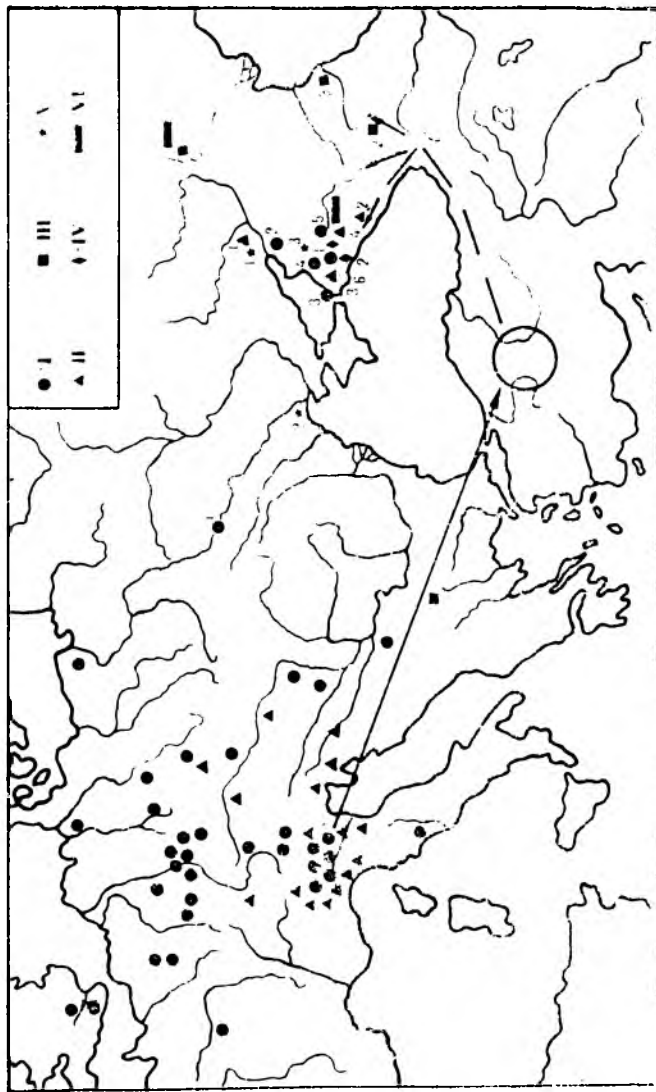

Рис. 8. Карта распространения находок некоторых типов бронзовой посуды позднего латена в Европе (по И. Вернеру, 1954, с дополнениями автора):

I — сквороды типа «Айлесфорд»: 1 — Неслухов, 2 — Алитуб, 3 — Элитный, 4 — Новоджерселевская, 5 — Воронежская, 6 — Краснодар; II — кружки типа «Идрица»: 1 — Виноградный, 2 — Давыдовская, 3 — Элитный, 4 — Зубовский; III — Кушины типа «Галларте»: 1 — Калининка, 2 — Кобань, 3 — Старогладовская; IV — ведра типа «А»: 1 — хут. Ленна, 2 — Рассвет; V — ведра типа «Баргфельд»: 1 — Новочеркасск, 2 — Марьевка, 3 — Кореньев; VI — сосуд из Калининки и крышки из Песчаного

периферию в ее юго-восточной части (рис. 8), можно сделать некоторые выводы. Во-первых, бросается в глаза концентрация находок в Прикубанье. В Сарматии к северу и к западу от этого региона число находок незначительно. Можно предположить, что импортная посуда распространялась в Азиатской Сарматии из Закавказья, поскольку в Северном Причерноморье ее находок нет. В Сарматии есть некоторые типы посуды, которые не встречаются на территории провинций. В первую очередь, это кувшины типа «Галларате», найденные только в Северной Италии, в Предкавказье-Прикубанье и единственный экземпляр — в Нижней Мезии.

Накопленный материал позволяет мне без сожалений отказаться от сформулированного более 10 лет назад вывода о том, что подобные сосуды проникали в степи Восточной Европы через Дунайские провинции⁵⁷. Представляется, что эти сосуды маркируют пути проникновения импортов из Северной Италии в Сарматию через Малую Азию. Товары поступали не только через Дарьяльский проход, как это было в первые века н. э., когда в Южнорусских степях кочевали аланы, но и через перевалы Западного Кавказа. Находки сосудов в долинах рек северного склона Кавказа ясно обозначают пути их проникновения.

Можно также судить об исторических событиях, связанных с распространением позднелатенских импортов. За исключением упоминавшегося набора кувшин/сковорода из Элитного, остальные сосуды были найдены отдельно, на огромном расстоянии от места их изготовления в Северной Италии. Некоторые из них имеют следы ремонта. Все датированные комплексы с посудой укладываются в рамки I в. до н. э., по преимуществу в его вторую половину. У нас нет никаких указаний на проникновение римских торговцев вглубь степей Восточной Европы в последний век до н. э. и в первые века н. э. Видимо, пути поступления импортов были иными.

В I в. до н. э. кочевники Сарматии могли иметь контакты с кельтами только в Малой Азии. В армии Митридата VI находились сарматские формирования. Аппиан называет их скифами и сарматами, живущими вокруг Меотиды.

Бойска Митридата VI несколько раз разоряли Азиатские провинции, включая Галатию, район обитания азиатских кельтов, которые на протяжении всего позднего латена подерживали контакты с европейскими кельтами. Такой путь

⁵⁷ *Raev B. A. Die Bronzegefäße... S. 609.*

представляется наиболее вероятным для распространения позднелатенского импорта в степях Сарматии.

В любом случае мы вправе сделать вывод о распространении кельтских вещей Северо-Италийского производства не через Дунайские провинции, а через Малую Азию и Кавказ. Этот вывод необходимо подкрепить анализом распространения других категорий импорта (фибул, стеклянной посуды, оружия), но это уже задача отдельного исследования.

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Н. ПАРФЕНОВ

«Злая мачеха дома Цезарей»
(исторический очерк)

«При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг»

А. Авторханов

Вынесенная в заглавие этого очерка нелестная характеристика, которую дал великий римский историк Корнелий Тацит, относится к Ливии Друзилле, жене Цезаря Августа и матери его преемника, императора Тиберия. Наделяя Августа разного рода демоническими свойствами, исследователи зачастую упускают из виду ту роль, которую в формировании политики первого принцепса играло его окружение. Наиболее стабильным элементом этого окружения и была Ливия, третья по счету жена Августа, который был ее вторым мужем.

Дочь Ливия Друза Клавдиана, приемного сына Ливия Друза, знаменитого защитника италиков, Ливия Друзилла родилась 30 января 58 г. до н. э. Ее детство и отрочество пришлось на годы гражданских смут, переросших в войну между Цезарем и сторонниками республиканского строя. Непосредственно ее эти события не коснулись, и, получив обычное для девочек из аристократических семей домашнее образование, в обычном для молодых римлянок возрасте, в пятнадцать лет, она вышла замуж за Тиберия Клавдия Нерона. Муж был много старше нее, принимал активное участие в гражданской войне на стороне Цезаря, но после убийства последнего высказался за награждение убийц. К счастью для него, это высказывание осталось без последствий.

16 ноября 42 г. до н. э. у Ливии родился сын, назван-

ный, как и его отец, Тиберием. В том же году она лишилась своего отца — Ливий Друз сражался при Филиппах на стороне республиканцев и после разгрома Брута и Кассия покончил с собой, не желая сдаваться торжествующим победителям, одним из которых был будущий муж его дочери¹) Тиберий Нерон участия в этих событиях не принимал, ему, похоже, не угрожал свирепствовавший в Италии террор цезарианцев. Однако, когда в 41 г. до н. э. вспыхнуло восстание экспроприированных италийских землевладельцев против Октавиана, вошедшее в историю под названием Перузинской войны, Тиберий Нерон, занимавший тогда должность претора, имел неосторожность примкнуть к этому движению. После победы Октавиана ему, как и многим другим, пришлось бежать на Сицилию. Хозяином этого острова был тогда Секст Помпей, сын Помпея Магна и обладатель великолепного флота. Помпей-младший, корабли которого крейсеровали вдоль берегов Италии и подбирали беглецов, оставался после гибели Брута и Кассия единственной надеждой всех противников военной диктатуры цезарианцев. Однако Нерон, который оказался на острове вместе с женой и младенцем-сыном, встретил у морского властелина холодный прием. Уязвленный этим, аристократ (надменность вообще была фамильной чертой Клавдиев) переправился с семьей на Балканы и объявил себя сторонником Антония. Вместе с ним он и вернулся в Рим в 40 г. до н. э. (благо Октавиан объявил перед этим амнистию для своих бывших противников, исключив из нее лишь убийц Цезаря). Для его брака возвращение оказалось роковым — вскоре Октавиан, который вообще не мог пропустить ни одной хорошенькой женщины, обратил на Ливию свое благосклонное внимание.

Будущий автор сурового «закона Юлия о прелюбодеяниях» в молодости многократно грешил против его положений, и Скрибония, его вторая жена, получила развод (причем в тот день, когда родила ему дочь) главным образом из-за того, что устраивала сцены ревности — сам Август в мемуарах писал, что развелся с ней, «устав от ее дурного нрава»². Связь с Ливией не постигла, однако, судьба иных ув-

¹ Ливий Друз покончил с собой, предварительно приказав вырыть в собственной палатке могилу. Такая предусмотрительность не была излишней: тела казненных после битвы по приказу триумвиров республиканцев были брошены без погребения, что, по представлениям древних, обрекало души мертвецов на вечные мучения.

² Светоний цитируется в переводе М. Л. Гаспарова, Тацит — в переводе А. С. Бобовича.

качестве своеобразного военного трофея после смерти патрона в 30 г. до н. э. Надо полагать, этот медик, прошедший «стажировку» при дворе Клеопатры (кстати, царица и сама занималась испытанием действия различных ядов), хорошо подходил для выполнения деликатных поручений императрицы. Впрочем, несмотря на подобного рода догадки, причастность Ливии к смерти Марцелла доказать невозможно.

После кончины Марцелла, казалось, наиболее предпочтительной кандидатурой для нового брака Юлии был Тиберий, старший пасынок Августа. Однако принцепс предпочел иную матримониальную комбинацию, выдав (после длительных раздумий) дочь замуж за своего ближайшего сподвижника Марка Агриппу, хотя тот вполне годился в отцы юной вдове. По словам Диона Кассия, в этом решении Августа утвердил его друг и советник, знаменитый Меценат, который сказал, что благодаря Августу Агриппа возвысился до такого положения, что теперь должен либо стать зятем принцепса, либо умереть.

Новый брак Юлии оправдал возложенные на него Августом надежды: в 20 г. до н. э. она родила сына, названного, как и дед, Гаем, а через три года появился на свете еще один мальчик, получивший имя Луция. Сразу после его рождения Август усыновил обоих внуков, приобретя путем этой процедуры сразу двух наследников. Таким образом, нельзя не признать, что, если Ливия строила иные династические планы, то они потерпели сокрушительное поражение.

Но императрица умела выжидать. Она с достоинством играла роль «первой леди» Рима и исподволь все более прибирала Августа к рукам, умело потакая слабостям супруга. В частности, Ливия в угоду сластолюбию стареющего тирана повсюду покупала молоденьких рабынь, большим любителем которых был Август. В то же время император настолько ценил ее мнение, что перед разговором с ней по наиболее важным вопросам даже заранее составлял конспект беседы.

Тем временем выросли сыновья Ливии: старший уже заявил о себе как подающий большие надежды на военном и дипломатическом поприще, младший, любимец матери и отца, быстро нагонял брата, занимая вслед за Тиберием все более высокие государственные должности. В 15 г. до н. э. им обоим было доверено окончательное покорение альпийского региона, а вскоре неожиданная смерть Агриппы (13 г. до н. э.) открыла перед ними головокружительные перспективы. Тиберию было приказано развестись с Випсанией Аг-

риппиной, дочь Юлии, и жениться на Юлии, его вдове. Брак был заключен против воли обеих сторон и оказался на редкость неудачным, быстро вызвав взаимную ненависть, откровенную со стороны не привыкшей стесняться себя в чем-либо Юлии, глухую, но тем более упорную со стороны Тиберия, который не мог позволить себе проявить свои чувства открыто. Впрочем, Август не был расположен обращать внимание на такого рода «мелочи», возлагая главные надежды на Гая и Луцию Цезарей; Тиберию, их отчиму, отводилась роль временного местоблюстителя — до возмужания юных «принцев крови».

Из обоих сыновей Ливии предпочтение явно отдавалось Друзу: хотя внешне возрастная субординация соблюдалась — если Тиберий впервые стал консулом в 13 г. до н. э., то Друз — лишь спустя четыре года, ибо был на четыре года младше брата, но именно Друз был назначен сонаследником Августа вместе с Гаем и Луцием, о чем принцепс заявил вполне официально. Столь очевидная симпатия к младшему пасынку заставляет вспомнить светские сплетни, сопутствовавшие рождению Друза — что истинным отцом его был сам Август³. В последующие годы, когда Тиберий выполнял ответственную, но тяжелую и неблагодарную задачу покорения племен севера Балканского полуострова вплоть до Дуная, римские орлы были победоносно пронесены под предводительством Друза от Рейна до Эльбы, а римский флот, тоже под его началом, вышел в Северное море и достиг Балтики. Однако Друзу было не суждено стать вторым Александром Великим и выполнить планы Августа по завоеванию мира: трагическая случайность оборвала жизнь молодого полководца, метеором сверкнувшего на римском политическом небосклоне⁴.

³ Думается, что эта версия получает косвенное подтверждение в том факте, что очередным супругом Юлии был избран не он, хотя было общеизвестно, что благоволил Август именно к открытому и общительному Друзу, а замкнутого и надменного Тиберия не жаловал. Дело в том, что фактически Юлия была сводной сестрой Друза, так что его женитьба на ней исключалась.

⁴ В 9 г. до н. э. легионы Друза дошли до Эльбы. Легенда рассказывает, что, когда он, стремясь к пределам ойкумены, решил форсировать реку, ему предстала женщина исполинского роста и изрекла: «Куда же ты спешишь, ненасытный Друз? Не суждено тебе познать абсолютно все. Но уходи — ведь и у тебя близится конец и подвигам, и жизни». После этого Друз повернул назад. На обратном пути он упал с лошади (римские седла того времени были без стремян), результатом чего был сложный перелом бедра. Тогдашняя медицина оказалась бессильной: умер Друз, очевидно, от гангрены.

личия»⁸. А дело, несомненно, заключалось в том, что Ливия, воспользовавшись тем, что нарушительницей «закона Юлия о прелюбодеяниях» стала дочь высшего магистрата и верховного жреца, сумела склонить Августа к тому, чтобы обрушить на несчастную женщину всю тяжесть возмездия. Первый удар по дому Юлиев был сделан — руками главы этого дома.

Следующая крупная победа Ливии — возвращение Тиберия в Рим. Главным препятствием здесь была воля Гая Цезаря, так как Август твердо решил без его согласия ничего не предпринимать по этому делу. Молодой человек, с детства привыкший к раболепию окружающих, холодно относился к отчиму: Светоний сохранил свидетельство о том, что, когда однажды на пиру у Гая Цезаря зашла речь о Тиберии, один из присутствовавших заявил, что пусть только Гай прикажет, и он привезет ему с Родоса голову «изгнанника». Даже с учетом того обстоятельства, что компания, видимо, была изрядно захмелевшей, эта фраза — хорошее свидетельство общего тона, в котором шел разговор.

Когда Гай прибыл на Восток в качестве наместника восточных провинций и полномочного представителя Августа, Тиберий счел необходимым прибыть на Самос, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, но встретил неприязненный прием. Однако вскоре Гай смягчился, может быть, ненадолго, но Ливии этого хватило — его разрешение на возвращение Тиберия в Рим было получено, правда, при обязательном условии больше не заниматься политической деятельностью. И бывший лучший полководец Империи целиком погрузился в свои частные дела и воспитание Друза, сына от первой жены⁹.

Решающие события не заставили себя ждать: Луций Цезарь, которого Август направил на военную стажировку в Испанию, внезапно умирает по дороге туда (20 августа 2 г. н. э.).

⁸ Закон «об оскорблении величия римского народа», принятый некогда по инициативе мятежного народного трибуна Аппулея Сатурнина, стал страшным орудием в руках императорской власти. В условиях, когда воплощением «величия римского народа» считался сам император, обвинить в нарушении этого закона (что грозило смертью или в лучшем случае изгнанием) можно было фактически за любое неосторожное слово, не говоря уже о поступке.

⁹ Випсания была единственной, кого искренне и глубоко любил этот надменный нелюдь. Тиберий развелся с ней по приказу Августа, и можно догадываться, что творилось в его душе. Случайно встретив однажды бывшую жену на улице, он проводил ее взглядом, полным слез. После этого были приняты меры, чтобы они никогда больше не встречались.

а спустя всего восемнадцать месяцев, 21 февраля 4 г., смерть уносит и Гая, главную надежду Августа¹⁰.

Внешне Август стойко перенес потерю внуков, но едва ли можно сомневаться в том, что у него произошел глубокий психологический надлом, расчетливо использованный Ливией в своих интересах. Теперь принцепс напоминал шахматиста, который вынужден делать те ходы, что диктует ему упорный и беспощадный противник.

Спустя четыре месяца после смерти Гая Цезаря, 26 июня 4 г., состоялась церемония усыновления Тиберия Августом — теперь сын Ливии перешел в род Юлиев и стал именоваться Тиберием Цезарем. Главная цель императрицы была достигнута, но борьба еще не кончилась. Август, фактически не имевший уже свободы выбора, все-таки упорно цеплялся за выстраданный им династический принцип: одновременно с Тиберием он усыновил Агриппу Постума, единственного теперь сына Агриппы и Юлии, родившегося уже после смерти отца. Кроме того, непосредственно перед этим Август приказал Тиберию усыновить Германика, который был сыном Друза, покойного брата Тиберия. Таким образом, юный любимец римлян, названный по имени покоренной его отцом страны, тоже стал Цезарем, как, впрочем, и родной сын Тиберия Друз. Но Германика Август отличал особенно, что не удивляет, если вспомнить, что по отцу он был хотя и «неформальным», но родным внуком императора.

Ливия, бабушка Германика, должна была вполне одобрить выбор мужа (интересно, что в жилах Германика текла кровь не только ее собственная и Августа, но и Марка Антония). Напротив, Агриппа Постум был плоть от плоти ненавистой Юлии, и судьба его была предрешена. Скомпрометировать неопытного и фактически беззащитного юнца особого труда не составляло, и уже в следующем, 5 году, он был отправлен в ссылку за непочтительное отношение к Августу и особенно к Ливии. Август от него отрекся, а сенат объявил его внука

¹⁰ Он был ранен в 3 г. во время боевых действий в Армении, причем поначалу рана не казалась особенно опасной. Однако (не в результате ли проводимого лечения?) со временем его состояние все более ухудшалось. Гай даже написал Августу, что не желает более заниматься государственной деятельностью и намерен навсегда остаться в Сирии. Принцепс в ответном письме беспрекословно соглашался на все его условия и буквально умолял горячо любимого внука прибыть в Италию, чтобы увидеть его. Гай против собственной воли все-таки отправился в дорогу, но ему было не суждено увидеться с Августом на этом свете: в ликийском городе Лимире (юго-запад Малой Азии) его настигла смерть.

государственным преступником, подлежавшим пожизненно-му содержанию под стражей. Победа Ливии была закреплена тем, что в 8 г. была осуждена и отправлена в ссылку сестра Агриппы Постума Юлия Младшая — по тому же обвинению, что и ее мать. Тогда же совершенно неожиданно для себя был вызван к Августу и получил приказ отбыть на далекую черноморскую окраину Римской державы первый поэт Рима, «певец любви, певец богов» Овидий, которому тоже было суждено умереть в изгнании...

...Шли последние годы жизни Августа. Фактическая власть все более переходила в руки Тиберия: он принимал иностранных послов, непосредственно руководил вооруженными силами, ему принадлежала честь подавления грозного восстания 6—9 гг. на Балканах, он сумел локализовать последствия потери зарейнской Германии и гибели трех легионов в 9 году. Но Август был человеком, которого полностью подчинить своей воле не мог никто, не удалось это и Ливии. А в это время появляются пока еще малозначительные симптомы того, что принцепс, расточая Тиберию лесть и устно и письменно, начинает задумываться над альтернативным вариантом. В конце восстания 6—9 гг. Тиберия на посту главнокомандующего римскими войсками на Балканах сменил Германик, и, хотя дебют молодого военачальника оказался не особенно удачным, карьера Германика движется к зениту: он назначается командующим Рейнской армией (восемь легионов — крупнейшая войсковая группировка Империи!). Август колеблется, не сделать ли своим наследником его вместо Тиберия, но определенного решения пока не принимает. Появляются и другие признаки постепенного изменения позиции принцепса: его дочь переводится с острова на материк, условия ее содержания улучшаются. Наконец — и это было самым опасным — до Ливии дошли сведения о строго засекреченном свидании Августа с Агриппой Постумом, во время которого будто бы произошло примирение деда с внуком. Медлить было нельзя — и летом 14 г. Август неожиданно заболевает. Один (правда, поздний) источник прямо указывает, что он был отравлен Ливией, которая страшилась возвращения Агриппы Постума, решение о чем император будто бы уже принял. Абсолютная достоверность этой версии сомнительна, но не исключено, что течение его болезни было действительно «откорректировано» по воле Ливии с тем, чтобы его завешание, последний вариант которого был составлен 3 апреля 13 г., осталось неизменным. Начало этого документа, обнародованного после смерти Августа, гласило: «Так как жестокая судь-

ба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, наследником моим... пусть будет Тиберий Цезарь». Ливия добила своего...

...«Первым злодеянием нового принципата» назвал Тацит немедленное убийство Агриппы Постума. Тиберий сразу отмежевался от уничтожения своего поверженного соперника: когда убийца, центурион преторианской гвардии, доложил, как предписывал военный устав, об исполнении приказа, новый император ответил, что ничего не приказывал и что центурион должен отчитаться перед высшей государственной инстанцией — сенатом. Правда, дело было быстро замято, сенат его не обсуждал. Общественное мнение обвиняло Тиберия в самом гнусном лицемерии, считая виновниками гибели последнего внука Августа именно нового принцепса и его мать. Напротив, некоторые историки в наше время доказывают, что Ливия и Тиберий были непричастны к этому злодеянию — распоряжение об убийстве Агриппы, мол, оставил сам Август. Попытаемся разобраться в этом непростом деле, одной из первых «тайн императорской власти» Рима.

Сначала ограничимся установлением бесспорных фактов. Ясно, что существовал письменный приказ об убийстве, подписанный Августом. После смерти принцепса руководитель его аппарата Саллюстий Крисп (между прочим, племянник и приемный сын знаменитого историка) направил это предписание военному трибуну преторианцев, начальнику охранявшей Агриппу Постума стражи. Тот отдал соответствующее распоряжение центуриону, и ничего не подозревавший внук Августа был умерщвлен, причем об его участии сожалел даже убийца. Спонтанная реакция Тиберия на рапорт центуриона, похоже, доказывает, что он действительно не знал об этом деле. Напротив, утверждение о непричастности Ливии может вызвать только улыбку — если под приказом об убийстве и стояла подлинная подпись Августа, то, образно выражаясь, рукой его водила Ливия. По-своему это было строго логично — Агриппа действительно не имел права жить после смерти Августа — по соображениям государственной безопасности, особенно если понимать под таковой безопасность ее и Тиберия. Еще при жизни Августа были раскрыты два заговора, инициаторы которых намеревались похитить Агриппу и Юлию из-под стражи и доставить их к армии, явно рассчитывая на воспитанную у легионов и «глубоко укоренившуюся любовь к Цезарям». А по смерти Августа раб Агриппы Постума Клемент «с несвойственной рабской душе отвагою» (Тацит) решил выкрасть своего господина и доставить его к Рейнской армии. Опоздав на Планазию — Агриппу успели убить, Клемент,

похожий на него внешностью и возрастом (не был ли его отцом сам Август, любивший развлекаться с юными невольницами?), выкрал урну с прахом господина и... выдал себя за внука Августа, чудесным образом спасшегося от гибели. Он успел собрать значительный отряд сторонников, пока «министр госбезопасности» Саллюстий Крисп не организовал его похищение и доставку в императорский дворец. На вопрос Тиберия, как же он умудрился стать Агриппой, тот ответил: «Так же, как ты — Цезарем». После жесточайших пыток Лже-Агриппа был тайно умерщвлен и труп его также тайно был вынесен из дворца. Эта завеса глубокой секретности доказывает как то, какую опасность для Тиберия представил бы был подлинный Агриппа Постум, так и то, что его двойник не был обычным рабом.

Хотя мать сделала все, чтобы Тиберий сразу взял в руки реальные рычаги управления и с этой целью даже распускала слухи об улучшении состояния Августа, когда последний был уже мертв, ситуация передачи власти от старого правителя новому была все еще слишком необычной (старики вспоминали убийство Юлия Цезаря, когда, по выражению Тацита, «столь несчастливо была возвращена свобода»). Тиберий уже после обнародования завещания Августа долго не соглашался принять от сената верховную власть, хотя, как иронически заметил тот же Тацит, в действительности не проявлял медлительности ни в чем, кроме речей. Причиной такого поведения была исключительная сложность обстановки: «Я держу волка за уши», — говорил в те дни сам Тиберий, и этому высказыванию нельзя отказать в меткости. Самым опасным было то, что взбунтовались легионы на Рейне и Дунае, причем Рейнская армия прямо отказалась признать Тиберия императором и предложила верховную власть Германику. Если бы последний не приложил прямо-таки героические усилия (вплоть до угрозы самоубийства), чтобы привести войска к присяге Тиберию, дело могло принять непредсказуемый оборот.

Когда ситуация стала нормализовываться, на Тиберия и Ливию¹¹ обрушился мутный поток и самой низкопробной, и изощренной лести. В частности, было предложено переимено-

¹¹ По завещанию мужа Ливия посмертно удочерялась им и получала имя Юлии Августы. Подлинная же Юлия, дочь Августа, умерла вскоре после прихода к власти своего бывшего мужа и убийства Агриппы Постума, последнего ее сына и последней надежды. Есть основания считать: что об ее скорой смерти тоже позаботились.

вать месяцы сентябрь и октябрь в тиберий и ливий. Тиберий отказался, съязвив: «А что вы будете делать, когда у вас станет тринадцать цезарей?» Что же касается Ливии, то она, сыграв ключевую роль в приведении сына к власти, явно была намерена разделить с ним бремя управления государством. Но намерения вдовствующей императрицы натолкнулись на неожиданное препятствие — таковым явился сам Тиберий. Человек уже немолодой и крайне самолюбивый, он, конечно, сознавал, чем обязан матери, но неимоверно тяготился необходимостью постоянно проявлять эту благодарность. Тиберий оскорбился, когда сенат (!) предложил официально именовать его не только «сын божественного Августа», но и «сын Ливии». Он твердо решил «поставить на место» мать и не допустить, чтобы она в любой форме стала его соправительницей. «Поэтому он не допустил, чтобы ее величали «матерью отечества» и чтобы ей оказывали от государства великие почести, напротив, он не раз увещевал ее не вмешиваться в важные дела, которые женщинам не к лицу...» (Светоний).

Ливия болезненно переживала метаморфозу, происшедшую с ее сыном, пыталась протестовать, открыто и многократно напоминая ему, что именно она возвела его на трон, но Тиберий стоял на своем. Полного разрыва между ними не произошло: для Ливии идти на это было бессмысленно и опасно — она сама устранила с его пути всех соперников, Тиберий же, особенно поначалу, нуждался в советах матери по многим важным проблемам. Но постепенно отчуждение становилось все более глубоким, пока они вообще не перестали видеться. Правда, ходатайства Ливии за ее знакомых, как правило, удовлетворялись (иногда со скрипом), ее подруг, как выразился Тацит, «дружба Августы ставила выше законов», но и только. Тем не менее само ее существование ставило моральную преграду самовластию Тиберия, и лишь после ее кончины террор с полной силой обрушился на римскую аристократию, не обойдя и императорскую фамилию.

...Ливия умерла в 29 г., на пятнадцать лет пережив своего супруга. Тиберий, уже несколько лет как обосновавшийся на Капри, на ее похороны не приехал...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные государства Северного Причерноморья. М.; Л., 1955
АИМУМ	— Археологические исследования молодых ученых Молдавии
АМА	— Античный мир и археология
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ГХЗ	— Государственный Херсонесский историко-археологический заповедник
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	— Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСОАМ	— Краткие сообщения Одесского археологического музея
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИС	— Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в

	греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ОАМ	— Одесский археологический музей
ПИСП	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
П. о.	— Полевая опись
СА	— Советская археология
СП	— Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953
Тр. ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
УІЖ	— Український Історичний Журнал
ХС	— Херсонесский сборник
АА	— The Athenian Agora
ААН	— Acta Archaeologica Hungarica
AJA	— American Journal of Archaeology
BAR	— British Archaeological Reports
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
САН	— Cambridge Ancient History
IOSPE (ІРЕ)	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Pontii Euxini (ed. B. Latyshev)
JHS	— Journal of Hellenic Studies
PA	— Przegląd Archeologiczny
PZ	— Prähistorische Zeitschrift
RGK	— Römisch-Germanische Kommission
SA	— Slovenská archeologia
SCIV	— Studii si cercetari de istorio veche
SCIVA	— Studii si cercetari de istorie veche si archeologia
Syll.	— Sylloge Inscriptionum Graecarum
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СОДЕРЖАНИЕ

I. РАННЯЯ ГРЕЦИЯ. ЭЛЛИНИЗМ

Андреев Ю. В. (С.-Петербург). Мотив интронизации в искусстве минойского Крита	4
Кащеев В. И. (Саратов). Война и понятие справедливости у греков в эпоху эллинизма	23
Климов О. Ю. (Мурманск). Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма	50

II. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Бруйко И. В. (Одесса). Северо-Западное Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья	60
Виноградов Ю. А. (С.-Петербург). К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского	79
Кац В. И. (Саратов). Этюды по керамической эпиграфике Синопы. I. Проблемы классификации	96
Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. (Саратов). Новое о старых материалах из херсонесского некрополя	118
Раев Б. А. (Новочеркасск). Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии	160

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

Парфенов В. Н. (Саратов). «Злая мачеха дома Цезарей» (исторический очерк)	176
Список сокращений	190

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Проблемы истории и археологии древней ойкумены

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 9

Редактор Н. Г. Жакина

Технический редактор Л. В. Агальцова

Корректоры Р. Э. Арбитман, И. В. Книгина, Т. В. Михайлова

ИБ № 3405

Сдано в набор 30.04.92. Подписано в печать 13.01.93. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага типогр. № 3. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 11,16(12). Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 4848. С. 56.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42.
Типография издательства «Слово», 410601, Саратов, Волжская, 28.